

КРЫЛЬЯ Истории

18+

Андрей Манохин

Андрей Сергеевич Манохин

Крылья. Истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42355477

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95315-4

Аннотация

5 часть цикла "Крылья". Ответвление от основного сюжета. Сборник из различных историй о людях, которые так же, как и Джек Ленс, оказались в новом неизвестном мире. Людях, которых он должен спасти. Людях, не помнящих свою прошлую жизнь. Истории расширяют и дополняют основной сюжет. Они дадут намного больше представления о том, что уже произошло с ними в реальном мире. Эти истории раскроют душу этих людей, а также явят ответы на многие вопросы.

Содержание

Предисловие автора	4
Её глаза	5
Улыбка	189
Зверь	216
Зеркало	237
Важное решение	261

Андрей Манохин Крылья. Истории

Предисловие автора

Перед вами пятая книга из цикла «Крылья».

ЦИКЛ «Крылья»:

«Крылья»

«Город Дождя»

«Фальшивые улыбки»

«Тайна короля»

«Истории»

Её глаза

(Благодарность Наоми Аракаве и Ёситоки Оиме. Без них не было бы этой истории)

Пролог

– Пойдём уже. Сколько можно стоять тут?

– А оно мне надо? Я не понимаю, зачем мы пришли в это место.

– Но, когда я тебя позвал, ты ведь не отказался от моего предложения.

– Похоже, зря. И вообще, у тебя тренировки сегодня нет?

– Как видишь. Какие-то технические проблемы. Тренер сказал, что завтра будет. Вот поэтому я тебя и привёл.

Мы стояли в самом начале длинного коридора с огромным количеством дверей. Из каждой раздавались шум и громкие голоса. Словно муравейник, в котором копошатся сотни и тысячи их жителей. Каждый из них совершает свою, отличную от других, но, при этом, не менее важную работу. Плохо работающие лампы на потолке своим потрескиванием и периодическим мерцанием придавали ещё большего антуража. Если забыть о том, что мы находились на восьмом этаже крупного офисного здания, стоя в этом коридоре, закрыть глаза, то можно окунуться во что-то неведомое доселе. Все эти голоса и шумы создают нечто новое и непонятное. Небольшая сказка, которую не каждый прочувствует и

поймёт. Может быть, будь я в этом месте через месяца два-три, то вдыхал бы странный аромат работы сотен муравьёв, но не сейчас. Мне совершенно не хотелось здесь находиться.

– И что на этом этаже находится?

– Ну я же тебе сказал, что различные кружки, клубы и секции. Им специально отвели целый этаж. Тут чего только нет. Правда, ничего спортивного, к сожалению.

– Так, стоп. Тогда зачем мы здесь? Ты чего удумал?

Хитрая улыбка Жени мне совершенно не понравилась. Такое лицо всегда говорило, что ничего хорошего ждать не стоит. На счёт этого я никогда не ошибался.

– Слушай, мне уже надоела твоя кислая мина каждый день. Ты и так забросил всё, что можно. Дело дойдёт до того, что ты потеряешь своего последнего друга. А мы с тобой с начальной школы вместе.

Мы шли вперёд по коридору, иногда заглядывая в маленькие окошки комнат, где проходили самые разные занятия. Дойдя до середины, остановились напротив лестницы и двери, из которой доносилась чудесная и лёгкая музыка.

– Жека, ты серьёзно?

– Ну, ведь музыка – это всё для тебя. Нельзя так просто взять и бросить свою жизнь. Здесь находится целый музыкальный клуб. Я уже всё разузнал. Сюда приходят люди, как учиться музыке, так и просто играть для души. Я вчера был здесь, посидел, послушал. Это круто. Внутри воцаряется волшебная атмосфера. Я хоть и тупой спортсмен, но та-

кое даже я понять могу. А тебе просто нужно побыть в этом месте. Хотя в основном музыканты помладше тебя и почти все девушки, но всё равно.

– И ты думаешь, что это меня взбодрит?

– Ну, попытка не пытка. Я уже и не знаю, что тебе предложить.

– Жень, я, конечно, тебе очень благодарен...

На этом мои слова оборвались. Знаете, бывают такие моменты в жизни, когда всё вокруг тебя замирает. Словно в замедленной съёмке, в слоу-мо. Слышно каждый удар собственного сердца, дыхание более учащённое. И такое не забывается никогда. Она поднялась по лестнице, а потом прошла мимо меня. Казалось, что она специально шла медленно, хотя, на самом деле, было не так. Девушка небольшого роста, совершенно не замечая нас, прошла мимо. Лёгкое белое платье, не выставляя ничего напоказ, завораживало. А золотистые длинные волосы чудесно переливались перед моими глазами. Я не мог оторвать от неё взгляда. Девушка же смотрела просто вперёд, не замечая ничего и никого вокруг. Но ещё больший шок был мною испытан, когда она поравнялась со мной. Я увидел лицо, чудесное, прекрасное, неземное. Словно ангел спустился с небес на землю и сейчас шагает передо мной. Но какого же было моё удивление, когда через секунду я понял, кто эта девушка. Мой открытый рот и широкие глаза оставались такими, даже когда она уже вошла внутрь одного из кабинетов.

– Эй, Рома, что с тобой? Чего так на неё уставился? Знакомая?

Я не мог шибаться. Глаза не ввали. Это была она. Юля. Но я не ожидал, что снова её хоть когда-нибудь увижу. Через столько лет. По-прежнему тупо глядя на уже закрытую дверь, я не мог совершенно ничего сказать.

Именно с этого дня моя жизнь снова круто изменилась. Как в тот раз. И снова в конце апреля.

Глава 1

Не люблю весну. Просто без ума от осени, а вот от весны совершенно не в восторге. Не для меня. Осень – это меланхолия, время раздумий, чая, тёплых посиделок. Я могу долго и с удовольствием разговаривать об этом. А вот весна – одно сплошное недоразумение. Единственный плюс в том, что начинает теплеть, и скоро будет лето. И всё. Даже такой хороший месяц, как май, плох. Да, всё цветёт, радуется жизни. А мне не радостно, нисколько. Ничего хорошего не вижу. Вот и сейчас. Апрель уже вступил в свои права. Ярко светит солнце, поют птички, тает снег. А ты ещё тепло одет, и непонятно, в чём идти на улицу. Вроде через час уже вспотел, а если будешь налегке, то точно заболеешь. На дорогах настоящая снежная каша, под которой вода, но не заметишь и промочишь ноги. Нужно всё время следить, где ты идёшь. Ну а про чёрный снег я тем более молчу. Зная наши службы, эти непонятные тёмные кучи будут только нарастать в любой точке города. Ну и как тут можно говорить о красоте и ра-

дости, когда вокруг такое творится. Если только уставиться в небо, и так идти всю дорогу. Больше никак.

И вот, в таком настроении, я шёл по улице. Была пятница, но на уроки в школе я не пошёл. Да кому они нужны, в принципе. Ну, кто в здравом уме будет ходить на все уроки в 10 классе. Вот и я так решил. Нет, это, конечно, не говорит о том, что я злостный прогульщик и раздолбай. Нет. Я всегда учился и учусь хорошо. Просто иногда это так надоедает. А чем-то заняться определённым я не смог. Просто потому что не знал, чем. Раньше у меня всегда были вещи, хобби, которые я любил, но не сейчас. А переход произошёл слишком уж резко.

Хорошо гулять, когда рядом никого нет. Ты можешь спокойно вдыхать этот мир в одиночку, не делясь ни с кем. Люди раздражают, мешают. Не люблю их. Хотя, один раз, сдавал кровь в больнице, чтобы помочь людям, но не более. Просто она у меня редкая. И то меня в целом заставил мой друг. Но это так, исключение было. А иногда быть одному нужно и полезно. Я этим пользуюсь слишком часто. Вот и сейчас, гуляя по Нарымскому скверу, я радовался, что вокруг пусто. Но, всё-таки, я был не один. Со мной была моя верная музыка. Без неё никуда. Ну как можно куда-то ехать или идти без наушников и любимых песен. Не слушать же эти противные разговоры людей, до которых мне нет дела. А музыка – всё для меня, без неё просто невозможно жить. Вот и сейчас, включив «Мумий Тролля», я с улыбкой шёл по скверу. Про

музыку я могу говорить очень долго. Одна из моих любимых тем в принципе. Слушаю я практически любые жанры. Даже голимую попсу и рэп. Всё зависит от настроения. Но, наверное, больше всего русский рок и песни 80-х и 90-х. Что-то в них крутое, несвойственное всему остальному. Да и сам я умею играть. Правда, классику, на рояле. Но это уже совсем другая история. Я завязал. К сожалению, или нет, не знаю. Время покажет.

Будучи совершенно отрешённым от всего, я и не заметил, что мне под ноги бросилась кошка. Она гналась за птицей и не увидела меня. Совсем молоденькая, чёрного цвета, юркая донельзя, она так и не смогла поймать её. А после этого, наконец, заметила меня. Села на дорожку и уставилась. Не боясь, смотрела, покачиваясь из стороны в сторону. Я решил подойти к ней поближе. Кошка не шелохнулась, когда моя рука потянулась к ней. Только немного замурчала. Я начал гладить по голове, а она, закрыв глаза, стала тереться ей об меня. Правда, на действие «взять на руки» я получил в ответ шипение и неодобрительный оскал. Словно так и говорила: «Хорошего понемногу». После этого она убежала от меня с дорожки обратно в кусты, но потом снова выглянула и одобрительно «мяукнула». В итоге скрылась насовсем. «Надо будет ещё сюда к ней в гости заглянуть. Хорошая кошечка».

В отличие от людей, к животным я отношусь более положительно. Я их просто обожаю. Я бы даже не против, если бы вместо людей были только они. Ну, ведь действительно, во

всём лучше. Особенно в плане души. Для них преданность и дружба намного выше стоят чем у людей. Всегда говорил, что, если будут тонуть с одной стороны собака или кошка, а с другой человек, я спасу животное. И не капли об этом сожалеть не буду.

Больше никто не попался в сквере. Я вышел из него и направился к книжному магазину. Книги дают невероятный заряд бодрости и свежести. А тем временем погода продолжала радовать. На небе совсем нет облаков. Чудесно. Вот никогда не понимал, почему многие люди хотят переехать в Москву или Санкт-Петербург. Ладно, ещё можно понять тех, кто живёт в деревнях или маленьких городах. Но тут то. Новосибирск ведь крутой город. Да, тут действительно мало прекрасных сооружений, город бывает слишком сер. Но, зато он такой родной. Неохота его менять на другой. Вот и сейчас, гуляя по его улицам, чувствуешь себя живым и свободным. Мало людей и машин, ярко светит солнце, ещё не слишком жарко, но и не слишком холодно. Да и тебе самому торопиться некуда. Не то, что раньше. Ведь раньше я был весь в заботах, даже не следя за тем, что вокруг творится. Эти бесконечные репетиции до глубокой ночи перед роялем. Стоявшая за моей спиной мать, отчитывающая за любую ошибку. Хоть я и любил играть. Тоже самое с тренировками. Гонять мяч целыми днями. И суровый взгляд отца, если я терял его. А сейчас на душе как-то легко. Правда, это только днём. Ночью же меня всего грызёт изнутри. Я чувствую, что

решение было неверным и преждевременным. Жизнь была слишком круто изменена в одно мгновение. Всё случилось очень неожиданно. Я изменился. В лучшую ли сторону? Не знаю. Раньше было всё, теперь ничего. Раньше мной все восхищались и носили на руках. Раньше меня ставили в пример другим детям. Раньше у меня было много друзей. Раньше у меня были родители. Раньше я был другим. Раньше. А теперь даже не знаю, кто ходит в моём теле. Стал тупо плыть по течению жизни с отрешённым лицом. Я чувствую себя свободным только лишь на словах. Не более. Сейчас многие молодые люди взяли за практику считать себя ущербными, не принимаемыми обществом, не такими как все. При этом не прикрепляя доводов и причин. Лицемеры. У меня же есть конкретные примеры. Хоть я и сам виноват. Жизнь даёт мне оплеухи, а я даже не стараюсь уклоняться. Это прискорбно. Я ничтожен. Просто никто.

Собственные мысли, так незаметно, привели меня к дому, где уже с улицы чувствовался запах приготовленных булочек. Значит, бабушка готовила к ужину сладости.

Глава 2

– Кижич!

Бывают такие моменты, когда уходишь в себя и даже не думаешь ни о чём. Просто смотришь в одну точку и всё. Не замечая никого вокруг.

– Рома Кижич.

Я повернул голову и, наконец, понял, что нахожусь в клас-

се. Мария Александровна с недовольным видом глядела на меня, находясь у доски. Она зачитывала отрывок из «Униженных и оскорблённых» Достоевского. Судя по всему, вопрос был задан мне, но я никаким образом не отреагировал на него.

– Я, конечно, всё понимаю. День сегодня хороший, последний урок. Но такого игнорирования я не потерплю. Может, объяснишься?

Я даже не попытался что-то ей ответить. Тупо пожал плечами.

– Просто задумался.

Такие слова ещё больше взбесили её. Но до конца занятия ко мне она уже не лезла. Просто вклеила «двойку». А я особо и не расстроился. Во время этого небольшого диалога никто даже и не взглянул на меня или проявил бы интерес. Всем было плевать. А меня это совершенно не трогало. За несколько лет я привык, что никто не хочет иметь со мной никаких дел и считает пустым местом. Поэтому я спокойно сидел на последней парте один (она была двухместной) у окна.

Солнце нещадно слепило. На небе не было ни тучки, а окна без жалюзи или штор. Меня даже радовало. Припекало, и от этого немного разморило. Так и хотелось уснуть. За полученную «двойку» я особо не беспокоился. Тех оценок, что были по литературе, вполне хватит на итоговую «четыре». Я вообще перестал волноваться на счёт учёбы. Странно, что

раньше так переживал. Сейчас я ходил в это место исключительно по инерции, не более. Всё-таки уже 10-й класс, и школу нужно закончить. Ну и чтобы бабушка особо не переживала, а то не дай Бог.

Прозвенел звонок, и все начали собираться. Я встал из-за парты, но проходящий мимо Стас толкнул меня, что удержаться удалось с трудом. Он прошёл, даже не взглянув. Хоть это и показалось совершенно случайным, я понимал, что он сделал специально. Вступать с ним в перепалку было бы последним делом, так как у нас абсолютно разные весовые и силовые категории. А ведь когда-то мы были хорошими друзьями. Я вышел последним из класса. Все спешили поскорее покинуть школу, некоторые даже бежали по коридору. Я же, размеренным шагом, спокойно, не замечая всей этой суматохи, направлялся в сторону спортивного зала. Наша школа сильно не отличалась от большинства других. Ничего такого выдающегося. Мои родители не были самыми бедными и вполне могли отдать меня в какую-нибудь частную, престижную. Но в младшие годы я стал увлекаться музыкой, а чуть погодя ещё и футболом, поэтому они решили, что развитие этих навыков намного важнее, а школа – это просто стандартная часть жизни, не более. Поэтому я и учусь здесь. Да и меня самого всё устраивало.

В коридоре, который вёл к отдельно находящемуся от остального здания, спортивному корпусу, я был совсем один. Вокруг никого, и это радовало. Лучи света из окон ярко осве-

щали всё пространство помещения. На улице резвились дети из младших классов. Всегда было интересно наблюдать за теми, кому наплевать на окружающий их мир. Они резвятся, веселятся. Их ничего не беспокоит. Иногда так сильно завидуешь таким людям.

– Эй, хватит витать в облаках, – и сильный удар пришёлся мне по затылку.

Я обернулся и увидел Женю. С сумкой на плече, улыбкой во весь рот, он стоял и обтирал своё лицо полотенцем. «Наверное, только из душа».

– Ты чего в спортзал не заходишь?

– Ну, так у меня же справка, что мне нельзя заниматься физкультурой. Сам же знаешь.

– Да я не про это. Да и справка твоя, липа. Мне то заливать не надо. Я про другое. Виталий Михайлович про тебя периодически спрашивает. Хоть бы заглянул, пока тренировки у нас тут идут, в школе. Пацаны будут рады, – Женя сегодня явно был в настроении, впрочем, как всегда.

– Мне неохота. Как зайду, так сразу появится тяга к мячу. Я не хочу рисковать.

– Твои предрассудки иногда начинают бесить. Ты даже не пробуешь, не пытаешься.

– Давай только без твоих нравоучений. Больше вообще не буду тогда тебя ждать после уроков, понял.

Мы вышли из дверей школы и решили немного прогуляться пешком, прежде чем сесть в автобус. Женя, как и я,

учился в десятом классе, но параллельном. Познакомились мы семь лет назад и дружим до сих пор, несмотря ни на что. Мой отец и его отец привели нас в одну футбольную секцию в один день. Я никогда не верил в совпадения, но тот случай заставил меня пересмотреть собственные взгляды. Мы подружились практически сразу. В детстве я был чуть ближе к нему по характеру, не то что сейчас. Женя всегда был очень дерзким, резким, шустрым малым. Но при этом очень добрым и весёлым. В беде он никогда не бросит. Если перед ним стояла цель, то любыми способами Жека старался её достичь. До сих пор помню тот день, когда он впервые увидел, как я играю на рояле. Это было полной неожиданностью для него. Такое, по его мнению, не могло совпадать с моим поведением и характером. Настолько спокойным и уравновешенным он меня больше никогда не видел, как за игрой на клавишных. Всегда меня этим подначивал. В школе Женя был известной спортивной личностью, но никогда особо не использовал свою популярность. В данный момент он был моим единственным другом. И это при том, что со мной в школе никто не общался. Пускай у нас бывали разногласия и даже драки, мы до сих пор дружны.

– Кстати, что скажешь на счёт вчерашнего? – похоже, Женя уже давно хотелось задать мне этот вопрос.

– А что ты хочешь услышать?

– В смысле что?! Ты же встретился с Юлей. Раз сам говоришь, что это была она.

– Ну, во-первых, я её просто увидел, а во-вторых, тебе какое до этого дело?

– Слушай, ты серьёзно сейчас? Я видел с какими ты глазами бежал оттуда. Еле поспевал за тобой. Ты мне даже слова сказать не мог. Факт, до сих пор забыть не можешь вчерашнее.

Как бы мне не хотелось ответить ему «нет», но нет. Женя был прав. После того случая, в моей голове то и дело прокручивался момент, когда Юля проходила мимо. Всё то, что произошло между нами раньше, хлынуло в мою голову, заставив вспоминать прошлое, которое я так крепко запрятал, казалось бы, навечно. Было так страшно, что сразу же убежал. Одна только мысль о ней, живущей тут, рядом со мной, в одном городе, бросала в дрожь.

– Я боюсь.

– Вооооот. Теперь я слышу твои настоящие слова. Ты понимаешь, это знак. Знак, что можно всё исправить, – Женя буквально сиял от этих слов.

– Даже не думай. Ты хочешь, чтобы я с ней встретился?

– Ну, само собой.

– Ты вообще представляешь это? Как я буду в глаза смотреть? Не смогу. Зачем ей видеть мою рожу.

– Слушай, Ром. Нельзя же сидеть в своей раковине вечно. Хуже уже точно не будет. Куда ещё хуже. Пора что-то менять. Мне надоел такой овощ перед глазами. То, что случилось вчера – это судьба. И такой шанс упускать ни в коем

случае нельзя. Ты меня понял?

– И что ты предлагаешь?

– Завтра снова сходи туда. Встреться с ней. Столько лет уже прошло.

Я застыл на месте. Это было, наверное, самым страшным, чего больше всего боялся. Боялся её взгляда. «Что произойдёт, когда она увидит меня?» Женя похлопал меня по плечу.

– Всё будет хорошо. Давай, побежали к остановке. Наш автобус едет.

Глава 3

– Что это такое? Никуда не годится! Наши прошлые занятия были зря?! Пока не сделаешь идеально, спать не ляжешь.

– Ну, мам. Так ведь лучше. Мне так больше нравится.

– Не перечь мне. Я знаю, как правильно.

Никогда не понимал, почему нужно всё делать по канонам и правилам. Я всегда любил фантазировать и придумывать что-то новое, но уже с малых лет мне обрывали всё на корню. Увлёкаться музыкой и играть на пианино и рояле начал, как только пошёл в школу. Я обожал звуки, рвущиеся из инструмента, которые превращались в невероятные мелодии. Тому, что я всерьёз стал заниматься музыкой поспособствовала мама. Мои родители в принципе оказали на меня влияние, как положительное, так и отрицательное.

Я родился в обычной среднестатистической семье. Мы не были богаты, но с деньгами проблем не было никогда, да и у нас имелся большой дом. Раньше моя мама была пиани-

нисткой. Она посвятила всю свою жизнь музыке и добилась неплохих успехов. Правда, после моего рождения, её карьера стала резко падать. Поэтому, было неудивительно, что, когда я заинтересовался игрой на клавишных, радости её не было предела. Словно жизнь давала ей новый шанс, только в виде меня. До сих пор помню свой первый поход на концерт в филармонию. Это было незабываемо. Я как замороженный смотрел на пианистов, которые могли выдать слушателям волшебные мелодии. Практически весь концерт я сидел с открытым ртом. Мама смотрела на меня и улыбалась. Она всё время что-то рассказывала о тонкостях музыки, но я её не слушал. Я был весь там, на сцене. Поначалу, она, всё-таки, немного скептически относилась к моему увлечению. Это в первую очередь касалось характера. Я был не самым послушным ребёнком. Часто, после улицы, я возвращался с синяками и разорванной одеждой. Да и дружил не с самыми хорошими ребятами. Но то, с каким усердием я взялся за классическую музыку, просто поразило её, да и меня самого тоже. Я очень быстро научился играть несложные композиции. Мама во всём старалась мне помочь. В то время я очень любил заниматься с ней вместе. Это было прекрасное время. Когда я переключался на музыку, то словно менялся, перерождался, становился другим человеком. Все в семье удивлялись моей трансформации. Я не думал тогда ни о чём глобальном. Просто хотелось играть. Всё время, без остановки.

Через полгода после увлечения музыкой (я пошёл во вто-

рой класс), в мою жизнь ворвался футбол. И тут уже заслуга отца. По профессии он был инженером, но в душе футболистом. Много лет занимался этим спортом профессионально (хоть и не на высоком уровне). Успехов особых не снискал. К сожалению, его покосили многочисленные травмы. Зато дома, часто сидя поздно ночью, он смотрел футбол. Громко крича и комментируя каждый момент, буквально жил этим. По выходным с друзьями они собирались и вместе играли. Я же в принципе не интересовался никаким видом спорта до определённого момента. Пока не увидел футбольный матч по телевизору. Вот бывает такое, что происходит в голове щелчок, и всё. Ты словно становишься заложником, и тебе самому это нравится. Я с упоением начал смотреть футбольные матчи вместе с отцом. Тот был просто счастлив, что у его сына такие же интересы. Он купил мне мяч. Теперь я часто стал играть с друзьями в футбол во дворе. На поле у меня многое не получалось, хоть и старался, поэтому пришлось вставать на ворота. Вот тут и стало понятно, где получается показать себя во всей красе. Не скажу, что я сразу же стал мега крутым вратарём, но задатки были. Отец купил мне вратарскую форму. Он стал внимательно следить за тем, как я играю.

Получать удовольствие. Разве не это нужно человеку в жизни? Это было лучшее время. Я словно плавал в море блаженства. Непередаваемое ощущение. Мне больше ничего не нужно было для счастья. Я занимался двумя любимыми де-

лами. На учёбу это особо не влияло, всё успевал. Будь то футбол или музыка, я отдавался полностью, до последней капли. Был свободен ото всех оков. К сожалению, это длилось недолго.

С каждым днём, неделей и месяцем мама замечала, что я играю всё лучше и лучше. И вот наступил тот момент, когда она решила отправить меня на музыкальный конкурс. Для молодых талантов такой проходил в городе каждый год. Мама сказала мне самому выбрать композицию. Я очень любил сонату для фортепиано №8 в ля миноре Моцарта, но никогда раньше её не играл. Будучи за кулисами, я слушал игру других детей. Мне казалось, что у нас совершенно разные весовые категории, и я тут лишний. Они уже годами занимались профессионально, любителям тут не место. Но мне хотелось порадовать маму. И у меня получилось. Никогда не играя для публики, я был скован. Даже чуть не упал на сцене. Но всё изменилось, как только пальцы коснулись клавиш. Словно, улетаю в какой-то неведомый мир, я парил. Бесконечно парил, чувствуя одну лишь свободу. Как потом мне сказала плачущая от радости мама, я сотворил нечто волшебное. Весь зал был окутан невероятным теплом. Люди сидели с открытыми ртами и слушали. Слушали, боясь пропустить что-то важное. Никто не мог поверить, что такой маленький, хрупкий мальчик может играть настолько волшебное. В итоге, именно мне вручили главный приз. А мама заявила, что теперь я буду заниматься профессионально и ста-

ну величайшим музыкантом. Мне это понравилось, но я ещё и не знал, что моя свободная душа в музыке превратится в идеального робота.

– Всё свободное время после школы ты будешь заниматься.

– Но, мам. Я хочу гулять, играть с друзьями. Я же ещё люблю футбол, – я не ожидал от неё такого.

– Я тебе говорю. Можешь немного играть, но не более. Музыка на первом месте.

Она изменилась до неузнаваемости. Всё то, что у неё не получилось, хотела возместить на мне. Теперь я должен был играть по канонам, не придумывать ничего, зазубривать до мельчайшей точности. Иногда я мог сидеть всю ночь и играть, пока не получится. Пальцы уставали и немели. Голова вечно болела. А мама стояла сзади и кричала. Почти всегда она кричала, чтобы я играл лучше. Несколько раз била меня по рукам. Я изменился. Перестал быть тем нахальным ребёнком. Стал музыкальным роботом без души. И стал знаменитым. Любой конкурс я выигрывал без проблем. Соперники меня ненавидели, а жюри и известные музыканты боготворили. Моя идеальная и правильная игра их поражала. Всегда с непоколебимым и больше неулыбающимся лицом. Музыка стала не жизнью, а рабством.

Отец был недоволен такими моими метаморфозами, поэтому решил перейти к конкретным действиям. Все разговоры с мамой шли в тупик и заканчивались ссорами. Он ре-

шил отдать меня в секцию футбола. Мама была против. После долгих уговоров отца и моих просьб, она согласилась. Но с одним условием. Если футбол хоть немного, но станет мешать музыке, то всё отменяется. Я был безумно рад. Отец тоже. У него был один знакомый, который предложил меня на просмотр в специальную секцию футбола. Именно тогда я и познакомился с Женей. Именно он мне помог побороть страх. Я почувствовал в нём что-то родное. Несмотря на огрехи, моя игра на воротах очень понравилась тренеру. Мы оба были приняты. Я никогда не видел отца таким счастливым. Футбол словно дал мне новую жизнь. У меня появились улыбка и задор. Я всегда с огромной радостью почти бежал от этих страшных и жестоких уроков с матерью сюда. Но и бросить музыку не хотел. Не мог жить без неё. Да и боялся расстроить маму. Правда, вскоре и с отцом произошла такая же метаморфоза.

Моя игра с каждой тренировкой становилась всё лучше и лучше. Тренер всегда выделял меня и Женю. И в один прекрасный день он заявил, что хочет нас перевести в новую команду. Тренер собирал её из лучших, по его мнению, футболистов и отправлял на турнир. Нашей радости не было предела. Я и не мог мечтать, что добьюсь чего-то серьёзного в спорте. А тут такое. Мама, хоть и порадовалась, но натужно. Запретить мне полностью играть она не могла или боялась, не знаю. Но то, что теперь придётся делить меня с отцом, было ей в тягость. А он изменился. Понял, что из меня мо-

жет выйти толк. Назвать последующие его действия строго-стью даже язык не повернётся. Он следил за каждой моей тренировкой, а дома наказывал за любую ошибку или пропущенный мяч.

– Но ведь все совершают ошибки, пап.

– Заткнись! Ты сегодня столько раз накосячил, что мне было стыдно! Играй нормально, а не как тряпка.

Его истерики звоном отдавались в ушах. Очень часто он бил меня, когда был слишком зол. Отец хотел, чтобы я никогда не совершал ни одной ошибки и выполнял всё идеально.

«Почему мои родители не понимали, что я человек, а не машина? Я могу ошибаться и это нормально. Они же хотят видеть перед собой робота».

Так моя жизнь изменилась полностью и бесповоротно. Я стал игрушкой своих родителей. Они заставляли делать меня всё идеально. И я делал. Не понимаю до сих пор, как я всё успевал. Огромное количество музыкальных конкурсов и спортивных турниров. Я выполнял всё, как они и говорили. О моих музыкальных талантах заговорили далеко за пределами города. Многие именитые иностранные деятели культуры приезжали, чтобы увидеть мои выступления вживую. И каждый раз весь зал вставал и аплодировал. А там, в самом его конце, стояла моя мама. Она словно гипнотизировала своим взглядом. Я боялся её. Тоже самое происходило и на футбольном поле. Наша команда выигрывала все турниры. Мы с Женей поочерёдно становились лучшими игро-

ками. Нам пророчили шикарное будущее. Я радовался победам со всеми вместе. Но только я глядел на трибуны, то видел суровый взгляд отца (даже когда он не приходил, я чувствовал его). Мне сразу становилось страшно.

«Разве так можно поступать с собственным сыном? Почему они так со мной? Я ведь и так стараюсь. Неужели они этого не замечают? Я не верю, что они хотят помочь мне. Я не верю, что они любят меня. Я им не верю».

Мне часто приходилось пропускать занятия, но из-за успехов в музыке и спорте всё сходило с рук. Со многими друзьями я стал общаться реже. Они это понимали и не держали на меня зла. А вот с Женей старался гулять всё свободное время. Он был единственной ниточкой, которая держала меня в этом мире и не давала полностью окунуться в чёрную дыру двух людей, откуда я уже никогда не смогу выбраться. Женя познакомил меня с Леной. Они были уже общались давно, их дома находились рядом. Лена одного возраста с нами. По характеру что-то среднее между мной и Женей. Бойкая девчонка, которая может постоять за себя, хотя иногда и показывала женскую натуру. Короткая стрижка, часто носила более мужскую одежду. Никогда ничего не боялась, или просто не показывала это. Мы нашли общий язык сразу. Мне хотелось находиться с ними двумя всё время. В любую свободную минуту (часто вечером) мы втроём гуляли по городу. Я никогда не рассказывал им о том, что происходит между мной и родителями. Скрывал свои синяки и ссадины. Хотя,

они всегда чувствовали, что у меня не всё хорошо. Особенно сильно подозревала Лена.

В один прекрасный день она без предупреждения пришла ко мне домой. По стечению обстоятельств входная дверь была открыта. Она не стала стучаться, а тихо вошла внутрь. В гостиной раздавалась музыка. Я играл на пианино, а мама стояла за спиной. Тут Лена и увидела, что происходит, когда я хоть немного ошибаюсь. Бесконечные крики матери. От той атмосферы, что творилась вокруг, девочке стало страшно. А когда она услышала крики моего отца со второго этажа, что я получу ещё порцию от него за проигранный матч, она с криком убежала из дому. Про тот случай она мне рассказала намного позже, перед своим отъездом в Москву.

С каждым днём я чувствовал себя всё хуже и хуже. Мне казалось, что ещё немного, и мой организм просто не выдержит подобного. И вот, наконец, я не выдержал. В тот день стало известно, что очередной музыкальный конкурс совпадает с футбольным матчем. Между родителями завязался нешуточный спор, о том, где мне быть. И было понятно, что к консенсусу они не придут. На моё мнение им было совершенно плевать. Дом ходил ходуном от их криков. Так продолжалось уже несколько часов. В итоге мои нервы сдали. Я просто подошёл к ним и высказал всё, что думаю о них. С криками сделал это. Они были в шоке и молча смотрели на меня. Я же выплёскивал все свои эмоции, что копились во мне долгое время. Это был крик души. Обозвав и наха-

мив, как только можно, со слезами, я убежал из дома. Возвращаться назад мне не хотелось. Недалеко от дома был лес, в котором мы ещё давно с друзьями построили шалаш. Никто о нём не знал. Там я и решил переночевать. Уже было всё равно, что там случится дальше. Я просто устал это терпеть. Стояла тёплая погода, тем более внутри шалаша находилось несколько простыней и одеял, которые я ещё давно стащил из дома. Так что холодно ночью не было.

Ближе к обеду следующего дня всё-таки решил проверить, что там дома происходит. Возле ограды стояла полицейская машин. Я испугался и поспешил к дому. Внутри увидел бабушку всю в слезах. Мои родители погибли той ночью. Так и не дождавшись меня, решили поискать по округе на машине. Они выехали на красный на перекрёсток и столкнулись с грузовиком. Смерть была молниеносной.

Бабушка рыдала, крепко прижимая меня к себе. А я. Я не плакал. Не испытывал никаких эмоций. Только почувствовал, что тяжёлый груз упал с моих плеч. А затем я заулыбался. Как дурак. Понимаю, что это неправильно, но ничего поделать не мог. Мне хотелось улыбаться, что есть силы. Словно пелена спала с глаз, осветив всё вокруг ярким и тёплым светом. Я не мог поверить, что теперь свободен от оков, которые не давали мне дышать. Блаженство, счастье, свобода. Даже, уже через столько лет не жалею, что чувствовал такое. Они хотели уничтожить во мне человека. И сделать свою копию.

Мне дали время отойти от произошедшего. Теперь я стал жить вместе с бабушкой. Женя и Лена часто навещали. Мне казалось, что теперь я могу заниматься своими любимыми делами без страха, с полной отдачей и желанием. Никогда ещё так не ошибался.

Если человек получает травму, на его теле может появиться рана. Со временем она зарастает, но то место уже не будет прежним. Останется рубец, с которым ты будешь жить всегда. Так и здесь. То, что было со мной, будет рядом. Несмотря ни на что. Я больше не мог играть. Меня пригласили на очередной концерт, и я, конечно, согласился. Моё выступление должно было быть последним. Руководители хотели закончить на высокой ноте, поэтому так и сделали. Все ждали мою игру. Но я не смог. Как только пальцы коснулись клавиш, она предстала передо мной. Там, в глубине зала, мама всё с таким же взглядом смотрела на меня. Пробыл пот, руки начали трястись, в горле спёрло. Я ничего не мог сделать. Ни единого движения рукой. Страх охватил всё тело. Так продолжалось несколько минут. Из зала слышались крики и смешки. Никто не мог понять, что со мной случилось. Сам я встать не мог, поэтому меня увели со сцены. Это был полный провал. Ещё несколько раз пытался снова, но ничего. Стоявшее у нас дома пианино внушало ещё больший страх. Я боялся даже заходить в ту комнату. Её присутствие чувствовалось везде. Каждый раз, касаясь клавиш, я принимал лишь страх, не более. Боялся музыки. Это был конец. Конец всей

музыкальной карьеры. Тоже самое случилось и с футболом. Тренер и партнёры по команде понимали, что у меня погибли родители и не торопили, но всему есть предел. Ситуация была идентичной. Выходя на поле, касаясь мяча, я чувствовал его. Фигуру, сидящую на трибунах. Злой взгляд отца. У меня словно темнело в глазах, а все движения становились медленными и неестественными. Каждый матч и огромное количество пропущенных голов. Хоть меня и жалели, но понимали, что с такой игрой никуда. Я сел на скамейку запасных. Но улучшений всё равно не было. И как меня не уговаривал Женя, я ушёл из команды и от тренера. Итог. Я бросил всё, что так любил и так ненавидел. Потерял всё.

Депрессия нахлынула с невероятной силой. Я не знал, что мне делать дальше. Кто бы что не говорил, но получить в малом возрасте такое количество ударов жизни, это серьёзно. Бабушка всегда старалась мне помочь хоть чем-нибудь. Про Женю и Лену я вообще молчу. Любыми способами пытались прогнать мою хандру. Понемногу, но это у них получилось. Я становился чуть живее. У Жени были частые тренировки, поэтому мы с Леной гуляли вдвоём. Она всегда являлась одним из моих лучших друзей. И останется, хотя я её не видел уже очень давно. Её отъезд стал настоящей неожиданностью для нас с Жекой. Родители Лены решили уехать в Москву. У неё не было выбора. Когда мы прощались, она впервые заплакала. Я никогда не видел её слёз, поэтому был сильно шокирован. Всегда считал её самым сильным человеком из

нас троих по характеру. Расставание с ней было тяжёлым. Теперь мы с Женей были вдвоём.

Я стал много общаться со своими старыми друзьями. Наши весёлые приключения, драки, проделки. Я снова стал попадать в различные неприятности. Как и раньше. Хоть Женя и был ещё тем сорвиголовой, но отношения со многими моими друзьями у него не заладились, поэтому я общался с ними по отдельности. Меня это несколько не волновало. Меня вообще мало что стало волновать. Я изменился. Появилось больше злости, и я понимал, почему. Но ничего уже поделать не мог. Жизнь шла своим чередом, а я плыл по её течению, не понимая, что теперь хочу. Но вскоре всё круто изменилось. Слишком круто. Я встретил Юлю.

Глава 4

Прошло два дня с того разговора с Жекой. При каждой нашей встрече он уговаривал меня сходить в то место и встретиться с ней. Я не мог. Под любым предлогом отказывался. Хотя понимал, что бегать так вечно не получится. В глубине души я надеялся, что, может быть, она уедет из города, и мне не придётся с ней встречаться.

Я лежал на полу собственной комнаты и смотрел в потолок. Ничего совершенно не хотелось делать. Из окна на меня светило солнце, по-весеннему пригревая. Четыре часа дня – самое время расслабиться. В комнате был небольшой беспорядок, но убираться я не хотел. Хоть мне уже семнадцать, бабушка по-прежнему считала меня совсем маленьким и ча-

сто попрекала за беспорядок. В голову лезли странные мысли. Я взглянул на синтезатор, который уже давно пылился в углу, и вздохнул. Большое количество книг на стеллаже тоже покрылось пылью. Футбольный мяч лежал в шкафу, накрытый кучей хлама. Одна из моих стен, говорящая о предпочтениях по жизни, была полностью обклеена плакатами. «Сплин», Сергей Овчинников, «ДДТ», братья Элрики, «Агата Кристи», Оливер Кан, Роналдо, Спайк Шпигель, Эйкити Онидзука, Лев Яшин, «Наутилус Помпилиус», Моцарт, Фредди Меркюри, Майкл Джексон, Зинедин Зидан, Ягами Лайт, Тоторо, «БИ-2», Джанлуиджи Буффон. Смотришь на них, и на душе как-то становится легче. Вспоминаешь тот первый день, когда впервые познакомился с каждым. Это непередаваемое ощущение. Стол был весь усыпан кучей исписанных листов. Когда у тебя много свободного времени, так и охота заняться чем-то новым, интересным. Это всё были мои неудачные попытки в написании какого-нибудь рассказа. Хотел удариться в это, но пока совершенно не получалось. По всей комнате разливалась чудесная музыка. Люблю иногда включить что-то расслабляющее, поэтому сборник композиций клавишной музыки был как раз кстати. Звучал Yirima, которого я очень любил. Один из немногих композиторов, произведения которого я мог слушать абсолютно все и очень долго. В таком состоянии так и хотелось закрыть глаза и уснуть. Вечно спать и слушать эту музыку. Ну разве это не идеально.

Тут я вспомнил об одной вещи. Рядом со столом находился маленький сейф тёмно-синего цвета. В нём никогда не лежали деньги, но при этом я всегда запираю его. В сейфе хранил самые важные для себя вещи. Там лежали две фотографии и тетрадь. На одной была наша семья: я, папа и мама. Хоть до сих пор боялся и ненавидел их, но выкинуть её не мог. Эта фотография после нашего первого похода в зоопарк. Я был тогда невероятно счастлив. Как и родители. Ведь раньше всё у нас было хорошо. А на второй фотографии я, Женя и Лена. Мы до нитки мокрые стояли и смеялись. Тогда мы прыгали в речку с моста. Тёплый летний вечер. Проходящий через мост старичок нёс с собой фотоаппарат. Так и появилась эта фотография. Как бы мне хотелось вернуть то время.

И, наконец, тетрадь. Хотя, сейчас, её трудно назвать таковой. Несколько секунд она провела в воде и теперь была совершенно испорченной. Правда, некоторые записи и рисунки сохранились в нормальном качестве (если так можно сказать), но пользоваться ею проблематично. И я не мог её выбросить. Это была тетрадь Юли.

Не знаю, почему я вспомнил о ней. Достав из сейфа, сел на пол и начал просматривать каждый листик. Хотя, я уже много раз видел всё это, но всегда казалось, что с каждым разом узнаю что-то новое.

***

На следующее утро я был в необычно приподнятом настроении. Вышел из автобуса и направлялся к школе со слег-

ка заметной улыбкой. Не знаю почему, но вчерашние поделки за тетрадь Юли наполнили меня решительностью. «Сегодня я встречусь с ней. Не знаю, что произойдёт, но я хочу увидеть её и извиниться». Тетрадь решил взять с собой.

У самых ворот школы я встретил Катю. Когда наши взгляды пересеклись, я, не знаю почему, приподнял руку и помахал ей. Сам этого не ожидая, остановился от удивления. Она тоже удивилась, но только покрутила пальцем у виска.

– Ты дебил?

После этого с надменным видом отправилась к своим подругам, которые её уже заждались.

«Вот ведь сучка. Да и я хорош тоже. Зачем поздоровался? А она совсем не изменилась в характере. Даже после тех событий. Почему? Почему я чувствую вину, а ей плевать? Как была сучкой, так и осталась».

Раньше мы с Катей хорошо общались. Она часто тусовалась с нашей школьной бандой, куда входил и я. Одна из местных красавиц. Вся такая статная, стройная, длинные чёрные волосы, дерзкая, но невероятно красивая улыбка. Одна проблема – характер. Таких стерв днём с огнём не сыщешь. Но она всегда притягивала парней. «И как я с ней раньше дружил, не понимаю».

После этой встречи я твёрдо решил, что пойду и встречусь с Юлей.

***

Я стоял в том самом коридоре, у двери, куда в прошлый

раз вошла она. Меня всего трясло. Так и хотелось убежать. В руке я держал её тетрадь. Я пришёл немного рано. В двери было небольшое окошко. Заглянув, заметил, что Юли ещё не было, но занятие уже шло, правда народу сидело совсем немного. Подсматривать некрасиво, поэтому я отошёл от двери и продолжил смиренно ждать. Из других помещений слышались разговоры, смех, шум, музыка. Всё вместе это превращалось в непонятную мешанину, но мне это нравилось. И тут я услышал шаги.

Это была она. Юля. Медленно она поднималась по лестнице и направилась в ту сторону, где стоял я. Как всегда, её голова была немного опущена, а взгляд в пол. Ничего не изменилось с тех пор. В руках Юля держала маленькую сумочку. И только, почти поравнявшись со мной, заметила, что впереди кто-то стоит. Она остановилась и подняла голову. Наши взгляды пересеклись. Меня всего трясло, я боялся ступить и шаг. Просто смотрел в её глаза. Юля непонимающе глядела на меня несколько секунд, а потом поняла, кто перед ней стоит. Её глаза округлились, а рот чуточку приоткрылся. От ужаса.

Глава 5

Это случилось в четвёртом классе. Апрель уже во всю вступил в свои права. В это время учиться не хочется с ещё большей силой. Поэтому неудивительно, что я, сидя почти в самом конце, не слушал учителей, а прикалывался со Стасом и Вовой. Многие ученики поглядывали на нас, но ничего

говорить не хотели. Катя одобрительно улыбалась нам. Даже самая лучшая ученица класса, Оля, не обращала внимания. Мы пускали самолётики, немного издевались над другими. Всё как обычно.

Перед третьим уроком Наталья Владимировна привела к нам в класс девочку. Я даже не обратил на неё внимания.

– Ребята, это Юля. С сегодняшнего дня она будет учиться с нами. Представься.

Учительница замолчала, но ничего не произошло. Юля просто смотрела на нас и улыбалась. Некоторые начали посмеиваться.

– Ах, да, я и забыла, – после этих слов учительница легонько толкнула её.

Юля сразу же ожила и начала рыться в сумке. После небольших поисков, она достала толстую тетрадь из сумки. Тут уже заинтересовался и я нашей новой одноклассницей, стал внимательно смотреть. Она подняла тетрадь на уровне со своей головой и поочерёдно перевернула три листа. На них большими буквами (её почерк) были три надписи: «Меня зовут Юля», «Рада с вами познакомиться», «Я глухая». После последней записи, мои глаза округлились от неожиданности.

– Ребята, Юля немного не такая как вы, но это не значит, что нужно общаться с ней по-другому. Будьте дружны. А теперь начнём урок.

Учительница указала сесть на свободное место. Как раз

передо мной. В итоге вся следующая перемена была посвящена только Юле. Огромное количество народу собралось вокруг её парты, и все хотели узнать поподробнее о ней. Меня это немного раздражало. Хотя, я уже тогда заметил, что она красивая. Лучше многих в нашем классе. Со всеми ребятами Юля общалась с помощью своей тетради. Ей писали вопросы, а она отвечала. Юля улыбалась всем и каждому, старалась на всё отвечать, хоть немного и было заметно, что непривычно и боязно здесь. Некоторые (особенно Катя) забывали, что она глухая, и пытались разговаривать с ней просто так. Но Юля сразу подносила тетрадь. «Эта её улыбка и глаза, которые всё время просят». Меня это бесило. А ещё она несколько раз пыталась пообщаться со мной, но безуспешно. На уроках она не могла понять, что ей говорят учителя, поэтому другие писали ей в тетрадь. Часто это делала Катя, так как сидела рядом. На уроке музыки Юля пыталась запеть, но это было ужасно. Она не могла нормально выговорить слова. Это выглядело глупо и смешно. Но стало заметно, что она пытается быть как все, несмотря ни на что. Как мы узнали, возможность учиться в специализированной школе была, но именно сама Юля хотела учиться в обычных условиях с обычными школьниками. Поэтому её мама не стала перечить дочери. С ней сначала общались многие девочки, но это лишь ширма. За спиной говорили гадости. Юлю никто не любил.

На одном из уроков к нам пришёл педагог по языку же-

стов. Она пыталась объяснить, что так будет проще общаться с Юлей.

– А зачем нам это? Я могу общаться с ней и с помощью тетради, – Катя была явно недовольна этой новостью.

– Но ведь ей тяжело всё время писать.

– Мне удобней в тетради.

Никто не горел желанием заниматься этим. Юля стояла рядом с педагогом и с доброй улыбкой смотрела на всех. Ручку подняла только одна девочка, Света. Она особо ни с кем не общалась никогда. Не очень красивая, чуть полноватая. После того, как она начала всё время быть с Юлей, девочку стали травить.

– Смотрите, опять с ней идёт. Подлизывается всё время. Ненавижу таких, – такие голоса только и слышались вокруг.

Меня это тоже всё сильно раздражало. И в итоге Света перешла в другую школу. Причину никто не знал, но все решили, что поводом послужили последние события. После уроков я с ребятами написал на доске, что это Юля виновата в уходе Светы. Мы позвали её в класс. Она увидела эту надпись, но никак не отреагировала, а просто продолжала смотреть. Я сделал вид, что это не моя работа и стал стирать с доски. Юля взяла у меня из рук мел и написала «спасибо». «Снова эта непринуждённая улыбка, как это бесит». Я не понимал, почему она такая. Её никто не любит, а ей словно плевать. А меня это бесило, потому что после событий, произошедших в моей жизни с родителями, я так себя вести не

мог.

Физкультура у нас стала проходить на улице. На футбольном поле всегда играли Женя с пацанами, а я всё пытался туда смотреть. Меня начинало всего трясти. Юля же всё время старалась быть рядом с другими девочками, но те её словно не замечали и держали расстояние. Только один раз окликнули, когда закончился урок, попрощавшись. Больше занятий не было. Я сидел на лавочке и тупо смотрел на небо. Совершенно ничего не хотелось. Юля подошла ко мне очень тихо, что я сразу и не заметил. Когда обернулся в её сторону, то увидел в руках футбольный мяч. И опять со своей улыбкой протянула его мне. Возможно, Юля видела, с каким я интересом наблюдал за игрой, но это было неважно совсем. Мои глаза округлились от ужаса. Перед глазами всплыл отец.

– Ты... ты что, специально, да! – закричал я. Выхватив мяч из её рук, как можно дальше кинул отсюда. Меня пробило на пот.

Но Юля продолжала стоять и смотреть на меня.

– Ну, что тебе ещё нужно?!

Она указала на меня, потом на себя, сомкнула руки, как при приветствии, и легонько потрясла передо мной.

– Дру-я, – с улыбкой сказала она.

Тут я уже не выдержал. Схватив горсть земли, кинул в неё.

– Достала! Бесишь!

После этого я ушёл, оставив её одну на площадке. Юля просто смотрела мне вслед.

На следующий день, после уроков, она снова решила пообщаться со мной. Попросила пойти со мной куда-то. Я совершенно не хотел, но в итоге согласился, с надеждой, что после этого отстанет. Юля привела меня в музыкальный класс. Она встала напротив пианино и с радостью на лице похлопала по нему. Я встал как вкопанный. «Она же не может знать, что я играл раньше. И вообще, какого чёрта ей надо». Меня всего затрясло. Я подошёл к ней и с яростью толкнул. Юля упала.

– Ты дура! Издеваешься надо мной! Бесишь! Специально делаешь мне больно, да?! Хватит уже улыбаться! Ненавижу тебя! – развернулся и ушёл.

Именно этот случай и стал отправной точкой, когда я начал издеваться над ней. Каждый день старался что-то сделать плохое. Толкал, ставил подножки, писал всякие гадости на доске или парте. При том, что с ней никто по сути не общался особо, это было больше похоже на травлю. Но при этом ни разу я не увидел её слёз. Она бесила. Просто бесила. Своим спокойствием. В один из дней девочки заметили, что Юля мало спрашивает у других и старается понимать сама. Как оказалось, у неё в ушах были слуховые аппараты. Правда, от них толку практически не было, она всё равно почти не слышала, но это было хоть что-то.

– Можно посмотреть? – спросила Катя.

Юля без боязни вытащила их из ушей и передала ей. Я в это время стоял у окна и болтал с пацанами.

– Кать, это что у тебя?

Она словно бы ждала этого вопроса от меня и хитро улыбалась. А потом кинула их мне. Юля смотрела на нас уже с другим выражением лица.

– Фу, гадость то какая, – сказал я и выкинул их на улицу. Они разбились.

Так продолжалось несколько раз. Я всё время срывал их и выкидывал куда угодно. Никто ничего не говорил. Один раз я так сильно дёрнул за слуховые аппараты, что из ушей Юли пошла кровь. Я испугался, но извиняться не стал. На следующий день, когда мы с пацанами шли из школы, она ждала меня.

– Что тебе надо?

Юля достала свою тетрадь и написала: «Прости». Я снова взбесился.

– Бесишь! Если хочешь сказать, говори. Бесит твоя тетрадь.

После этих слов я выхватил тетрадь и бросил её в лужу на клумбе. Мы уже пошли дальше, как увидели, что Юля полезла туда за ней. Ведь тетрадь уже была испорчена, да и теперь она была вся грязная и мокрая. Что-то кольнуло у меня в груди, но тут же прошло.

Не знаю, каким образом, но эта тетрадь оказалась у меня в портфеле на следующий день. Я заметил её только после уроков. При том, что Юлю я не видел в тот день. И в другие дни. А затем к нам на занятия пришёл директор.

– Ребята, насколько вы знаете, у Юли были проблемы со здоровьем. И несмотря на это она старалась жить, как и все. Но с сегодняшнего дня Юля переводится в другую школу. Насколько мне стало известно, не все относились к ней хорошо. Обижали. За время учёбы у неё сломалось или потерялось семь слуховых аппаратов. У девочки только мама из родителей, живут они небогато. Эти слуховые аппараты очень дорогие. Поэтому, пожалуйста, если вы что-то знаете о тех случаях, сообщите мне.

Весь класс молчал. Я сидел в полном шоке. Только сейчас я по-настоящему понял, что натворил. «Неужели я такой? Как мог до такого докатиться? Я же раньше не был таким злым. Что со мной стало?»

– Рома Кижич! Ты чего сидишь?! Встать! – крикнул наш учитель Владимир Алексеевич.

Я резко встал от такого неожиданного крика.

– Это ведь ты, да?! Ты же издевался над Юлей?! Довёл бедную девочку. Откуда в тебе столько злости.

Я не знал, что сказать. Просто стоял, потупив взгляд.

– А ты, Катя! Ты ведь сидела рядом, неужели ничего не замечала?

Катя немного замаялась, но потом собралась с духом.

– Да, я всё видела. Как он издевался. Я думала, что Рома перестанет, но нет. Да и он мог и меня побить.

Тут я уже не выдержал. Не ожидал такого.

– Подожди. Ты сама всё время смялась над ней, говорила

гадости за спиной, разве не так?

– Не было такого, – резко ответила Катя.

– Или ты, Оля, тоже. Никогда не считала её за нормального человека.

В эту секунду Оля зарыдала на весь класс.

– Да как ты можешь, Рома. Я ведь...никогда (всхлип).

Всегда хорошо относилась к Юленьке.

Такого поворота событий я просто не ожидал. Пытаясь доказать, что я был не один такой, встречал только отрицание. Все те, кто тоже издевался над ней стали паиньками и хорошими во всех смыслах. На меня же ополчились. Я теперь изгоем и главным виновником бед. Даже мои друзья. Все. Они словно забыли о дружбе и бросили меня. «Конечно, я много сделал Юле плохого, но ведь и они. Они тоже. Почему все себя так ведут? Они же врут. Нагло врут».

Школьный день кончился совсем плачевно. Мои собственные друзья, Стас и Вова, избili меня и бросили в ту самую лужу, куда выкидывал Юлину тетрадь. Домой я вернулся мокрый, грязный и с разбитой губой. Бабушка встретила меня вся в слезах. После смерти родителей я не видел её такой. Оказывается, она уже знала про Юлю, успела сходить к её маме и извиниться. Та её правда встретила очень грубо и только взяла деньги, которые бабушка принесла.

– Рома, ну зачем ты так с девочкой. Зачем? Неужели ты выметал на ней злость за родителей?

Я ничего ей не смог сказать. Она рыдала, а я просто ушёл

в свою комнату. Разбитый, как физически, так и морально. С этого дня начался новый виток в моей жизни. Я стал настоящим изгоем, и надо мной стали издеваться, также, как и над Юлей. А я уже не пытался что-то доказать им или защищаться. Мои бывшие друзья били меня, девочки писали гадости на доске и парте. Мои тетради вечно рвали, крали сменную обувь. Я стал лишь тенью, над которой мог издеваться каждый. Все отвернулись от меня. Все. Кроме Жени. Он остался моим единственным другом. Хотя, сначала, я получил огромное количество оплеух от него, когда тот узнал правду о Юле. Я обязан был их получить. Но он остался со мной и поддержал. Во мне же многое изменилось.

Получив ту боль и ужас, которые испытывала Юля, я полностью понял, что же я натворил тогда. До чего докатился. Будучи всего лишь год назад потенциальной звездой музыки и перспективным футболистом (а это в 9 лет), я потерял абсолютно всё, опустившись на самое дно, стал нелюдим, ушёл в себя, перестал улыбаться, изменил полностью свой уклад. Я бросил попытки вернуться прошлое, снова стать человеком в глазах других. Да, они такие же прогнившие, как и я сам, но что-то им доказывать не хотелось. Лучше так. От музыки и спорта ещё больше отдалился, хоть Жека и пытался как-то встряхнуть меня. В таком состоянии и прошли следующие семь лет. Ничего не менялось. Ничего.

Глава 6

Олень. Я стоял как олень и ничего не делал. Не мог поше-

велиться. У меня никогда не было такого страха, как сейчас. Просто смотрел на Юлю. А она на меня. На её лице был виден испуг и страх, но она так же, как и я, не могла сделать и шага. Нужно было что-то сделать.

– Юля...я...это. Ты ведь узнала меня...правда?

«Дебил. Что я несусь? Она ведь не слышит. Блин, что, что сделать то?»

Пока я думал над своим следующим шагом, Юля словно отошла от увиденного, развернулась и побежала.

– Нет, подожди. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Оцепенение, наконец, прошло. Я побежал за ней. К счастью, не удалось далеко уйти. На нижнем этаже Юля спряталась за пустой стойкой, но в чём проблема, её было хорошо видно с лестницы. Я встал позади, и она, почувствовав моё присутствие, резко обернулась. Никогда ещё мне не приходилось видеть такое количество страха у человека. Юля словно уменьшилась в размерах. Как загнанный в угол котёнок в окружении сотен собак. Я же чувствовал себя просто последней тварью. Тварью, посмевавшейся, после всего случившегося, прийти к ней и ещё что-то говорить. Будь у меня больше силы воли, то я бы уже давно убил себя. А раньше был сильный духом. Ведь родители не сломали меня окончательно (правда, это было ложью, но мне хотелось верить). Сейчас же я чувствовал себя лишь ничтожеством. Такой же котёнок, как и Юля. Наконец, я решился. Мне ничего не оставалось, как протянуть ей её же тетрадь. Ту самую. Лицо

Юли ещё сильнее ужаснулось. Скорей всего машинально, но она взяла тетрадь и стала смотреть на неё. Я боялся этого больше всего, и это произошло. Из её глаз пошли слёзы. Моё сердце стало разрываться.

– Юля.

Она словно поняла, что я хочу поговорить, и взглянула на меня. «Господи, как же она красива, хоть и вся в слезах». Мне в голову пришло лишь одно. Сначала я указал пальцем на неё, потом на себя, а затем сжал руки, как при рукопожатии, при этом произнеся фразу: «Мы может быть друзьями?» Что удивительно, только сейчас я понял, она ведь тогда хотела мне именно это сказать. А я не понял. Вот дурак. Юля смотрела на меня испуганными глазами. Смотрела на меня, прикрывая нижнюю часть лица тетрадью. Дальше всё было как в тумане.

***

– И что, ты просто сбежал?

– Я...я...да, я просто убежал.

Мы с Женей находились на лавочке недалеко от спортивной площадки. Он жонглировал мячом, а я просто лежал. Ветер обдувал меня, вокруг нас были сплошные лужи, а кое-где виднелся снег. Правда, солнце уже припекало, создавая своим теплом прекрасное понимание того, что лето не за горами. Чувствовалось, что скоро май. Для Сибири сегодня было как-то слишком тепло.

– Не, ну ты и олень конечно. Такое ей сказать.

– Я не знал, что делать. Вот будь ты на моём месте, я бы посмотрел на тебя.

После этих слов мяч прилетел прямо в мою голову. Я только хотел крикнуть на Жеку, но увидел его разъярённое лицо.

– Не смей! Никогда не смей такое говорить. Может быть я хам, хулиган, бабник, не слишком умный. Может быть. Но я никогда не смог бы обидеть девушку. Не сравнивай себя со мной. Понял.

– Извини. Я ляпнул лишнее, – уже сам сожалел, что сказал это.

Женя, правда, быстро успокоился. Его характер, в принципе, менялся очень часто. Он стал набивать мяч ногами, при этом продолжая беседу. Никогда не мог понять, как ему это удаётся. Мне вот всегда нужно было сосредотачиваться.

– Ты правда хранил её тетрадь столько лет?

– Ну, да. Это она тогда, наверное, подложила её ко мне в портфель. Интересно, зачем?

– И ежу понятно, чтобы ты вдолбил себе в голову, что обижать девушек нельзя. А зачем её принёс?

– Не знаю. Почему-то подумал, что так будет правильно.

Женя замолчал и продолжил нагонять мяч. Я тоже замолчал и стал смотреть на небо, где плыли редкие облака. Вокруг не было ни души, лишь вдали слышались крики веселящихся детей. Идиллия.

– Ну, когда ты пойдёшь?

– В смысле? Куда?

– Штаны свисли. Сходил, отдал тетрадь, сказал какой-то бред вместо даже банального «извини» и всё? Серьёзно так считаешь? – Женья посмотрел на меня суровым взглядом.

– Я не смогу снова. Не хватит сил находиться рядом с ней. Не получится сказать «извини». Тут нельзя просто так это сделать.

– Ну ясен красен, что нельзя. Но это не значит, что нужно всё бросить. Слушай, ты сделал первый шаг. Теперь черёд за вторым. Может, это твой шанс. Шанс на преобразование. Новый виток. Именно это изменит тебя.

Я поднялся и посмотрел на Женю.

– Прямо проповедь читаешь. Ты сейчас серьёзно, или опять шутки шутишь?

– Серьёзней некуда. Пора расставить все точки над своим прошлым и двигаться дальше. Я устал от твоей вечной хандры. Понял?

– Да...я понял.

Как бы ни хотел это принимать, но Женья был прав.

– Кстати, пойдём ко мне. Ты прикинь, тренер подарил раритетные вещи с разных чемпионатов мира. Тебе нужно это видеть. Да и еды мамка наготовила много, хоть жопой жуй. А то ты давно ко мне не заходил.

– Хорошо, пойдём, – сказал я.

Мы взяли вещи и направились к выходу с территории школы. У Жени сегодня не было тренировки, поэтому мы и встретились после уроков.

– Кстати, тебя на следующей неделе ждёт сюрприз, – с улыбкой сказал Жека.

– Какой ещё сюрприз?

– Не, ну если я скажу, это будет уже не сюрприз, так что подождёшь.

– Тогда зачем вообще заикнулся? – ответил я с обидой.

– Чтобы позлить тебя и позлорадствовать, – сказал Женя и громко начал смеяться.

Так он мне ничего и не рассказал.

***

На следующий день я немного опоздал. Сначала учитель задержал, а потом и пробки. На Красном проспекте они часто бывают, тем более конец рабочей недели. Когда я прибыл в этот центр, Юля уже находилась там. На первом этаже, на ресепшене, я узнал, что то место, куда она ходит, это специальные занятия, которые проводятся для глухих людей. У двери было маленькое окошко, и я заметил Юлю. Она сидела на стуле и, улыбаясь, общалась с преподавателем и другими ребятами. Моё сердце снова усиленно забилося. Я не знал, постучаться мне или нет. «Может лучше подождать, пока всё не закончится?» Моя нерешительность ужасно бесила и раздражала. И вот, когда я, наконец, решился и поднял руку, меня окликнули.

– Эй, ты что тут забыл?

Обернувшись, увидел невысокого роста девочку. Или парня. По виду, с первого взгляда. Было очень сложно понять,

кто передо мной. На вид, так лет 12 – 13. Куртка, штаны, обувь. Всё спортивное. Короткая стрижка ещё больше создавала сомнений.

– Я тебя спрашиваю.

– А почему мне тут нельзя собственно находиться? – я немного набрался решительности, ведь стоял совсем младше меня человек.

С суровым взглядом этот ребёнок подошёл ко мне и со всей силы пнул по колену. Я совершенно не ожидал такого поворота событий. От боли даже закричал.

– Ты что творишь то?!

– Что мало? Я могу ещё ударить.

– За какие заслуги? Я тебя первый раз вижу, – я согнулся от боли и держался за колено.

– Ты же к ней пришёл, да? Ты Рома? Она мне всё сказала.

Тут я понял в чём дело. С трудом, но кивнул.

– Тогда ты это заслужил. Больше не приходи сюда. И вообще, чтобы никогда не встречался с моей сестрой. Увижу, что следишь за ней, убью.

– Так Юля тебе сестра? И я не слежу. А тебе стоит быть добрее.

Этот ребёнок снова замахнулся на меня, но я кое-как успел отскочить. Похоже, нужно уходить отсюда.

– Уходи. Не смей появляться больше.

Я понял, понял.

Делать было нечего. «Лучше уйти, а то ещё убьёт». Хро-

мая, я направился к лестнице. В этот момент дверь кабинета открылась, и оттуда вышла преподаватель.

– Настя, ты чего раскричалась. Занятия ведь идут. Ты к сестре?

– Простите меня. Я подожду пока у вас всё закончится. Можно, посижу?

«Всё-таки она девочка. Но бойкая. Прямо пацанка какая-то».

В этот момент из кабинета выглянула Юля. Она взглянула на свою сестру, а после посмотрела в сторону лестницы. Наши взгляды пересеклись буквально на секунду, после чего я уже ушёл с этажа.

Глава 7

Прошло три дня. Три бессмысленных и совершенно бесполезных дня. В принципе, они ничем не отличались от тех, что были раньше в моей жизни. Правда, сейчас я стал больше думать. Обо всём. О том, что тогда не особо то и волновало. Что греха таить, меня это и сейчас не заботит, но почему-то в голову всё равно лезут мысли. Я ведь всегда был таким человеком, который пропускает жизнь через себя. Это на людях кажусь спокойным, циничным, эгоистичным. Но внутренне вулкан сомнений изрыгает убийственные уколы, заставляющие нервничать и переживать. Из-за, казалось бы, простой мелочи. И я с этим ничего не могу поделать. Совершенно.

Уже через несколько дней наступит май. Праздники. Многие радуются этому событию, но я был совсем безраз-

личен. «Они дают всего то лишние выходные и не более. К чему их ждать? Какой от этого прок?» А люди вокруг уже торопятся, бегают по магазинам. Сто процентов, многие отправятся за город готовить шашлыки. «Ну как же без них». Все так тебе ответят. Хотя, Женя тоже меня позвал, но я отказался. Мой единственный предлог, бабушке нужно помогать. Хотя он, наверное, уже давно знает, что это отмазка.

Сегодня было воскресенье, чудесная погода стояла уже целый день. Я решил прогуляться по городу. Первомайский сквер выпал совершенно случайно, просто захотелось. Тем более, народу было немного. В наушниках сегодня играла ну уж очень разнообразная музыка. «Звери» сменялись Стасом Михайловым, а затем уверенно шла «ДДТ». Очень странный такой сборник получился. Видимо, настроение непостоянное. Гуляя по парку, я заметил музыканта. Мужчина уже в возрасте играл джаз. На саксофоне. Да так здорово, что я снял свои наушники, чтобы послушать. Музыка великолепная. Такому не жалко и денег подкинуть. Печально, что такие люди получают крохи. При этом никто не останавливался, чтобы послушать его. Просто хоть на минуту. Все проходили мимо, не обращая внимания на музыканта. Мужчине же было плевать, он просто играл. Вокруг этого небольшого свободного пространства, где был музыкант, стояли лавочки. На одной из них сидела зрительница сего действия. «Ну, хоть одна». Я не сразу понял, но это была Юля. Она, не отвлекаясь ни на что, внимательно смотрела на музыкан-

та. Я даже заулыбался. «Интересно, как она воспринимает это? Для неё ведь музыки нет. Просто мужчина играет на саксофоне». При этом Юля настолько внимательно глядела на мужчину, что даже не почувствовала моё присутствие. У неё был невероятный взгляд ребёнка, который наблюдает за чем-то невероятным, волшебным. Мне показалось, словно я уже видел такой взгляд на одном из своих самых ранних концертов, когда ещё не стал музыкальным роботом. Народу было немного, все с восторгом слушали и смотрели моё выступление. Особенно две маленькие девочки. В тёмном зале было сложно увидеть их лица, но почувствовать те самые невероятные взгляды, которые замороженно следят за каждым твоим движением можно. Вот как сейчас Юля смотрела на этого музыканта.

Я тихонько присел на другой край лавочки и стал глядеть на неё. Лёгкая курточка красного цвета и белоснежный берет превращали её в милую куколку или даже принцессу. Я удивительным образом не мог налюбоваться. «Неужели и тогда, когда мы были совсем маленькими? Неужели она была такой красивой?» В этот момент заметил, что по её щеке прокатилась слезинка, которую она резко вытерла. И тут Юля повернулась в мою сторону. Её охватил испуг от такой неожиданности. Казалось, она встанет и побежит или упадёт в обморок, или закричит, или ещё что. Тысячи мыслей неслись в её голове, а выбрать нужную невозможно. Я сразу попытался сделать вид, что не хочу сделать ничего плохого. Стал

хаотично размахивать руками, вертеть головой и произносить всякий бред, который она, не слышала. От такого моего нелепого вида Юля вдруг рассмеялась. Причём, практически беззвучно. Мне сразу полегчало, словно камень с души упал. А Юля продолжала смеяться. Искренне, без выпендрежа. Словно в секунду перестала меня бояться.

– Я ничего не хочу плохого совершить. Я просто... просто хочу извиниться перед тобой. Понимаю, что ты ничего не слышишь.

Юля стала очень внимательно смотреть на меня. Прямо в глаза. Она изменилась. Мне даже стало как-то неуютно и стыдно.

– Я очень хочу извиниться. Знаю, что этим никак не искупить мою вину за всё то, что причинил тебе, но... я встану на колени.

Только собрался это сделать, как Юля начала быстро рыться в своей сумке. Я заметил, что там лежала та самая тетрадь, которую я ей вернул. Она достала оттуда другую, чистую, и начала что-то писать. После этого передала её мне вместе с ручкой.

– «Здравствуй, Рома».

Я был в полном недоумении. Вот так, просто. После всего того она здоровается со мной. Как ни в чём не бывало. Я начал писать в ответ.

– «Привет. Извини, что напугал тебя таким резким появлением».

– «Ничего. Такое часто бывает. И ты меня тоже. За тот случай. Я не ожидала тебя встретить и нахлынули эмоции. Поэтому так испугалась тогда и сейчас тоже. Но теперь нормально. Я долго думала про нашу встречу после такого долгого перерыва. Больше истерик не будет».

Передав мне тетрадь, она заулыбалась. Я не мог поверить, что Юля так может со мной общаться. «Неужели она настолько добрая». Даже в собственных мыслях я не мог подобрать слов.

– «Ты знаешь, я должен был это сделать ещё очень давно, но не смог. И я знаю, что сейчас это будет глупо, но. Я хотел бы извиниться перед тобой».

Прочитав эти слова, её лицо несколько не изменилось. Не этого я ожидал.

– «Красиво тут, правда? И этот музыкант. Наверное, он играет чудесную музыку, как думаешь?»

Теперь я понял, что она не хочет на эту тему говорить совсем. Наверное, лучше будет пока её не упоминать. Это слишком тяжело. Будет ещё время извиниться.

– «Да, прекрасный джаз. Ему бы выступить на большой сцене».

– «Как и тебе, да?»

Я застыл после этих слов. «Что она имеет в виду? Неужели Юля знает, что я раньше был музыкантом?»

Только я собрался спросить у неё по этому поводу, как услышал крик, такой, что даже мужчина перестал играть на

саксофоне.

– Эй ты! Ушёл от Юли быстро! Опять к ней пристаёшь! Вали!

Настя, что есть силы бежала в нашу сторону, размахивая своей сумкой. Юля от неожиданности встала и замерла на месте. Настя подошла к сестре и схватила её за руку.

– А ты тоже хороша, сидишь с ним тут, – после этого что-то показала ей на пальцах. Я этого совершенно не понял.

Настя забрала у меня тетрадь и злобно посмотрела в глаза. После этого стала тянуть Юлю за руку, чтобы они поскорее ушли. Я даже ничего не стал говорить, чтобы не усугубить ситуацию. Юля что-то показала Насте руками, и та её отпустила. Она подошла ко мне, достала тетрадь и начала писать. После оторвала лист и дала мне. Наши взгляды пересеклись, и я увидел слабую улыбку в глазах. После она вернулась к сестре.

– Чтобы я тебя больше с ней не видела! Убью! – крикнула мне Настя, и они ушли.

Я развернул листок и увидел одно единственное предложение на нём: «По понедельникам, вечером, я люблю гулять на набережной». На моём лице появилась улыбка недоумения. «Неужели она хочет со мной встретиться? После всего? Нет. Ну, если я уже решил, то отступать нельзя. Завтра я с ней обязательно встречусь».

***

Я лежал на полу в музыкальном классе совсем один. Уро-

ки уже давно закончились, и в школе было практически пусто. Солнце ещё стояло довольно высоко на небе, поэтому кабинет был хорошо освещён. Я просто лежал на полу и релаксировал. Из магнитофона лились «Крылья» «Наутилуса Помпилиуса». Что ещё нужно для полного расслабления? Я лежал уже почти час. Просто. Ни о чём не думая. Странное чувство. Сегодня вечером я должен буду встретиться с Юлей на набережной. Не зная, что делать, решил убить время именно таким образом. Хотя это место выворачивало наизнанку. При виде пианино. Оно словно отдавало непонятной и неведомой тёмной аурой. Страх сковывал всё тело. Я несколько раз подходил к нему вплотную и пытался просто дотронуться, но ничего не получалось. Сразу же за спиной чувствовалось дыхание. Меня всего передёргивало. Я понимал, что никого вокруг нет, но в моём воображении всплывала фигура мамы. Невозможно отогнать это чувство. Просто страшно прикоснуться к пианино, не то что играть. Уже столько лет прошло, а ничего не изменилось. «Чего я боюсь? Себя? Родителей? А может тут дело ещё и в Юле?» Стараясь не думать об этом, я лежал на не совсем чистом полу с закрытыми глазами и слушал музыку. Это всегда помогает. Даже в самую трудную минуту. И, казалось, что ничто не нарушит эту идиллию в ближайшее время, как вдруг раздался женский голос.

– Вот ты где. А я тебя ищу. Знаешь, всегда удивлялась твоим выходкам, прямо не перестаёшь удивлять.

Я поднялся и взглянул на девушку. Сначала не понял совершенно, кто передо мной. Но секундное непонимание прошло быстро. Короткая стрижка, высокий рост (почти с мой), одежда, больше подходящая для парня и, наконец, улыбка, которую очень сложно забыть. Передо мной стояла Лена.

Глава 8

– А я смотрю, что ты сильно изменился.

– Разве?

– Ну, да. И мне это, знаешь, совершенно не нравится.

Мы гуляли по Заельцовскому парку. Вечер уже понемногу начал вступать в свои права. Снега уже практически не было, деревья ещё стояли голые. Слышались последние певчие мотивы птиц перед сном. Как в старые добрые времена, мы с Леной гуляли вместе. Я смотрел на неё, и перед глазами всплывала та самая маленькая бойкая девочка. Она просто стала старше и всё. Тот же серьёзный взгляд, добрая отчасти улыбка, бойкий характер. Всё, как и тогда. Раньше, единственное, что мне не нравилось, это её голос. Он совсем не подходил к девушке. Грубоватый, немного надменный, более мужской. Но сейчас. Сейчас он ей шёл как нельзя кстати. Как бы это ни было странно, придавал ей женственности. Не знаю почему, но мне хотелось смотреть на неё. Непонятное чувство.

– Мне Женя уже про тебя рассказал, и я не в восторге. Как ты мог докатиться до такого? – в глазах Лены чувствовалась злость и разочарование.

– До чего именно? У меня много разных моментов было.

– Вот ты даже сейчас отвечаешь совершенно отрешённо.

Где тот Рома? Весёлый, улыбающийся, дерзкий? Где это всё? Столько лет уже прошло. Неужели ты до сих пор переживаешь? Даже в те дни таким не был.

– Ты не понимаешь. Прямо как Женя. Я не могу. Ничего не могу.

– Ещё скажи, что винишь себя в смерти родителей?

– Да. Если бы я тогда не ушёл...

– Ты уж извини, но если бы ты не ушёл, то до сих пор, возможно, оставался бы их марионеткой. Я понимаю, что они хотели как лучше для тебя, но нельзя так зацикливаться.

– Вам всегда просто это говорить. Когда я подхожу к пианино или беру мяч в руки, то вижу их. Они не отпускают меня. До сих пор. Я подводил ребят по команде, позорился на концертах. Каждый провал прокручивался в голове по несколько дней и ночей. Ты не понимаешь, что это такое, когда их дыхание за твоей спиной. Ты чувствуешь взгляд, всё время. Мне так и не удалось вернуться.

В этот момент я получил пощечину. Причём очень сильную, что даже отшатнулся. Лена была просто в ярости.

– Размазня! Где тот Рома, с которым я дружила? Что за тряпка передо мной? Ты даже и не старался. Так просто сдался. Предал то, о чём мечтал всю жизнь! Нельзя же вот так просто сдаваться после одного падения. У того же Бэтмена тоже погибли родители, но он переборол свои страхи и начал

бороться с преступностью. Чем же ты хуже?! Господи. Я так хотела встретиться с тобой, но сейчас просто разочарована. Ты ужасен.

Я стоял как громом поражённый и не знал, что сказать. Ведь Лена была совершенно права. Я стал полной бесхребетной размазнёй. «Как я до такого докатился?» Теперь моя подавленность стала ещё сильнее.

– Так, слушай меня. Тебя пора возвращать в форму. Понял? Мы с Женей этим займёмся, хочешь ты этого или нет.

– Что ты имеешь в виду? – я насторожился.

– Пора перебороть свои страхи. Нужно снова начинать играть. Музыка или футбол, неважно. Просто такими темпами ты погибнешь. Нужно пробовать и пробовать. Даже если и не будет получаться. Понял меня? – в этот момент на её лице заиграла та самая улыбка.

– Я... знаешь...

– Никаких не хочу слышать отказов. Я знаю, что ты сейчас мямлить начнёшь. Через несколько дней будем тебя перевоспитывать. Как только я тут обустроюсь.

– А ты надолго здесь? – мне хотелось поскорее сменить тему.

– Ну, да. Может и навсегда. Отцу предложили здесь работу, и мы вернулись. Я очень этому рада. Сначала Москва. Я её так и не полюбила. Потом Владивосток. Климат не тот. А вот возвращение в родной Новосибирск – одно удовольствие.

После этого Лена начала рассказывать о своей жизни за то время, что мы не виделись. Я узнал, что она решила учиться на хирурга и стать блестящим врачом. Зная её характер, рассмеялся, за что получил хороших люлей. С Леной мне всегда было просто и легко общаться. Сколько раз мы вот так гуляли, особенно где-нибудь в парках, часто в Академгородке или у реки Иня. Забредали в дальние уголки города. Лазали по крышам высоток. Вытворяли различные глупости. И вот, сейчас, на меня нахлынула та волна ностальгии. Лена – человек, с которым так просто разговаривать.

– Слушай, это правда, что у тебя совсем нет друзей? Только Женя?

– Ну, да. Я сам виноват.

– Но ведь друзья не должны отворачиваться, если они действительно настоящие друзья.

– Там всё-таки более серьёзная причина. Хотя, наверное, они и не были значит такими уж друзьями. Просто та история с Юлей.

– Юля эта... – практически шёпотом произнесла Лена.

И тут я вспомнил.

– Блииин. Я совсем забыл. Лен, прости, но мне надо бежать. Одно срочное дело осталось. Ты сможешь добраться сама?

– Да, конечно. Если так срочно нужно, то беги.

«Как же я мог забыть о встрече с Юлей». Я изо всех сил побежал из парка к ближайшей остановке.

***

Когда я оказался на набережной, уже стемнело. Сегодня понедельник, и народу практически не было. Вокруг уже горели огни, а Обь, наконец, освободившись ото льда, махала мне своими волнами. Я обошёл уже всю набережную вдоль и поперёк, но Юли нигде не было. «Неужели опоздал? Ну, как я мог забыть? Дебил». Я уселся на лавочку и стал глядеть на реку. Где-то неподалёку играла музыка. Хоть немного и похолодало, но это был тот самый случай, когда нужно гулять влюблённым парочкам. Рядом ходил старичок с метлой и убирал мусор вокруг.

– Дедушка, скажите, а вы тут давно?

– Да порядком. Это работа моя, тут подметать, – опёршись на метлу, сказал старик.

– А вы тут не видели девушку? Моего возраста, наверное, была в красной куртке и белом берете. Гуляла тут.

Дедушка задумался, закрыв глаза. После почти целой минуты он их открыл.

– Ах, да. Припоминаю. Часто тут бывает. Красивая такая девочка. Спускается к реке и глядит вдаль. Ну и просто тут бывает. Любит, наверное, это место.

– А давно она тут была?

– Ну, где-то с полчаса. Точно не скажу, у меня часов нет. Я ещё заметил, что сегодня она кого-то ждала. Всё время оглядывалась и смотрела на проходящих мимо. Но, похоже, не дождалась.

– Похоже.

Я со злостью ударил по ноге, после чего встал.

– Спасибо вам большое.

– Да не за что.

Я направился прочь с набережной. Злости моей не было предела. «Ну что за баран такой. Как я мог забыть о ней? Она ведь действительно меня ждала. Вот я урод».

Глава 9

Последующие три дня я приходил на набережную, но так и не встретил Юлю. Гулял там до самого вечера, искал глазами. Идти снова на её занятия мне не хотелось. Из-за бешеной младшей сестры. «А если бы мне попалась её мама? Она меня убила бы на месте без зазрения совести». Поэтому мне ничего не оставалось, как ждать её на набережной.

– Да ладно ты. Встретитесь вы с ней. Живёте же в одном городе. И будь уже посмелей. Она же сама тогда хотела с тобой пообщаться.

Мы с Жекой сидели на газоне футбольного поля. У него как всегда закончилась очередная тренировка. Погода радовала своим теплом.

– Почему ты не сказал, что Лена приехала?

– Сюрприз же. Ты не ожидал?

– Само собой. Как снег на голову.

– (громкий смех) Я с ней разговаривал. Она хотела тебе сюрприз сделать. Да и вообще (бьёт меня по плечу) Лена молодец. Собирается за тебя взяться.

– Да я сам в шоке. И ведь не отвяжется.

– Так это классно. Может, что и получится. Она будет тебя направлять в музыке, а я верну тебя в футбол. У нас грандиозные планы.

– А оно мне надо? Нельзя заставлять человека.

– Ой, вот только не надо мне тут. Ты сам себе врешь. Разве я не видел, какими ты глазами смотришь на поле. Виталий Михайлович был бы счастлив твоему возвращению. Даже не быстрому. Короче, сейчас праздники пройдут, и ты идёшь к нам на тренировку.

– Но...

– Никаких отговорок. Ты уже столько лет ищешь различные отмазки, чтобы не возвращаться. Забудь то, что было. Пора двигаться вперёд.

Я даже не стал ничего отвечать. Ведь Жека был прав. Как всегда. «Может оно и к лучшему. Появление в моей жизни двух девушек из прошлого. Не просто так». Я смотрел на небо, на вальяжно плывущие облака. Мне действительно стало казаться, что смогу снова играть. Смогу.

– Ты чего завтра делаешь? Может по пиву?

– Эй. Кто-то у нас спортсмен, разве нет.

– Да ладно тебе. По кружечке всего-то.

***

Вечер. Первое мая подходит к концу. Я просто гулял по центру города. С Женей мы уже давно посидели, и мне совершенно не хотелось идти домой. К вечеру немного похо-

лодало. Гуляя в лёгкой куртке, я вдыхал прохладный воздух. Много где играла музыка, и гуляли парочки. Я совсем не заметил, как ноги вывели меня на набережную. Не сказал бы, что тут яблоку негде упасть, но народу было очень много. Я неспешно шагал, аккуратно маневрируя между людьми. И тут, вдаль, я увидел её. Юлю. Она сидела на лавочке и с кем-то общалась на языке жестов. Я остановился поодаль и решил понаблюдать. С ней был какой-то парень. Они что-то живо обсуждали. На лице обоих улыбка. Странное чувство, но при виде этой сцены меня всего выворачивало. Ужасно неприятно было смотреть. Я, почему-то, хотел оказаться на месте этого парня и также мило беседовать. Злость так и брала. Но я совершенно не понимал, почему это происходит со мной.

Прошло около двух минут, и парень встал. Он попрощался с Юлей, обнял её и направился к лестнице, ведущей с набережной. Юля же продолжала сидеть на лавочке. Я решил подойти. Страху никакого, как в тот раз, не было. Присел на другую сторону. Юля меня не сразу заметила. Она рылась в своей сумочке. Но когда подняла голову и увидела меня, то даже подпрыгнула от неожиданности. Я неуверенно поднял руку, приветствуя её. На лице Юли появилась лёгкая улыбка. «Неужели она рада меня видеть?»

– Прости меня, что я не пришёл вовремя в тот день. Я опоздал. Я приходил каждый день, но тебя не было.

Мои слова лились без остановки. Так и хотелось всё, что

накопилось сказать. Юля же сидела напротив меня и улыбалась. Только через несколько секунд я понял, что она ведь меня не слышит. Мы оба засмеялись. Она достала из сумочки тетрадь и начала писать. Я сидел и терпеливо ждал.

– «Я так рада, что ты пришёл всё-таки сюда. Ты, наверное, извиняешься, что мы тогда не встретились? Ничего страшного».

Мне хотелось столько всего ей написать, но я не знал, что именно. Словно боялся любым словом оскорбить или обидеть её. В первую очередь в голове вертелся вопрос о том, почему она общается со мной после всего, что было, но именно его я боялся. Боялся её ответа.

– «Тебе тут нравится гулять?»

– «Да. Здесь хорошо, спокойно. Особенно на закате. Очень красиво. Я люблю гулять, сидеть где-нибудь и глядеть на красоту. Словно пытаюсь услышать все звуки».

– «А почему ты без слуховых аппаратов? Неужели они тебе не помогают?»

– «От них не слишком уж много пользы, к сожалению. В них я получаю в основном шум, а не звук. Голова начинает болеть. Поэтому я их практически не надеваю».

«И почему я раньше ничего не замечал? Как мои проблемы в жизни могут сравниться с её? Я в любой момент двинусь вперёд, а она нет. Ставить свои приоритеты выше других – это мой конёк».

– «А разве нет никакого способа вернуть твой слух? Опе-

рация там?»

Юля удивлённо посмотрела на меня.

– «Ну, скорее всего, да. Я никогда об этом не думала, потому что у моей мамы нет таких денег».

(Именно в этот момент я, наконец, по-настоящему задумался. Что могу помочь ей. И благодаря музыке и спорту это возможно. Нужно просто вернуться туда. Не ради друзей, себя или родителей. Ради неё. Ради Юли. Чтобы она услышала пение птиц, шум воды, голоса людей, завывание ветра. Почему все это могут, а она нет?)

– «Знаешь, спасибо тебе. Я сейчас многое понял».

– «Неужели ты снова будешь играть на пианино?»

И снова у меня ступор. «Откуда она может это знать? Это было до нашей с ней первой встречи. Она ведь всегда была глухой, значит точно не ходила на мои концерты». Но, как и в тот раз, я не задал ей вопроса.

– «Думаю, что да. По крайней мере, попробую».

Юля заулыбалась пуще прежнего и захлопала в ладоши. «Насколько же она искренняя».

– «Я этому очень рада. Ведь, если человек занимается любимым делом, он счастлив».

На моём лице тоже появилась улыбка.

– «Скажи, а чем ты занимаешься в том центре? Там у вас какие-то занятия?»

– «Туда ходят слабослышащие и глухие. Мы общаемся, обмениваемся опытом, заводим новые знакомства. Там мно-

го замечательных людей».

– «Как тот, с которым ты общалась до этого?»

– «Марк? А ты следил за мной?»

Тут я понял, что спалился и опустил голову, но Юля не обиделась, а наоборот развеселилась.

– «Нет, я просто увидел вас вместе. Он тоже не слышит?»

– «У него всё нормально со слухом. Мы уже давно знакомы. Он тоже посещает эти занятия».

– «А зачем?»

– «Говорит, что ему интересно. Он познаёт новое. Научился языку жестов».

У меня в голове закралось сомнение. Ну не мог я поверить в её слова. «Возможно, у этого парня имеются мотивы. Настораживает меня этот Марк».

– «Я бы тоже хотел научиться языку жестов. Наверное, так общаться по тетради долго и неудобно?»

Глаза Юли засияли от счастья. Такое чувство, будто я угадал её мысли.

– «Давай я тебя учить буду этому? Я была бы рада».

А вот тут уже я обрадовался.

– «Серьёзно? Давай. Я буду прилежным учеником. Могу начать в любое время».

Так мы с Юлей договорились, что будем заниматься вместе несколько раз в неделю. Но чтобы это не мешало остальным моим занятиям. Решили встречаться здесь, на набережной, или в том центре.

Когда мы поднялись с лавочки и собрались прощаться, я вспомнил об ещё одной важной вещи. А Юля словно прочитала мои мысли и начала писать на листке. Протянула его мне и попрощалась. Я стоял с листком в руках и смотрел ей вслед. Внутри меня было какое-то странное и непонятное чувство. Мне так и хотелось стоять с дурацкой улыбкой на лице и тупо смотреть на неё.

На листке Юля оставила свой номер телефона.

Глава 10

Праздники быстро закончились, теперь начались мои тренировки. В первую очередь музыкальные. После той встречи с Юлей я твёрдо решил вернуться. И как Лена мне и говорила, она станет помогать. Хотя, я совершенно не понимал, как, ведь она ничего не понимает в этих тонкостях. Думал, заниматься мы будем у меня дома, но Лена решила, что там плохая аура из прошлого (я с ней был абсолютно согласен), поэтому лучше в музыкальном классе в школе. Лена после занятий приходила, и мы начинали. Как оказалось, я буду играть, а она будет следить, чтобы я не отлынивал. И всё.

Как же я боялся. Стоял перед пианино, и мои коленки дрожали. Нервы как струна вздрагивали с каждым ударом сердца. Когда я просто притронулся к инструменту, вокруг всё словно потемнело, я снова почувствовал её дыхание. Будто мама стояла за спиной. Но, обернувшись, увидел Лену. Она улыбалась. Но в тот же момент дала мне пощечину.

– За что?!

– Чтобы не расслаблялся. Соберись, тряпка, – и снова за-
улыбалась.

– Ты прямо как всегда, такая душка.

Правда после этого удара мне полегчало. Тьма хоть и не полностью, но ушла. Я коснулся клавиш. Их звук очень громко отразился в моей голове. В тот же миг пронеслись сотни мелодий, которые я играл за свою жизнь.

– Сыграй хоть что-нибудь. Неважно, как у тебя получится. Просто почувствуй снова это.

Я попытался. Рояль стал издавать странные и не совсем мелодичные звуки. Это была не музыка в том смысле, как обычно представляем. Но даже это меня поразило. Мелодии были ужасны, словно человек впервые сел за музыкальный инструмент. Я понимал, что играю не просто плохо, а ещё хуже, но факт того, что играл, уже радовал меня. Лена стояла позади и всё время твердила, что я молодец. Возможно её присутствие играло такую роль, я не знаю. Но как же меня переполняло чувство радости и гордости. Как маленький ребёнок, ликовал, при рождении нового звука.

– Да, играешь ты конечно отвратительно.

Я оглянулся и увидел выглядывающее из окна довольное лицо Жеки. Музыкальный класс находился на первом этаже, и его окна выходили на спортивную площадку. Поэтому неудивительно, что он был тут.

– Ну, спасибо за комплимент, друган.

– Я рад, что ты снова играешь. Лен, и ты молодец.

– Да я что. Так чисто направила, – сказала она, сначала похлопав меня, а потом отвесив знатную оплеуху.

– За что сейчас?

– Чтобы не расслаблялся, – засмеялась Лена.

Так и прошёл мой первый день после невероятно длинного перерыва. Я понимал, что это только начало, и придётся приложить кучу усилий, чтобы снова выйти на прежний уровень. Правда, теперь я понимал. Это всё реально. Меня больше удивило то, что так спокойно смог играть на пианино. Словно аура моей мамы затихла, когда Лена стояла рядом. Или это только мне кажется? Слишком всё просто. Слишком.

После занятия мы втроём развалились на газоне за школой. Рядом никого не было. Тишина, спокойствие. Мы даже какое-то время не разговаривали. Просто лежали, вдыхали воздух и смотрели на небо. Прямо как в детстве.

– Навевает приятные воспоминания, не правда ли? – сказал Женя.

– Ну а то. Сколько ведь лет прошло, и вот мы снова лежим, – я был на седьмом небе от счастья.

– А я как рада. Знаете, так скучала по вам двоим, раздолбаям. Всё мечтала вас снова увидеть.

– Ну, вот видишь, Лена, мы вместе. Как и раньше... Ребят, спасибо вам.

– Ром, мы ещё ничего не сделали, – заявил Женя.

– Но все равно. Без вас я бы никогда не смог сесть за ин-

струмент.

– Ты теперь главное не бросай. Я тебе буду во всём помогать, – повернувшись ко мне, сказала Лена.

Жека приподнялся с газона и с серьёзным видом посмотрел на меня.

– Так, теперь слушай. Никаких отговорок. На выходных идём на тренировку. Ты должен почувствовать мяч. Не знаю, будут ли рады тебе или нет пацаны, но пойти ты обязан. Понял?

– Да понял я, понял. Раз взялся за одно, нужно взяться и за другое.

– Вооот. Это по-нашему.

Мы, смеясь и веселясь, продолжали лежать. Так не хотелось, чтобы день заканчивался.

***

– «Серьёзно? Это так здорово. Я рада за тебя».

Мы с Юлей сидели на лавочке на набережной и непринуждённо беседовали. Стояла прекрасная погода. Я рассказывал ей о том, как я уже два дня пытаюсь играть музыку. Именно, пытаюсь. Моё второе занятие не слишком сильно отличалось от первого. Тот же страх и дрожь по телу. А потом неловкие попытки получить из пианино звуки.

– «Это ведь твои новые первые шаги. Со временем точно получится. Ты снова сможешь выступать на сцене».

– «Было бы здорово. На выходных начну приобщаться и к футболу».

Юля была так рада за меня. Эта её искренность и открытость невероятно подкупали. Словно передо мной ещё совсем маленький ребёнок, который никогда не видел ничего плохого. Возможно, это такая защитная реакция от происходящего вокруг, и ей легче. Может, именно поэтому, она словно забыла о том, что произошло между нами в детстве. А мне было до сих пор неловко рядом с ней.

У нас начались занятия по языку жестов. Юля сказала, что поговорила с преподавателем, и мне разрешат присутствовать на их собраниях глухих. Уже в эти выходные я мог пойти вместе с ней. Тем более, они были совершенно бесплатные. А пока мы занимались тут. Я всегда удивлялся, как глухонемые могут так быстро говорить руками и всё понимать. Но при этом думал, что выучить язык просто. Ошибался. Каждое слово, каждое движение давалось мне с трудом. Но я не собирался отступать. Мне очень хотелось намного дольше и проще общаться с Юлей. За первый наш день я ничего не смог запомнить. Юля дала мне специальную книгу для изучения языка. Давно уже я не замечал такого за собой упорства. До самой глубокой ночи сидел и учил. Бабушка один раз увидев это, сказала, что лучше бы так уроки делал. Но при этом заулыбалась. Она узнала, что я общаюсь с Юлей, но ничего не сказала. Лишь невзначай посоветовала не наломать дров. А я, как счастливый дебил, спешил на каждое с ней занятие. Она была тоже рада этому. Кое-как, но мне удавалось совмещать встречи с музыкальными. Ну и школу

никто не отменял.

***

– Ты бы видел радость Виталия Михайловича. Он словно был на седьмом небе от счастья, когда узнал. И пацаны, что с тех времён с нами играли. Тебя всё ещё помнят.

– Да ладно тебе. Когда увидят меня в действии, думаю, поймут, что я не тот.

– Вот не начинай. Я тут знаешь, что подумал. С осени начнётся турнир городской. Среди школ. Отличный шанс снова играть на уровне. Тем более в нашей школе до сих пор нет хорошего вратаря. Уж я, как капитан, знаю.

– Ну, ты сам думай, что говоришь. Хороший вратарь – это в прошлом.

– Не хороший, а отличный. И не в прошлом, а в настоящем.

Мы подошли к стадиону. Для такого случая я прикупил себе новую вратарскую форму. В раздевалке никого не было, все на поле. Пока я переодевался, страх окутывал меня всё сильнее. Дрожал. Весь вспотел.

– Да успокойся ты. Всё будет хорошо.

Такого Виталия Михайловича я не видел никогда. Счастливый, почти со слезами на глазах, спешил обнять меня. С того момента, как я бросил футбол, с ним не встречался. Но он не держал зла. Многие ребята, как и Женя играли тут до сих пор. Они тоже были рады меня видеть. Но в основном вокруг находились новые, незнакомые лица. Тренер сра-

зу предложил начать мне потренироваться с мячом, но я решил просто поразмяться. Также, как и к клавишам, боялся касаться мяча. Разминаясь поодаль, я всё время глядел, как другие обращаются с ним. «Куда мне до них. Столько лет не играл и тут появился».

Но всё-таки этот момент настал. Жека подкатил мяч. Я взял его в перчатки. Словно тысячи игл воткнулись в меня. Я будто уменьшился до невероятно маленьких размеров. А потом почувствовал его. Отца. Словно он сидел на трибуне и сверлил меня своим взглядом. Было страшно смотреть по сторонам. И тут кто-то хлопнул меня по плечу. Это был Же-ня.

– Успокойся. Это всего лишь мяч, поле и футбол. И не более. Попробуй.

Я сделал шаг вперёд. Неуверенный, маленький, но сделал. Сказать, что я играл плохо, это ничего не сказать. Мяч просто не держался в руках. Почти каждый удар залетал в ворота. Сначала мы просто тренировались по несколько человек в группе. Я не мог нормально отбить мяч, отдать пас, ударить. У меня перед глазами стояла пелена, от которой я не мог избавиться. Ещё хорошо, что Женя мне помогал. Он словно чувствовал, когда мне становилось хуже. В момент страха он хлопал меня по плечу. Это придавало сил. Но я чувствовал косые взгляды и тихие смешки. Особенно от тех, кто не знал меня до сегодняшнего дня. Я старался не обращать на это внимания. Когда у них началась игра, тренер не

стал брать меня. Он сказал тренироваться индивидуально. Пару раз я смог вытащить очень сложные мячи, но это было каплей в море. По окончании тренировки Виталий Михайлович сказал, что рад моему возвращению и будет ждать в следующий раз. Хотя я видел в его глазах разочарование и досаду за такую игру. Ушёл я с поля расстроенным. Радовало одно, хоть и слабо. Снова почувствовал мяч и игру

Уже после того, как мы ушли со стадиона, Жека сказал, что я молодец, и тренер мной доволен.

– Да ладно тебе. Я был просто ужасен. Так отвратительно играл.

– Это твой первый раз за долгие годы. Ты переборол свой страх. Если продолжать заниматься, то всё получится. Я уверен.

– Но ты сам подумай, кому такой игрок нужен.

– Михалыч готов подождать. Он верит в тебя.

– Мне бы такую веру. Некоторые даже смеялись.

– Всё будет. Не обращай на них внимания. Я буду тебе помогать.

Моё настроение немного, но поднялось. Мне удалось снова вступить на тот путь, которым я собирался идти всю жизнь. И я не хочу с него сходить. Ни при каких условиях.

Глава 11

Я был просто поражён. Всего десять минут занятия в группе людей с проблемами слуха, а уже невероятное количество эмоций. Никогда не мог поверить, что они могут быть

настолько открытыми, добрыми и жизнерадостными. С их лиц практически не сходят улыбки. Живут каждой секундой. Я совершенно не ожидал, что все они с распростёртыми объятиями примут меня к себе. Здесь есть самые различные возрастные категории. Школьники, студенты, взрослые. Разве что стариков только нет. Преподаватель тоже весьма добрый и общительный человек. Перед началом занятия она мне сказала лишь одно, чтобы я был с ними на равных. Эти люди не должны чувствовать себя ущербными, неполноценными. Они такие же, как и я. Хотя нет. Лучше меня. Они живы. Они живут. Я даже немного стал им завидовать. Эти люди могут радоваться каждой мелочи. Ну, разве это не прекрасно.

Само занятие проходило просто чудесно. Пусть я и не схватывал всё на лету, но многое стал понимать. Я выучил несколько слов и выражений. Юля очень часто глядела на меня и улыбалась. Я же старался не смотреть в её сторону. Просто в таком случае уже не мог бы оторвать от неё глаз. Меня беспокоило другое. Сзади спину всё время сверлили глазами. Неподалёку от меня сидел тот самый Марк. Я чувствовал его взгляд. Во время перерыва подошёл к нему. Юля увидела нас вдвоём, но вмешиваться не стала. Я протянул ему руку.

– Рома.

– Марк, – нехотя ответил он.

– Слушай, я смотрю, ты что-то от меня хочешь.

– С чего ты взял?

– Ну, просто глазами своими мне всю спину просверлил.

Это не просто так, я прав?

– Ты давай не строй из себя тут бравого парня, хорошо?

Я знаю, кто ты такой.

Мне, почему то, после этих слов стало немного не по себе.

Нет, передо мной не стоял огромный бугай, но я точно был уверен, что он не слабее меня и навалить сможет.

– И что ты обо мне знаешь?

– Про твоё прошлое. И издевательства над Юлей.

– Кто тебе это сказал? Юля?

– Ты ещё собираешься говорить, что это неправда?

– Нет.

– Она бы никогда такого не сказала. Это Настя. Знаешь, как-то по-скотски всё, нет? Ты унижал и гнобил её, чуть не довёл до самоубийства.

Мои глаза округлились после этих слов. «Он врёт, он ведь врёт».

– Ты врешь! Врешь!

Крик был таким сильным, что многие повернулись в мою сторону (те, кто немного слышали). Преподаватель сказала быть тише, а то выгонит нас с занятий. Мы решили продолжить разговор в коридоре. Юля смотрела на нас с беспокойством.

– Похоже, она тебе не говорила. Представь себе, Юля хотела покончить с собой. Спрыгнуть с крыши. Из-за тебя. Как

ты можешь с ней в принципе находиться рядом.

Я не знал, что ему ответить. «Ведь, если его слова правдивы, то я ещё большая тварь, чуть не погубившая её».

– А ты кто вообще такой для неё? – еле смог выдавить я.

– Тебе какая разница. Друг, а может и не друг. Может, больше, – сказал Мрак с ехидной улыбкой на лице.

Меня он уже страшно бесил. Своей улыбкой, манерой общения, всем. Я не верил, что Юля может с ним общаться. Терпеть его.

Только хотел ему сказать в ответ, как преподаватель заявила, что перерыв закончился. Марк снова посмотрел на меня, как на гавно и пошёл к своему месту. Меня же всего трясло от злости. Юля с ещё большим беспокойством смотрела на нас.

***

– «У тебя точно всё хорошо? Вы что-то не поладили с Марком?»

– «Всё нормально. Мы просто поговорили, ничего такого».

Занятие окончилось, и мы шли по улице и беседовали. Я не стал ей ничего говорить о Марке, да и спрашивать про него не стал. Просто пока решил забыть про это.

С Юлей было так хорошо общаться. Она настолько открытый и чистый человек, что мне каждый раз становилось больно от того, что я нахожусь рядом с ней. Будто порчу её своим присутствием. Но ей было весело, а это самое главное. В

основном мы общались посредством телефона. Писали друг другу сообщения. Я уже пытался что-то сказать руками, но получалось бездарно. Эти попытки вызывали у Юли смех. Наверное, впервые меня это не злило, а я даже был рад. Она смеялась беззвучно, к сожалению. У неё практически не получалось говорить нормально слова. Словно она икала или проглатывала буквы, когда что-то произносила. А мне бы так хотелось услышать её голос.

Мы шли по одной из центральных улиц города. Был выходной, поэтому вокруг много народа. Из дверей одной кафешки вышла группа девушек. Уже когда мы обошли их с Юлей, раздался громкий крик.

– Да лаадно! Неужели такое бывает?! Чтобы у нашего Ромки и была девушка.

Я обернулся и увидел среди этой группы Катю. Остальных не знал, но был уверен, что это её подруги. «Этот её надменный и нагловатый вид. Она уже за секунду меня взбесила. И как мог с ней когда-то общаться и дружить?»

– Нет, серьёзно? Это твоя девушка?

Я ещё ничего не успел ответить, а она уже подошла вплотную. Мне хотелось взять за руку Юлю и поскорее уйти. Лишь бы она не поняла, кто перед ней. Катя подошла к Юле.

– Твоё лицо кажется знакомым. Мы нигде раньше не виделись?

Они обе стали внимательно разглядывать друг друга. И практически одновременно девушки узнали друг друга. Их

лица исказились от ужаса. И если Катино быстро вернулось в прежнее состояние, то Юлино нет. Она боялась. Ей стало страшно.

– Вот это даааа. Уж чего, чего, но такого я не ожидала. После всего, что было. И вы вот так идёте вместе. Юля, разве ты не понимаешь, кто перед тобой? Ах, да. Ты меня не слышишь.

Катя смахнула волосы с её ушей. Видимо, искала слуховые аппараты. Юля стояла не шелохнувшись. Она тряслась.

– Ну, ты даёшь. Гулять с человеком, который тебя унижал. Ну, не дура ли.

– Заткнись. Молчала бы. Будто ты не издевалась, – я был очень зол на Катю.

– Я? Не впутывай меня сюда. Я ничего не делала.

– Не пытайся уйти от ответа. Многие издевательства шли от твоей руки. Ты их и придумывала. Ничем не лучше меня.

– Но я, по крайней мере, не пытаюсь восстановить своё это такими средствами. Тебе самому не стыдно быть с ней? – Катя тоже, почему то, завелась, а после этих слов переключилась на Юлю. – А ты тоже хороша. Вечно строишь из себя паиньку и невинную девочку. Словно никогда не причём. Из-за тебя всё это случилось. Мы перестали дружить и общаться. Рома стал изгоем из-за тебя.

Я не мог понять, почему Катя стала так говорить. В её взгляде и голосе что-то поменялось. Словно ей хотелось скрыть. Скрыть истинные чувства. Будто она завидовала, что

мы вместе. Юля же находилась в небольшом шоке от всего увиденного. Она не слышала ни слова, но ей и без этого хватило.

– Ка... а... тя, – еле выдавила она и протянула вперёд руку.

– Не прикасайся ко мне! – Катя оттолкнула Юлю и пошла вперёд. – Пойдёмте девчонки, что тут стоять.

В нашу сторону она не повернулась. Юля стояла на месте и смотрела ей вслед. Мне показалось, что она сейчас заплачет, но этого так и не произошло.

– Всё нормально. Пойдём, – я одобряюще кивнул и получил ответный кивок от неё.

Дальше мы шли почти в полном молчании во всех смыслах. Она, скорей всего, обдумывала встречу с Катей, а я и не знал, что сказать. Паршивое состояние. В итоге я посадил её на автобус, и мы попрощались. Правда, в конце Юля мне улыбнулась. А потом пришло сообщение, чтобы я приходил на следующее занятие. От этого стало немного лучше на душе. Я решил немного прогуляться пешком. Вдруг меня окликнули.

– Рома.

Я обернулся. Передо мной стояла Настя. Всё также одетая как пацанка. Я не сразу сообразил, но потом принял защитную стойку. А Настя рассмеялась.

– Нет. Не бойся. Я тебя бить не буду.

– А что так? Неужели изменилось обо мне мнение?

– Пока не изменила. Но, раз Юля хочет с тобой общаться,

то я не буду этому препятствовать. Вы вон вместе и гуляете.

– А ты что, следишь за нами?

– Ничего я не слежу, – покраснев, сказала Настя. – Я просто... просто... наблюдаю, чтобы ты ей ничего не сделал.

Она вдруг резко сделала такое надменное и серьёзное лицо, что я рассмеялся. Уж очень забавно это выглядело. Настя надула губы и пнула меня.

– Ай, за что?

– Нечего смеяться.

– Просто видно, что ты ещё совсем ребёнок.

– Сам ты ребёнок. Я беспокоюсь за свою сестру. Не хочу, чтобы ей сделали больно. Ты же ничего такого не удумал?

– И в мыслях не было.

– Но зачем ты стал с ней общаться? Грехи так свои хочешь замолить?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Я действительно не знал, в чём причина.

– А разве нужна причина?

– Ничего не бывает просто так.

– Я...хочу помогать. Ведь нужно помогать. Я ничего хорошего в своей жизни не сделал. Да, я виноват в том, что творил. Мне хочется избавиться от этого клейма. Но это не значит, что я делаю именно таким образом. Я не стремлюсь к тому, чтобы Юля меня простила. Такое не прощается. Я просто хочу ей помогать.

Настя смотрела на меня. Прищулив глаза.

– Странный ты человек. Вроде не глупый, а вроде и дурак. Ладно, пока общайтесь. Но смотри мне. Только я замечу, что Юля страдает из-за тебя, ты нежилец.

– Да понял я уже это. Понял.

– Ну тогда давай. Пока.

И Настя побежала вперёд. Но вдруг резко остановилась и обернулась ко мне.

– Ты только это, на глаза нашей маме не попадайся. Даже не представляешь, что она с тобой сделает (заулыбалась). Пока.

Настя убежала, а я остался стоять. Только сейчас понял, что ведь действительно могу попасться Юлиной маме на глаза. А она не Настя. Она меня может убить. Даже не хотелось представлять эту сцену. «Надеюсь, я не попадусь ей».

Глава 12

За последнее время я словно родился заново. Появилась лёгкость, которой не было, наверное, никогда. Будто за моей спиной выросли крылья. Я снова стал часто улыбаться. Оказывается, это делать очень приятно. Медленными, но верными шагами снова начал возвращать свои былые кондиции. Каждое новое прикосновение к клавишам придавало всё больше уверенности. Да, страхи ещё были, и тень за спиной всё время витала. Но теперь я чувствовал себя в безопасности. Хотя, кто его знает, что может случиться на сцене. Многие композиции я уже играл. Правда, сам себе выше «тройки» поставить ну никак не мог. Мне не нравилось

абсолютно всё, но отступать было нельзя. Лена всегда подбадривала меня. Она старалась не пропускать ни одного занятия. Как маленький ребёнок, радовалась каждому моему успеху. Когда такое было, чтобы я с улыбкой играл. И что самое главное, никак не мог ожидать такого быстрого преобразования. Словно всего того раньше и не было.

Что касается футбола, то и там начались подвижки. Больше смешков и косых взглядов я не замечал. Начав, по сути, с нуля, смог достичь многого. При этом мандраж и трясущиеся коленки никуда не ушли. Страх был при касании мяча. Казалось, что отец вот-вот закричит на меня от злости. Женя всячески помогал. Тренер, видя моё упорство, улыбался. И вот, спустя две недели, я, наконец, смог сыграть в двухстороннем матче. Было заметно, что многие ребята мне не совсем доверяют. И это понятно. Я боялся выходить на мяч, не всегда руководил защитой. К тому же пропустил несколько глупейших голов, совершил кучу ошибок. Но, всё-таки, мне удалось пару раз серьёзно спасти команду, вытащить «мёртвые» мячи, что даже остальные удивились. «Талант не пропёшь», – с улыбкой сказал тренер. Он остался доволен. Уже после игры поговорил со мной наедине. Рассказал про слабые стороны, что нужно улучшить, на что сделать упор. Дал много ценных советов. «Если будешь продолжать в том же духе, то всё получится», – сказал он напоследок.

Есть ещё и третья моя победа. Я очень сильно продвинулся в изучении языка жестов. С каждым новым занятием

узнавал столько всего нового и интересного. Занимался я не только в том центре. Мы с Юлей часто по вечерам гуляли по набережной, и она очень многое мне объясняла. Если выпадал такой день, когда мы не могли встретаться, то я реально грустил и не знал, что делать. Очень странное чувство. У меня никогда такого не было. С ней рядом я чувствовал успокоение и радость. Непередаваемое ощущение. Странное, но в тоже время такое приятное.

***

– У меня для тебя шикарная новость.

Лена весь день была такой радостной и счастливой. Прямо светилась вся.

– Я даже боюсь спросить, что.

– Да не бойсь. Короче, в июне пройдёт конкурс молодых талантов классической музыки в зале имени Каца. Тебе нужно записаться.

«Дожили. Человек, которому аплодировали крупнейшие музыканты страны, будет состязаться с малявками, которые пороку то не нюхали».

– Только вот давай там ничего такого не думай. И спрячь свою гордыню. Тебе же нужна публика. Только так можно двигаться вперёд. Женя тоже со мной согласится.

– Да знаю я. Просто...

– Боишься сцены?

– Ничего я не боюсь!

– Ну и всё тогда. Записывать тебя?

– Не, я сам запишусь.

– Точно?

– Да, точно, точно.

Как же я долго откладывал этот момент. «Сцена. Что же будет, когда я выйду туда? Испугаюсь? Убегу? Не смогу играть? Но, если я так и не преодолею, то зачем всё это? Ведь хочу, чтобы Юля услышала мою музыку. Я должен перебороть свой страх. Да и Лена так старается. Ей то это зачем? Зачем помогать такому никчёмному человеку, как я? Тратить столько личного времени. Женя вон тоже. Больше мне помогает, чем сам тренируется. Не понимаю я их. Не понимаю».

– Лена, ты завтра придёшь?

– Ну, да. Собиралась. А что?

– Просто я хотел сюда ещё пригласить человека.

В этот момент её лицо как-то изменилось. Она немного опустила голову и перестала смотреть на меня.

– Кого?

– Это Юля. Ты же слышала про неё?

– Та глухая? (долгая пауза) Да зови кого хочешь. Мне то что.

– Нет, ну как. Если ты не хочешь...

– Я же сказала, мне всё равно (пауза). И вообще, я, может, завтра не приду.

– Почему?

– Дела кое-какие есть... Короче, уже время много. Я пой-

ду.

– Подожди. Я провожу тебя.

– Не надо. Я сама.

Лена ушла. А я так и не понял, что на неё нашло. Вроде бы ничего такого не сказал, а она почему-то обиделась.

Юля с радостью согласилась прийти. Я боялся, что она не захочет идти в эту школу. Плохие остались воспоминания. Но нет. Я был этому несказанно рад.

Лена действительно не пришла на следующий день. Аргументировала она это занятостью. Больше ничего не стала говорить. Но что больше волновало меня, так это Юля. Она тоже не пришла. Я прождал в музыкальном классе несколько часов. Отправил кучу сообщений, но ничего. Тишина. Не знаю почему, но на душе стало беспокойно. В этот день я так и не смог позаниматься. Не мог сконцентрироваться. На занятиях для глухонемых её тоже не было.

– А я откуда знаю. Сам вот видишь, пришёл, а её нет, – раздражённо сказал Марк.

– Ты вроде твердил, что вы типа близки и всё такое, – язвительно ему ответил.

– Иди в жопу. Не знаю и всё. Отстань.

Преподаватель тоже не знала. Как-то связаться с Настей я не мог. Конечно, можно узнать адрес, где Юля живёт, но даже и помыслить не мог, чтобы пойти к ней домой. Поэтому приходилось просто ждать. Прошло около пяти дней, и Юля, наконец, появилась. Она сильно извинялась, что не сообщи-

ла ничего мне. Сказала, что резко заболела, поэтому все дни была дома с высокой температурой, а сейчас всё хорошо.

– «Не самый здоровый у меня организм, вот и всё».

– «Главное, что сейчас всё хорошо».

Я был рад. Юля всё также жизнерадостна. Хотя, первые пару дней было заметно, что выглядит она слабенькой и сильно бледной. Но это прошло. В итоге она посетила мою репетицию. Лена снова оказалась занята и не пришла. Я очень беспокоился, что в школе Юля может встретиться с кем-то из бывших одноклассников, но этого не произошло. Пока я играл, она, не отрываясь, смотрела на меня. Всё время. «Интересно, что она чувствует, видя, как я играю? Юля же не слышит. Это ужасно грустно». Мне казалось, что она хочет представить музыку. Я редко видел людей, которые так внимательно бы следили за игрой музыкантов.

На конкурс записался. Тренировки продолжались с ещё большим усердием. Как в музыке, так и в футболе. Пришёл конец учебного года. Всё буквально навалилось на меня. Но, в итоге, я справился, хоть и с трудом. Так закончился мой десятый класс.

Глава 13

Солнце нещадно било мне в глаза. Жара на улице стояла страшная. В ушах, наверное, минут двадцать как играла песня «The Winner Takes It All». Не знаю почему, но, когда наступает важное событие в моей жизни, я слушаю именно эту песню группы «АВВА». Неважно, какое количество раз.

Главное слушать. И в одиночестве. Как сейчас, недалеко от концертного зала имени Каца, сидя на лавочке. В такие моменты, внутри меня, словно взрывается вулкан, и я даю ему растечься по всему телу без остатка. Закрывая глаза, представляю себя суперменом, парящим над городом. Который может абсолютно всё. Так хочется встать и крикнуть: «Смотрите! Это я! Я король! Король этого мира! Я могу всё! Всё, что угодно!» Возможно, это выглядит глупо, но именно это действует на меня лучше всего. Единственное, придающее сил. А они мне, как никогда, нужны. Ведь отступить уже было нельзя. Буквально через несколько часов я выйду на сцену, впервые за долгие годы, и начну играть. Уже не помню, когда последний раз надевал белую рубашку, пиджак, брюки. Сначала даже засмеялся, глядя в зеркало. А потом увидел того самого маленького мальчика, впервые выходящего на сцену. Как же ему было страшно тогда. Неужели ничего не изменилось?

– Ты как? Нормально? – спросил подошедший Жека.

– Пойдёт. Собирался с мыслями.

– Может, ты не хочешь встретить знакомые лица?

– А ты кого-то видел? – забеспокоился я.

– (засмеялся) Во, сразу в лице поменялся. Да не бойся так.

Какая разница, кто тут будет.

Ему было легко говорить. Меня же от таких мыслей пробивало до дрожи. Как только я появился здесь, то заметил нескольких видных деятелей музыки, с которыми был зна-

ком ещё тогда. Они пророчили мне невероятное будущее в музыкальной среде. Что же скажут эти люди, когда увидят такое посмешище? Но ещё больше я боялся встретиться лицом к лицу со своими сверстниками. Музыкантами. Многие из тех, с кем я соревновался, достигли неплохих высот. И тут они приходят послушать зелёных самоучек и встречают меня. Смех, язвительные шуточки. Захотят поиздеваться над тем, кто их всегда побеждал, а теперь стал никем.

– Слушай, я тут пересёкся с этим Марком. Действительно, неприятный тип. Сразу мне не понравился.

– А я тебе что говорил.

– И зачем Юля его привела с собой?

– Сам не знаю.

Юля очень хотела пойти на концерт. Хотя понимала, что даже со слуховым аппаратом ничего существенного не услышит. Как же её глаза блеснули от радости, когда она общалась на эту тему. Но при этом Юля пришла вместе с Марком.

– «Сначала я хотела пойти с Настей, но она отказалась».

Я успокаивал себя, что она пошла с Марком просто так, потому что сестра не пошла, а одной не хотелось. Не более. Да и они вместе смотрелись смешно. Несуразный Марк и невероятно красивая Юля. Он её не достоин. Я же при этом совершенно не понимал, почему так себя веду. И был ужасно зол, что она шла с ним рядом.

Лена, само собой, тоже пришла. Ещё на улице она пересеклась с Юлей. Я представил их друг другу. Но уже в тот

момент почувствовал сильное напряжение между девушками. Лена смотрела со злобным и удивлённым взглядом. Юля же с испуганно-ошеломлённым. Мне почему-то показалось, что они уже давно знают друг друга. Очень странное чувство. Юля попыталась поднять руку для приветствия, но Лена резко развернулась и ушла в зал. Я даже и не знал, что сказать в тот момент.

Зал был заполнен наполовину. Большого количества народа не ожидалось. Среди жюри знакомые мне люди. «Интересно, что они подумают, когда увидят меня на сцене?» Друзья уже сидели на своих местах. Лена вместе с Женей, а Юля с Марком на несколько рядов ниже. Всё было готово. Я же сидел в коридоре на полу, спрятав голову между ног. С каждой секундой хотелось всё сильнее убежать из этого места. Страх окутывал. Вокруг ходили другие конкурсанты всё время с удивлением смотрящие на меня. Они тоже волновались, но не так, как я. И вот молодой человек появился здесь и произнёс, что подошла моя очередь.

«Вот и всё».

Я сделал первый шаг. Было такое чувство, что к моим ногам приковали тяжёлые гири. Голова легонько кружилась. Подойдя к роялю, я поклонился публике. В этот момент до меня дошли шептания по всему залу. «Похоже, многие узнали кто я такой. Уже смеются, думают, что я неудачник, раз вышел через столько лет на сцену с молодыми участниками». Ноги еле держали меня. Я так хотел увидеть среди зрите-

лей хоть кого-нибудь из друзей, но как не старался всматриваться, перед глазами мелькали разноцветные пятна. И вот повернулся к роялю. Я очень долго размышлял над тем, какую мелодию взять для выступления. В итоге остановился на Бетховене. Piano Sonata No.14 «Moonlight» in C sharp minor, Op 27, No. 2-m. Я её играл в детстве лишь раз, но уже тогда полюбил. Самое то для моего возвращения. Но возвращения ли? Вот я сел на стул. Что дальше? Нужно начинать играть? Почему я так волнуюсь?

Именно в этот момент взглянул снова в зал. Мои глаза расширились до невероятных размеров. От ужаса. За последним рядом кресел я чётко увидел её. Это длинное платье в пол. Волосы, собранные сзади. Улыбка. Страшная улыбка. Она была здесь. Моя мама стояла там. «Нет. Не может быть. Её нет там. Это всего лишь галлюцинация. Не верю». Резко отвернувшись, стал смотреть на клавиши. Но было поздно. Я так и чувствовал, как вокруг меня сгущается чёрный туман. Словно руки, пытающиеся схватить со всех сторон. Дрожь билась по телу. В голове так и звучал голос мамы: «Ты опять неправильно играешь. Опять. Сколько можно так фальшивить. Не уйдёшь отсюда, пока не сыграешь нормально». Я чувствовал дыхание за своей спиной. Рот открывался, чтобы сказать хоть слово. Но у меня не получалось. Лишили голоса. Просто хватал ртом воздух. Пальцы боялись коснуться рояля. Страшно. Мне стало невероятно страшно.

В зале начали шептаться. Не удивительно. Парень вышел

на сцену и уже минуту сидит за роялем. Просто сидит. Как дурак. Послышались смешки. Это долго не может продолжаться. Если я не заиграю через несколько секунд, то автоматически буду снят с соревнований. «И чего я этим добивался? Только ещё больше опозорился».

Председатель жюри встал. Взял микрофон в руки.

– Уважаемый Кижич Роман. Я думаю, вы прекрасно знаете правила. Раз вы так и не начали играть, то прошу вас удалиться. Вы автоматически снимаетесь. Я огорчён, что такой талант больше не может играть.

Я смотрел на него, но ничего сказать не мог. Мне уже хотелось встать и убежать, чтобы не видеть собственного позора. И в этот момент я увидел в зале Юлю. Она сидела там и смотрела на меня. Сжав свои маленькие кулачки. Юля пыталась мне что-то сказать. С такого расстояния невозможно было разглядеть всех её жестов. Но я почувствовал надежду. Словно она хотела мне сказать: «Борись, не сдавайся. Нельзя останавливаться на полпути. Ты сможешь». Как же она на меня смотрела.

– Разрешите ему сыграть. Просто так! – раздался крик из зала.

Это был Женя, крикнувший жюри. После его слов наступила тишина. А затем голоса раздались со всех сторон. Огромное количество людей начало подбадривать меня. Все стали просить жюри об ещё одном шансе. Председатель долго смотрел на них и слушал, и, наконец, сдался.

– Хорошо. Но это вне конкурса. Играйте, только теперь я никаких пауз не потерплю.

Какое-то странное чувство внутри меня появилось. Тёплое, солнечное, лёгкое. Я повернулся к роялю. Перед глазами по-прежнему стояла мама, но теперь за ней шло неясное свечение. То самое, тёплое, солнечное, лёгкое. И я увидел Юлю. Она тянула ко мне свои руки. Своё тепло. На миг силуэт мамы исчез и перед глазами явилась эта хрупкая девушка. Я так и видел, что Юля открывает свой рот и говорит мне: «Играй».

Я, наконец, коснулся клавиш. Мой музыкальный номер всё-таки начался. Неуверенно, небрежно играл. Мелодия то резко обрывалась, то звучала громче и неестественно. Я играл ужасно. Столько фальши. В зале снова начались шептания, а в жюри не могли поверить, что слушают настолько бездарного человека. Но я продолжал играть. Старался отогнать тьму и впустить свет. С каждой секундой мелодия становилась лучше. И вот, я поймал нужную струну. Образ Юли заулыбался. В этот момент невероятный поток тёплого жёлтого света проник в моё тело. Счастье. То самое счастье, которое испытывал маленький мальчик, впервые вышедший на сцену. То самое тепло. Оно вернулось. Я чувствовал себя лежащим на огромном поле жёлтых одуванчиков и смотрел на кристальное чистое небо. Полностью освободился и парил. Парил в музыке. На моём лице появилась улыбка. Я играл, живя этой мелодией. Было совершенно не важно, что

там чувствуют сидящие в зале. Меня уже здесь не было. Музыка захватила.

Когда я в последний раз коснулся клавиш, всё исчезло. Тепло, свет, поле, счастье растворились. Я вернулся в действительность. Поднявшись со стула, повернулся к залу и поклонился. Ноги еле держали, голова раскалывалась, а пот тёк ручьями. Было удивительно, что ещё не упал в обморок. Вокруг стояла полная тишина. «Господи, ну быстрее бы уйти. Хватит мне позориться». И в этот момент поднялся шум. Сотни хлопков руками. Весь зал встал и аплодировал. Мне. Я разогнулся и смотрел на них. «Невозможно. Почему они все хлопают? Почему?» Кто-то даже посвистывал. Я так давно не слышал таких аплодисментов. На лице снова появилась улыбка. А затем я ушёл со сцены. Даже убежал. У меня сил не осталось там находиться.

Всё оставшееся время я провёл в коридоре, на полу. Также уткнувшись головой в свои ноги. Дальше шли выступления других участников, объявление победителей. Мне было всё равно. Дрожь до сих пор не проходила. Я ничего не хотел видеть и слышать. В этот момент кто-то подошёл ко мне и встал напротив.

– А знаешь, я не ожидала, что ты снова появишься, – сказал красивый женский голос.

Я поднял голову и увидел перед собой девушку. Небольшого роста блондинку с немного ехидной улыбкой. Белая кожа, родинка на левой щеке, красивое голубое платье. В ру-

ках она держала футляр для скрипки.

– Мы знакомы?

– Ну, я надеюсь, что ты приедешь осенью в Сочи и тогда вспомнишь. Уверена, приедешь... Знаешь, ты сегодня выступил также, как и тогда, в свой первый раз. Я очень рада, что ты снова на сцене. Без тебя было скучно.

После этих слов она со смехом развернулась и пошла к выходу. Я же сидел с открытым ртом от удивления. «Кто она и почему знает меня? Почему не могу вспомнить?» Девушка уже скрылась из виду, а я продолжал смотреть в ту сторону, куда она ушла. Дверь из зала открылась, и хлынул народ. Соревнования закончились. И тут, на всех порах в мою сторону неслась Лена.

– Ромаааа!

С невероятной силой она заключила меня в свои объятия. Да так, что дышать становилось сложно. Остальные тоже подбежали ко мне. И это были не только друзья, но зрители этого концерта. Они просили автограф и говорили, что знают меня.

– Ромка, какой ты молодец. Я знала, что ты пересилишь свой страх, – Лена была вне себя от счастья.

– Да, ты красавчик. Как в старые добрые времена заиграл, – Жека похлопал меня по плечу.

– Так я же опозорился. Не смог сыграть. Какой из меня музыкант.

– Самый настоящий. И ты не слышал, что тебя допусти-

ли? – сказала Лена.

– В смысле?

– Кижич!

Я обернулся и увидел председателя жюри. Он с суровым взглядом шёл ко мне.

– Хотя это и против правил, но тебя допустили до следующего соревнования. Сорвать выступление, сидеть как олух на стуле. И даже когда начал играть, я услышал бездаря. Да что там говорить. Ты во время выступления наплевал на все правила классической музыки. Ужас просто.

– Я виноват. Я ужасно выступил.

– Молодец, что понимаешь это. И я не хотел тебя допускать. Но большинство из членов решили выбрать тебя в виде исключения. Авансом. Не знаю почему, но вторая половина твоего номера была интересна. Я никогда не слышал, чтобы ты так играл. Видимо, поэтому и прошёл. Но не витай в облаках. Осенью, в Сочи я буду. Хочу там увидеть того, кого назвал когда-то девятилетним гением музыки. До встречи, Кижич.

Я продолжал смотреть ему вслед. Вокруг меня носился народ. Лена и Женя радовались пуще прежнего. А я не мог поверить, что у меня хоть немного, но получилось. На моём лице снова появилась улыбка. И тут глаза заметили в толпе Юлю. Она смотрела на меня и улыбалась. Я забыл обо всё и смотрел только на неё.

– «Рома, ты большой молодец. Ты смог. Хотя я и не слы-

шала, но почувствовала тепло, которое исходило от тебя. И увидела ту самую улыбку. Ты справился».

Я подошёл к ней поближе, чтобы она точнее поняла мои жесты.

– «Это всё благодаря тебе. Если бы не ты, я никогда не справился».

Мы стояли и улыбались друг другу, а вокруг нас веселился народ.

Глава 14

– Думаешь, это хорошая идея?

– А почему нет. Ведь не запрещено приглашать других людей.

– Но другие могут не очень хорошо отреагировать.

– Что-то странное я слышу. И когда это тебя волновало мнение людей, а?

Мы с Жекой сидели в моей комнате, играли в последнюю «FIFA». На улице ярко светило солнце, поэтому мы, задёрнув шторы, сидели в полутьме. Наступили летние каникулы, и свободного времени стало хоть отбавляй. Футбольные тренировки тоже ушли на небольшой отдых, поэтому Женя был совершенно свободен. В данный момент мы обсуждали будущую поездку. На школьном собрании всех трёх десятых классов с предложения родительского комитета было решено сделать для учеников подарок – недельный отдых на небольшой базе у Обского моря. Все ответили согласием. Тем более не запрещалось брать с собой нескольких друзей

(конечно, за отдельную плату). Поэтому мы и хотели пригласить Лену и Юлю. Даже несмотря на то, что они не особо здорово отреагировали друг на друга тогда, на концерте. И если с Леной вопросов особых не было (она уже согласилась), то вот с Юлей были. Как на неё отреагируют бывшие одноклассники? Даже страшно представить. Хотя Женя и сказал, что именно я и буду тем, кто должен защищать её от всяких нападков. Да и согласится ли она? А я хотел, чтобы Юля поехала.

– Вот ты тут беспокоишься о том, как её примут твои одноклассники, а думаю, надо волноваться о другом.

– О чём же? – спросил я.

– Как Юлина мама отпустит свою дочь?

Я аж поперхнулся, жуя в этот момент конфету. Совершенно не подумал о её маме.

– Ты же не собираешься пойти к ней и просить отпустить Юлю вместе с тобой?

– Само собой. Она не только её не отпустит, но вдобавок наорёт на меня, побьёт и унизит. Причём это заслуженно. Я не знаю, как ей в глаза смотреть... И что мне теперь делать?

– А я почём знаю. Ну, если логически рассуждать, тот тут один вариант.

– И какой же?

– Она должна поехать не одна. Либо это будет её сестра, либо этот... как его... Марк, да?

– Ну, только не он, – от раздражения я весь передёрнулся.

– Тогда поговори с её сестрой. Другого ничего не вижу.

– Ладно. Что-нибудь придумаю.

– Слушай, а с вами едет красавица одна? Высокая такая, с чёрными волосами, видная. Всегда серьёзная. Одной из самых красивых девушек в школе считается.

– Ты не про Катю ли?

– Во, точно. Забыл её имя. Про неё.

– Жек, ты что? Серьёзно?

– Не, ну а что такого? Неужели не могу приударить? Я вроде как не самый последний в школе человек. Спортсмен как никак. Думаешь, шансов нет?

– Да не в этом дело. Она не такой уж хороший человек, как думаешь. Гордая, надменная, злая. Эгоистка до мозга костей. Мне кажется, что она вообще никого не любит.

– Ну, ты прямо снежную королеву какую-то описал. С твоих слов в ней нет ничего хорошего.

– А так и есть.

– Знаешь, это всё-таки мне решать.

– Твоё дело. Я тебя предупредил.

***

Погода была просто шикарной. Воздух прогрелся до двадцати пяти градусов. На небе практически нет облаков. Именно в такую прекрасную погоду, в такой прекрасный день, мы поехали. Все вместе. Насте понравилась моя идея, чтобы её сестра отдохнула (Юля и сама очень этого хотела). Тем более я её заверил, что никаких проблем не будет. Так

как Настя стала ко мне лучше относиться, то проблема состояла лишь в их маме. Не знаю, что она наговорила ей, но Юля смогла поехать. Возможно, сказала, будто её класс отправился, поэтому взяла сестру с собой. Не знаю. Это было и не важно. Важно, что Юля, невероятно счастливая, сидела в автобусе вместе с Настей и смотрела в окно, наблюдая красивый летний пейзаж. А вот кто не был в настроении, так это Лена. На поездку она согласилась сразу, но как только встретилась с Юлей, то изменилась. Сидела угрюмая как раз вместе со мной и не разговаривала. Я так и не мог понять, что с ней происходит. Юля тоже менялась в лице, когда встречалась с ней взглядами. Они мне не говорили, а я сам почему-то боялся. А ещё боялся встречи с бывшими её одноклассниками. Юля же на это совершенно спокойно отреагировала и поздоровалась со всеми. Хотя я её не хотел представлять, думал, что может быть, всё пройдёт незаметно, и никто не будет обращать на неё внимания. Но этого не случилось. Катя даже не стала ничего слушать, а просто демонстративно ушла. Всё испортила Оля. Она поняла, кто перед ними.

– Господи, Боже мой! Это Юля?! Это правда ты?!

И со слезами и диким воем бросилась к ней в объятия как старая подруга. Причитала, извинялась. Юля была поражена такому и с опаской, но приобняла её. Некоторые ребята поняли, кто перед ними. Начали шептаться. Стас и Вова застыли как камни от удивления. Но тут всё внимание перешло на

меня. Ведь это я привёл её сюда, а значит, я с ней общаюсь. Тут и до Оли дошло. Она перестала обнимать Юлю и повернулась ко мне.

– А ты. Как ты вообще смеешь общаться с ней. После всего (повернулась к Юле). Юля, разве ты забыла, что он с тобой делал? – Оля явно была на взводе.

Но Юля просто улыбалась ей. Она не слышала слов. Я хотел высказать Оле всё, что я о ней думаю и о её двуличности, но тут нас позвали в автобус. Народ продолжал шептаться и поглядывать на меня. Оля так вообще старалась что-нибудь да высказать мне, при этом часто обращаясь к Кате за помощью. Стас и Вова всё время громко говорили и смеялись, выкрикивая моё имя. Большинство воспринимали появление Юли со мной как иронию, словно я замаливаю грехи. Даже учителя, которые поехали с нами, ничего не могли сделать с тем, что творилось в автобусе. Только Жека всё разрулил, накричав на всех. И сразу наступила тишина. Женя был единственным здесь, кого боялись пацаны. Мы пересеклись взглядами, я его поблагодарил. Тема как-то сама собой закрылась, но напряжение вокруг ещё было. Юля это не особо и воспринимала, но мне казалось, что внутри себя она сильно переживала. Насте абсолютно не понравилась вся ситуация, но это было понятно, что примут её сестру не очень хорошо. Так мы и ехали до Обского моря.

***

Обычно смена обстановки хорошо действует на человека.

Он словно меняется в лучшую сторону. И окружение рядом с ним тоже. Так бывает. Но не со мной. Я, конечно, сам особо и не старался, но надежда всё-таки была. Надежда на то, что ко мне снова повернутся люди. Этого не случилось. Хоть какой-то дружеской обстановки и то не было. Все общались, гуляли, веселились группами по несколько человек. Я оставался изгоем. Люди играли в волейбол – меня не звали. Шли купаться – меня не звали. Меня никуда не звали. Я с самого начала на это и не рассчитывал, но слабая надежда была. Что удивительно, с Жекой мы тоже немного общались. У него, помимо меня, были неплохие друзья с его класса. Да и он сам себе поставил совершенно особую цель на эту поездку. Как я не старался, не смог выбить из его головы Катю. Не мог понять, чем она его зацепила. Кроме красоты в ней не было ничего хорошего. Но Женя если поставил цель, то будет стараться её достичь. Он всё время попадался ей на глаза. Красовался. Участвовал во всех конкурсах и соревнованиях. Практически везде выигрывал. Пару раз пытался с ней заговорить. Но я понимал, что все его попытки бесполезны. Это ледяная стерва не обратит на него внимания. Многим девушкам, как с моего, так и с параллельного класса, Женя нравился. Но только не ей. Для Кати он был пустым местом. Мне даже становилось его жалко, но Женя должен был сам всё понять. Иначе никак.

Я же был не единственным изгоем на этом отдыхе. Ещё большим можно было назвать Юлю. Каждый из моего клас-

са смотрел на неё со страхом и отвращением. Все обходили стороной, а уже за спиной бурно обсуждали. Почти всё время Юля гуляла только с Настей. Та слушала и видела всё, что говорили о её сестре. Каждый раз брала злость. Юля же словно этого и не замечала. Всё время с улыбкой она радовалась этому отдыху. Плескалась в воде, собирала камушки, наблюдала за насекомыми. Как маленький ребёнок. Меня это сильно умиляло. Я хотел быть с ней почаще. Но практически не получалось. Как только появлялся такой момент, неожиданно возникала Лена и просила чем-нибудь помочь. Словно она следила за мной. Словно не хотела, чтобы я был с Юлей. А я не мог ей отказать. К слову, Лена умудрялась найти общий язык со многими девушками. С некоторыми даже сдружилась. Это не удивительно. Ей всегда удавалось хорошо ладить почти со всеми. Вот такой вот коммуникабельный человек. В отличие от меня.

Мой отдых не задался практически сразу. На второй день я заболел. Летом. В такую тёплую погоду. Так мог только я. Температура не позволяла даже встать с кровати. И вот, в таком состоянии я пролежал почти пять дней. Юля с Настей навещали меня, желали выздоровления. Юля каждый день приносила цветы. Я был ужасно раздосадован, что мне так и не удалось побыть с ней. Лена часто заходила. А Женёк только позлорадствовал. Я его понимаю. Тоже бы над ним прикалывался, если бы он так заболел. Так я и пролежал в постели да вечера субботы. Только тогда температура спала.

***

Вечер был прекрасный. Солнце стало опускаться за горизонт. Птицы заканчивали свои песни, а кузнечики только начинали. К удивлению, практически не было комаров. Тёплый ветерок легонько обдувал тело. Идеальная летняя погода для прогулок по пляжу рядом с водой. Блики от солнца, как в сказке, переливались на тонкой ряби. Ноги утопали в песке. Это именно тот случай, когда нужно слушать музыку природы и наслаждаться ею. В такие моменты хочется жить. Как только у меня прошла температура, и я стал себя хорошо чувствовать, Лена вытащила гулять. И вот мы вдвоём шли по небольшому пляжу недалеко от турбазы.

– Как же тут всё-таки здорово. Я рада, что поехала сюда, – улыбаясь, говорила Лена.

– Я смотрю, даже друзей новых заимела.

– Ага. Некоторые девчонки очень интересные особы. С ними есть о чём поболтать. А ты?

– Что я?

– Завёл новых друзей или вернул старых?

– Давай не будем об этом. Да и тем более я всё время в комнате был, болел.

– Вот только не ищи оправданий. У тебя же была великолепная возможность всё изменить. Нужно самому делать первый шаг. А ты упрямый.

Я ничего не хотел ей на это отвечать. В чём-то она была права, в чём-то нет. Мы сели у самой воды на песок и стали

смотреть, как солнце медленно уходило спать.

– Лена, ты знакома была с Юлей до той встречи на концерте?

Вопрос стал для неё полной неожиданностью.

– Н-н-нет. А почему ты спрашиваешь? – по голосу стало заметно, что она нервничает, возможно, врёт.

– Просто вы как-то странно себя ведёте, когда встречаетесь.

– Да нет. Знаешь... просто она мне не понравилась, вот и всё. Не более.

Мы сидели рядом, но почему-то старались смотреть просто вперёд, не друг другу в глаза.

– А она кто для тебя? Почему ты с ней так общаешься? – видимо Лена давно хотела это спросить, и у неё, наконец, вырвалось из груди.

Я замер. Именно сейчас этот вопрос поставил меня в тупик. Ещё несколько недель назад я мог ответить на него. Искупить вину, помочь ей со слухом. Но сейчас. Сейчас у меня пристал ком к горлу, и я не знал, что сказать. «Действительно, кто для меня Юля?» Не мог выдавить ни слова.

Лена, словно боясь услышать ответ, резко встала, заявив, что нужно закрыть эту тему. Я согласился. Мы снова пошли гулять не спеша по пляжу. Недалеко слышались крики ребят. Многие вовсю веселились. А мы молча шли. Я не знал о чём можно поговорить. В этот момент Лена с криком повалилась на песок.

– Ай!

– Что такое?

– Блин. Чёртов камень. Я ударилась.

Она не заметила его в песке и споткнулась. По её лицу было видно, что досталось хорошо. Ко всему прочему Лена подвернула ногу. Самостоятельно дальше она идти не могла. Я помог ей подняться. Наступить на ногу она не могла.

– Давай позовём кого-нибудь помочь.

– А зачем? Я и так справлюсь. Залезай ко мне на спину, я тебя отнесу к домику.

Такого развития событий Лена не ожидала и удивилась.

– Я что маленькая на спинах кататься.

– Вот ты сейчас ведёшь себя как маленькая. Ничего не знаю, залезай.

Лена ещё долго упрямилась, но в итоге, сдалась. Она оказалась на моей спине, крепко обняв моё тело руками. Я же аккуратно держал её ноги, чтобы не повредить больную. Весь её мальчишеский задор, наглость спали, и я увидел самую обычную девушку, которая нуждается в помощи.

– А помнишь, раньше, когда мы гуляли, я часто был таким неуклюжим. Повреждал ноги. Особенно, когда мы прыгали в речку с моста. И ты вот также меня носила на спине. А мне это не нравилось. Ведь я пацан, а девчонка несёт меня. А когда ты доводила меня до дома, моя мама всегда удивлялась, что у тебя так много силы. И мы вместе смеялись. Было же время, да, Лен?

Она молчала, только уткнулась лицом мне в спину. Я почувствовал, что она заплакала, так как майка стала мокрой.

– Да не реви ты. Сейчас придём, и твою ногу осмотрят.

– Дурак ты, Рома, – тихо сказала Лена.

Она обняла меня ещё сильнее, и всю оставшуюся дорогу мы прошли, не разговаривая, слушая только стрекотание да шелест листьев.

***

Я сидел на берегу у самой воды. Солнце, опускаясь за вершины деревьев, било в глаза и легонько грело своими последними лучами. Ветер, дующий со стороны воды, доносил до меня маленькие капли, что освежали лицо. Заканчивался последний день отдыха. Очень странного отдыха. Я толком ничего и не сделал. На душе было как-то грустно. «Может, мне и не стоило ехать? Какой был в этом смысл?» Со спины я услышал тихие шаги, касающиеся травы. Это была Юля. Босая, в длинной ночной рубашке, с взъерошенными волосами, она подошла ко мне и села рядом. Видимо, она уже готовилась ко сну. Когда я понял, что несколько минут смотрю на неё, то резко отвернулся. Она же глядела на гладь воды и заходящее солнце. Вокруг больше не было никого, все уже сидели в домиках.

– «Как же тут красиво», – сказала она. Её жесты были не такими как всегда быстрыми, а плавными и спокойными.

– «Ага», – единственное, что я смог ей ответить. Вроде бы я «говорил» руками, а ком пристал к горлу.

– «Спасибо тебе большое, что пригласил меня. Я обычно никуда не езжу, не путешествую. А иногда так хочется (пауза). Извини, что за весь отдых мы с тобой и не общались».

– «Да ничего страшного. Главное, что тебе хорошо».

Я не понимал, почему так стесняюсь и смущаюсь в её присутствии. Как маленький мальчик. Даже не мог смотреть её в глаза.

– «Интересно, какие сейчас звуки издаёт природа. Наверное, что-то очень красивое. Дующий ветер, шелест вон тех деревьев, крики птиц. Я думаю, что музыка природы похожа на твою музыку. Пусть и не слышала ни то, ни другое, но мне так кажется. Это, наверное, как облака, плавное и воздушное, недосыгаемое и в тоже время такое близкое».

Моё сердце сжалось. «Юля, я сделаю всё возможное, чтобы ты услышала. Ты главное, подожди».

– «Юля, прости меня, пожалуйста, за прошлое. Я перед тобой ужасно виноват».

В этот момент наши взгляды пересеклись. Я увидел её глаза. словно иной мир смотрел на меня. Бездонные, невероятно красивые, волшебные. Мне хотелось смотреть на них вечно. С Юлиных глаз потекли слёзы от моих слов. Она стала ещё прекраснее. Не знаю почему, но моё тело стало приближаться к ней. В этот момент она встала.

– «Наверное, уже поздно. Завтра рано вставать. Я пойду. Спокойной ночи, Рома».

Она развернулась и побежала в дом. Я же так и остался

сидеть, глядя ей вслед. Моё лицо и грудь горели. «Господи, что это сейчас было? Почему я так вёл себя? Как мог вообще о чём-то думать таком? Она из-за меня хотела умереть, а теперь я хотел её поцеловать. Я хотел её поцеловать? Почему? Что со мной?»

Я так и продолжал сидеть на берегу, сам задавая себе вопросы, на которые не мог ответить. Или не хотел. Или боялся. Боялся сказать то, что уже давно вертелось на языке. «Я люблю Юлю».

Глава 15

Наступила, наконец, моя любимая пора. Пора плачущего неба; хлюпающих ботинок; разноцветных дорожек, одевшихся в лиственную одежду; больших капюшонов, пытающихся защитить нас от холодного ветра; тысяч луж, где отражаются сотни детских улыбок, бегущих по ним; чёрных точек в небе, летящих на юг; тёплого чая, который глядит в окно и ждёт твоего прихода; меланхолии, которую нужно выкинуть из головы, но так не хочется. День становится короче, и ты всем телом уже ощущаешь, что вот оно, уже наступает. Это невозможно передать словами, это неуловимое чувство, которое бывает только осенью. Тёплая грусть. Я думаю, именно так нужно это назвать. Твоя жизнь становится медленной, тягучей, но это не значит, что плохо. Мне это нравится. Я словно освобождаюсь от всего груза, что наваливался так сильно.

Начало сентября. Если приглядеться, то и не заметишь,

что наступила осень. Но я уже это чувствую. Стою, гляжу на деревья, которые, совсем скоро, начнут переодеваться. Несильный, но уже прохладный ветер заставляет поёживаться. В ушах слышится «Осень» от «ДДТ». Ну что может быть лучше.

После поездки прошло уже больше двух месяцев. Время летит совершенно незаметно. Ничего нового в моей жизни не произошло. Совсем. После того разговора с Юлей, мы больше не общались. Буквально через пару дней, как мы приехали обратно, она с мамой и сестрой куда-то уехали. Юля лишь написала мне сообщение, что они отправились к родственникам и скоро вернутся. Это скоро пока так и не наступило. Я, конечно, стал немного беспокоиться. Ведь теперь стал понимать, что она мне не безразлична. Я полюбил Юлю. И теперь как-то страшнее. «Почему я? Почему она? Разве это правильно? А любит ли она меня? Ведь я не достоин её. Я тварь последняя. Я... А этот Марк. Любит ли Юля этого парня?» Тысячи вопросов, а ответа ни одного. И никто не может мне помочь. Никто. Я даже Жеке не хочу об этом говорить. Ничего дельного он точно не скажет. Лена? Она вообще последнее время стала странной. Вроде также общается, дурачится, помогает с музыкой. Но. Другой взгляд, более серьёзное лицо, о многом не говорит со мной. Словно резко повзрослела. Это случилось после поездки. Я так и не мог понять, что с ней. Никогда такой Лену не видел. Может, просто не понимаю женщин? Мне иногда кажется, что она

смотрит на меня всё время, но как только я взгляну на неё, она отворачивается. Странно.

Я продолжал улучшать своё мастерство в музыке. Хорошо, что летом мне разрешили заниматься в музыкальном классе. Теперь я просто был обязан оттачивать свои навыки. В октябре меня ждала поездка в Сочи. Я ещё не мог выбрать композицию, с которой буду выступать, но и без этого хватало проблем. Лена, хоть и реже, приходила посмотреть, как я занимаюсь. Да и Жека тоже заглядывал. Мы часто втроём здорово проводили время. Рядом с ними я чувствовал себя намного лучше. Хоть дома и стояло пианино, было страшно. Страшно подходить в ту комнату. То, что я снова стал играть, ни о чём не говорило. Страх прошлого никуда не исчез. Я только глядел в ту комнату, и все старые воспоминания возвращались. Хорошо, что хоть руки почти перестали дрожать, когда касался клавиш. Нужно научиться перебарывать страх, если хочу снова не позориться на сцене.

С футболом тоже всё стало намного лучше. Поддержка Жени и тренера очень сильно помогали. Многие ребята изменили своё мнение обо мне. Я стал чувствовать другую атмосферу на поле. Присутствие отца ощущалось, но я отгонял эти мысли. Ещё более важным толчком стало то, что меня позвали в школьную команду по футболу. Это было полной неожиданностью, но я очень обрадовался. Жека, как капитан, был счастлив. Соревнования, как раз, должны начаться в сентябре, поэтому нужно лучше подготовиться. Это мой

шанс.

Так в свои права вступила осень.

Глава 16

Юля, наконец, появилась. Мы встретились на набережной. Как всегда. Я был так окрылён, так счастлив. Никогда не чувствовал себя таким. Но когда увидел её, моё настроение резко изменилось. Я увидел другую Юлю. Грустную. Не было той ауры весны и радости. Она даже улыбалась мне натужно. Словно огонь в её глазах потух. Стояла, покачиваясь на ветру. Я заметил, что Юля похудела (и тело, и лицо). Мою озабоченность она заметила.

– «Всё нормально. Просто во время поездки я заболела сильно. Но ничего страшного. Скоро я приду в форму».

Хоть она так и сказала, но у меня на душе было беспокойно. Странное чувство опасности. Юля расспрашивала меня о том, как я провёл лето. Мы болтали о том и о сём. Мне удалось немного развеселить её.

– «У вас же скоро игры в футбол будут?»

– «Да. Хочешь прийти?»

– «Я бы хотела», – Юля смотрела на меня молящими глазами.

– «Ну, конечно. Я буду рад».

Она от радости захлопала в ладоши. «Может быть, её присутствие будет помогать мне верить в себя?» Тут у меня всё-таки вырвалась одна мысль.

– «Юля, скажи, если я найду нужную сумму тебе на опе-

рацию, ты согласишься?»

Видимо она не ожидала такого и с огромным удивлением смотрела на меня.

– «Зачем тебе это? Это всё равно мне не поможет».

– «Но почему? Разве ты не сможешь слышать?»

– «Может и смогу. Просто...не важно. Я уже привыкла к такому. Хотя...мне бы очень хотелось услышать твою музыку».

– «Тогда решено. Я обязательно сделаю так, чтобы ты слышала».

Я жестикулировал это так гордо и с таким серьёзным видом, что Юля даже прыснула от смеха. Я и сам рассмеялся. Дальше разговор пошёл веселее и на другие темы. Мы прогуляли по набережной, и, когда начало темнеть, стали прощаться.

– «Рома, можешь ответить мне на один вопрос?»

– «Конечно, задавай».

Юля пристально посмотрела мне в глаза.

– «Я жалкая?»

– «Нет...ты что. Почему такое говоришь?»

Вопрос поставил меня в ступор. Я словно оказался не в своей тарелке.

– «Просто ты общаешься со мной. Зачем? Из жалости? Или из-за того, что было в детстве?»

Вот тут случился удар в самое сердце. Я просто застыл на месте. Чувство полной беспомощности. Ведь отчасти, навер-

ное, она была права. Нет. Может раньше. Но не сейчас. «Я ведь люблю её. Но не могу это сказать. Почему? Почему она меня это спрашивает?» Юля продолжала на меня смотреть. Мои глаза стали мокрыми. Сам не понимая почему, хотел плакать.

– «Юля, ты прости меня. Мне надо бежать».

Я развернулся и побежал. Как последний трус. Опять убежал. «Почему я просто не могу ей сказать?» Сердце болело.

***

Поливало как из ведра. Чёрные тучи заволокли всё небо. Холодный ветер буквально пронизывал своими завываниями до костей. За несколько секунд можно промокнуть до нитки. И вот, в такую погоду нам было суждено играть свой первый матч. С сегодняшнего дня начинался городской футбольный турнир среди школ. Наша команда уже многие годы была, хоть и не лидером, но на ведущих ролях. В частности, этому поспособствовал Женя. Главная футбольная звезда. Благодаря таким успехам и хорошему бюджету сделали неплохое футбольное поле и большую трибуну. Сегодня она была почти заполнена. Благо была крыша, и зрители не мокли. Первый матч мы играли на своём поле с неплохим соперником.

– Ребята, я в вас верю. Мы сплочённый коллектив, мы всё сможем, – тренер напутствовал нас.

В команде, у всех, кроме меня, было хорошее настроение. К моему появлению в коллективе все отнеслись нормально

(может быть, потому что тут не было никого из моего класса). Уже второй год у нас нет хорошего вратаря, поэтому Жека и предложил мою кандидатуру. И вот теперь я тут. Трясусь, дрожу, как первоклассник на линейке. В последнее время на тренировках стало многое получаться. Виталий Михайлович не мог не нарадоваться. Но я понимал, что просто не будет. То тренировки, а тут уже настоящая игра. Я полностью ушёл в свои мысли, пока кто-то сзади не хлопнул меня по плечу.

– Я не трус, но я боюсь. Давай соберись. Всё будет хорошо, – это был Женя.

– Легко тебе говорить.

– Может быть. Но это всего лишь игра. Ты здесь, а это главное. Там куча народа, и все будут нас поддерживать.

Женя был серьёзен и в тоже время улыбался. «Вот мне бы его выдержку».

– Слушай, а ты не в курсе, Катя пришла на матч?

– Жека, всё ещё серьёзно хочешь с ней встречаться?

– Это уже моё дело, ведь так?

– Твоё, твоё... Я слышал, что она собиралась прийти.

– Вот здорово. Ну, тогда сам Бог велел показать весь свой класс.

После этих слов он ещё раз хлопнул меня по плечу, и мы пошли на поле. Дождь и не собирался утихать. Ужасная погода. Игра ещё не началась, а я уже весь промок. Вокруг и видно то было плохо. Стена из воды. Я взглянул на трибу-

ны. С трудом, но всё-таки разглядел там Лену и Юлю. К моему удивлению, они сидели вместе. Видимо, это вышло случайно. Я лишь только усмехнулся данному совпадению. Размяться уже не было времени, так как матч начался.

Как только раздался свисток, я почувствовал уверенность в себе. Словно воодушевился, окрылился. Даже настроение поднялось. При этом первые минут пять мяч вообще не доходил до меня. Я просто стоял и следил. Видимость была ужасной, приходилось всё время вглядываться. И вот, наконец, произошёл удар по моим воротам. Он был совершенно не сложным и не сильным, но я не учёл погодные условия. Трава была слишком мокрой, я поскользнулся. Прыжок практически не получился. Лишь кончиками пальцев задел мяч, переправив его в штангу. Хорошо, что добивание не получилось нормальным. По сути сам себе привёз момент. На трибунах кто-то захлопал, а кто-то засвистел в мою сторону. Игра продолжалась. Я поднялся на ноги. Именно в эту секунду в голове услышал фразу: «Опять плохо отбил. Разве это вратарь». Внутри всё похолодело. «Только не сейчас». Я повернул голову в сторону скамейки запасных. Это он сказал ту фразу. Отец стоял там. Со своим суровым взглядом. Сверлил меня глазами. «Я же стараюсь. Я же отбил. Почему ты кричишь». Казалось, что сейчас начнётся приступ. Стало очень плохо. В голове стучало, и всё время отец кричал. Руки дрожали. Я выбыл из этого мира, забыл обо всём. Чернота. Одна чернота вокруг. И я совсем один. «Мне страшно.

Хоть кто-нибудь, помогите. Пожалуйста».

В этот момент мы пропустили. Ничего толком не соображая, я пропустил мяч между ног. В простейшей ситуации. Пацаны только развели руками, а с трибуны послышался свист. Не удивлюсь, что это мои одноклассники. Жека подбежал и что-то говорил. Я же словно был в трансе и смотрел в пустоту. Он дал мне пощёчину.

– Рома, что с тобой? Неужели опять?

– Жень, мне страшно, – я схватил его за плечи.

– Давай успокойся. Соберись. Матч ещё идёт. Там на трибунах сидят две девушки. И они верят, что ты сможешь. Понял меня?

После этого он убежал к центральному кругу. «Две девушки». Я посмотрел на трибуны. Лена стояла и что-то кричала, причём подняла и Юлю, которая что-то жестикулировала. «Неужели они болеют за меня? Такого неудачника?» Но как только я посмотрел на скамейку, то снова увидел отца. Голова раскальвалась. Я закрыл глаза. «Что мне делать? Что?» В этот момент мяч, пущенный со всей силы, чётко попал мне в лицо. Да так, что я упал. На секунду даже отрубился. Именно в этот момент в сознании всплыла картина. Моё музыкальное выступление и Юля. Она снова что-то мне говорила. Я смотрел в её глаза и видел своё отражение. Отражение того маленького мальчика. Я, который может всё. И родителей. Улыбающихся мне. Обнимающих меня. Верящих в меня.

Парни помогли мне подняться после такого удара. Я сказал, что всё нормально и могу продолжать игру. «Нужно собраться. Я ведь, действительно, могу. Могу». Специально посмотрел в сторону скамейки. Фигура отца до сих пор стояла там. Но что-то в его лице изменилось... Улыбка. Еле заметная, но улыбка. Я тоже улыбнулся. «Вот оно. Я чувствую. То тепло, как и тогда, на концерте. Вот, что мне нужно». Прилив сил окутал меня. Как заведённый, хотел играть. С этим настроением я и провёл весь остаток матча. Больше голов в мои ворота не было. После того, я смог отбить несколько тяжёлых ударов, команда поймала кураж. Жека забил два мяча, и мы вышли вперёд. Погода всё ухудшалась, и дождь становился сильнее. Под конец матча мы уже ничего не позволяли сопернику. И вот, наконец, прозвучал свисток. 2-1. Победа. Мы все начали обниматься. Жека что-то кричал мне, но я не мог разобрать. Мы были счастливы. И в этот момент с трибун раздался крик. Женский крик.

– Врачаааа! Скорее, врача!

Я обернулся в ту сторону. Это кричала Лена. Возле неё лежала Юлия. Она не шевелилась.

Глава 17

Пустота. Одна сплошная пустота. Сложно описать моменты в жизни, когда происходит что-то страшное. Чувство полной безысходности и бесполезности. Скорее всего, именно это первое приходит в голову. Ты не можешь нормально соображать, понимать ситуацию. Да и чистым шоком это не

назвать. Пустота. Единственное подходящее слово. Характеризующее тебя полностью.

Я стоял и смотрел, как скорая уезжала с территории школы. Ничего не мог поделать. Просто смотрел. Врачи до того, как положить Юлю в машину скорой помощи, диагностировали, что она жива. Частично, но камень с души упал. Я не мог поверить, что может такое случиться. Голова раскалывалась. Вокруг народ шептался о случившемся. Мы с Женой нашли Лену и попытались расспросить. Но она толком ничего не сказала. Лена находилась в шоке от увиденного. Её трясло. Из всего того, что она пыталась пробормотать, я запомнил одну фразу, показавшуюся мне странной. «Этого следовало ожидать». Что она имела в виду, не понял. Как только скорая уехала, прекратился дождь. Словно он и ждал чего-то такого.

Само собой, я решил, что поеду в больницу, куда повезли Юлю. Ни о чём другом даже думать не хотелось. В раздевалке особых разговоров не было. Это событие выбило многих из колеи. Но все рады победе. Я переоделся и сказал Жеке, что еду к ней. Отговаривать он не стал. На улице, к тому моменту, уже светило солнце. И как назло, везде в городе стояли пробки. Поэтому до нужной больницы я очень долго добирался. У самого входа я столкнулся с Марком. Вид его был недовольный и мрачный.

– Марк, ты у Юли был? – сказал я запыхавшимся и обеспокоенным голосом.

Он очень долго, молча, смотрел на меня совершенно равнодушным взглядом.

– Да... Жива она... Просто потеряла сознание.

– К ней можно?

– В палату тебя не пустят. Меня даже не пустили.

Эти слова сильно ударили по моим ушам.

– Даже? Будто ты для неё настолько важный человек.

– (смех) Ты тоже не строй из себя кого-то там. Это я помогал ей выходить из депрессии многие годы. Ещё с малых лет мы общались. Я всегда был другом семьи. Мне она нравилась. И тут ты такой пытаешься мне что-то сказать. Ты. Человек, который довёл её до самоубийства. Радуйся, что она до сих пор жива. Хотя...какая ирония (Марк задумался, глядя в небо). Какой был в этом всё́м смысл? Ничего ведь не изменилось. Совсем. Думаю, нужно с этим заканчивать (посмотрел на меня). Оставляю её тебе. Я больше не хочу тратить на неё время. Всё это бесполезно и бессмысленно.

После этих слов он направился прочь от больницы.

– Что ты имеешь в виду?! – кричал я ему вслед.

Марк обернулся, посмотрел на меня и зловеще улыбнулся.

– Ты, кстати, всё равно зайди в больницу. Там тебя ждёт сюрприз.

Он ушёл. Больше я его не видел. Никогда.

***

Я не любил больницы. Они всегда вызывали у меня отвращение.

щение. Особенно эти стены и их цвет. Мне всегда становилось только хуже при взгляде на них. И в этот раз, когда вошёл внутрь, сразу это почувствовал. В регистратуре спросил, где лежит Юля. Мне ответили, что посетить её я не смогу, но там есть врач, можно будет его расспросить.

На третьем этаже было тихо. В коридорах никого не было. Возле двери в палату, где лежала Юля, заметил женщину и врача. Они о чём-то оживлённо беседовали, после чего тот ушёл. Женщина увидела, что я стою в конце коридора и смотрю на неё. Сначала у меня были сомнения, но, когда она стала приближаться, всё понял. А ноги словно приковало к полу. Не мог пошевелить ничем. А нужно было это сделать. Я понял кто эта женщина.

– Ты к Юле пришёл? К ней сейчас не пускают. А ты друг, знакомый?

Молодая женщина пристально и с удивлением смотрела на меня. Такая же красивая, как и Юля. Русые, длинные волосы, платье в пол, добрая улыбка, среднего роста. Правда, я был уверен, что как только она узнает, кто перед ней, всё изменится.

– Так что ты молчишь? К Юле пришёл? (пристальней посмотрела на меня) Мы с тобой нигде не встречались?

Не знаю почему, но я почувствовал сильное жжение в сердце. Глаза стали мокрыми. Ноги сами собой подкосились, и я упал на колени. У меня не было сил смотреть ей в глаза.

– Простите меня... Простите... Простите за всё, – еле смог

выдавить сквозь слёзы.

Лицо женщины изменилось. Руки затряслись. Она поняла, кто перед ней сейчас. Со всей силы она ударила меня по лицу. От удара я упал.

– Ты...Ты! Как ты посмел прийти сюда! (ей не хватало дыхания кричать) Ты! Ты чуть не убил мою дочь!

Она снова замахнулась на меня. Я понимал, что сейчас будет, но даже не пытался защищаться.

– Зачем ты пришёл сюда?! Опять поиздеваться? Или (пауза). Откуда ты вообще узнал, что Юля здесь? Кто тебе сказал?

Я по-прежнему молчал, правда, решил подняться на ноги.

– Ты что общаешься с ней? Ты...ты. Пытаешься загладить вину? Думаешь, если у неё доброе сердце, то...

После этих слов Юлина мама заплакала. Она открывала рот и пыталась мне хоть что-то сказать, но не могла. Я же по-прежнему тупо и молча стоял.

– Не дай Бог, понял, я тебя ещё раз тут увижу. И не только тут. Не смей появляться перед ней! Понял меня?!

Она продолжала кричать, а я развернулся и быстрым шагом пошёл прочь из этого места. Взглянуть на неё больше не пытался. Как только я вышел из больницы, слёзы градом покатались по моему лицу. Давно так не плакал.

Ближайшие пару дней я не решался и шагу сделать в сторону больницы.

Глава 18

Через четыре дня, в среду, я пришёл в больницу. Специально для этого решил пропустить школу и пойти утром. Так я точно был уверен, что снова не столкнусь с её мамой. Ведь она же должна работать. Но страшно было очень сильно. С невероятной опаской заглядывал за каждый угол на этаже. Вздохнув с облегчением, я дошёл до нужной палаты. Уже можно было посещать Юлю. Я открыл дверь.

Она сидела на кровати. А вокруг всё белое. Стены, постель, её одежда. И эти волосы. Длинные и золотистые. Юля смотрела в окно, не заметив моего появления. У меня было такое чувство, что я зашёл в опочивальню к Рапунцель, которая в этой высокой башне всё ещё ждёт своего принца. Я застыл на месте. Как замороженный глядел на неё и не мог оторваться. «Какая же ты красивая». И вот, наконец, Юля почувствовала, что тут кто-то есть. Она обернулась и увидела меня. С дурацкой улыбкой на лице. Наверное, я выглядел очень глупо. Юля вся засияла. Она была счастлива.

– «Прости, что не мог прийти раньше».

– «Ничего страшного. Я рада, что ты здесь», – она вся светила от счастья.

– «Как ты себя чувствуешь?»

– «Хорошо. Врачи говорят, что ничего серьёзного и скоро выпишут меня».

– «Как ничего? Это же не просто так случилось».

– «Просто обморок. Возможно, переутомилась», – Юля даже жесты выводила как-то спокойно и по тёмному.

– «Это никак не связано с твоей болезнью?»

Юля сделала обеспокоенное лицо.

– «С какой болезнью?»

– «А...ну...я неправильно выразился. С твоим слухом».

– «А, это. Нет. Просто обморок. Ты беспокоишься?»

– «Ну, конечно», – сказал я, покраснев. Юля чуть не засмеялась.

Я положил на тумбочку апельсины. Мы продолжали разговаривать. Юля сказала, что не любит больницы, они её угнетают. Как я понимаю. По виду Юли нельзя сказать, что она может чем-то болеть, но мне почему-то было не по себе. Окна из её палаты выходили на хвойный лес. Приятно смотреть на эту красоту.

– «Ты знаешь, я через две недели еду в Сочи», – выпалил я неожиданно.

– «Ух ты, уже. Буду очень сильно за тебя болеть. Ты готовишься?»

– «Ну, конечно», – немного соврал я (из-за того случая, репетировать не особо хотелось).

– «Ты один туда поедешь?»

– «К сожалению. Бабушка слаба на здоровье, у Жени тренировки».

– «А Лена?»

– «Ты её запомнила?»

– «Ну...да», – с непонятной для меня паузой сказала Юля.

– «Нет, тоже не может. У всех ведь к тому же учёба. В

школе мне разрешили поехать».

– «Я бы хотела отправиться с тобой, но не получится», – с досадой ответила она.

– «Ты вот лучше не напрягайся. Да и не отпустят тебя. Я вот с твоей мамой...», – и осёкся.

Юлино лицо резко изменилось. Оно стало беспокойным.

– «Ты виделся с моей мамой?»

– «Так получилось. В тот самый день, когда тебя забрали в больницу. Я пришёл сюда, и она уже была тут».

– «И что?» – ей было ужасно интересно узнать.

– «Ну, это тяжёлая была встреча. Я получил от неё по заслугам. И знаешь, словно груз с плеч упал».

– «Наверное, она сказала, чтобы ты со мной больше не виделся?»

– «Ну, само собой. Что она ещё могла сказать».

– «Ты прости меня за мою маму».

– «Ты что такое говоришь то», – я взял её руку, но потом понял, что совершил, покраснел и сразу отдернул свою. – «Это я должен просить у вас прощения, но никак не ты. Не говори такое».

Юля слабо улыбнулась. Мы ещё немного поговорили, после чего я решил, что пора уходить.

– «Давай быстрее поправляйся, хорошо?»

– «Хорошо», – сказала она, махая мне рукой. – «А ты давай усердно занимайся».

Я попрощался и вышел. В коридоре столкнулся с Настей,

что чуть не сбил её.

– Блин, смотри куда идёшь. Что, сестра голову вскружила и теперь никого вокруг не видишь? – с ехидной ухмылкой сказала она.

Я только засмеялся её выражению лица. Настя сначала надула губы, но потом тоже начала смеяться.

– Как там сестра? Хорошо себя чувствует?

– Даже очень. Такая живая.

– Это здорово. Ты молодец, что пришёл. Ладно, я пойду.

– Давай.

Как только дверь в палату закрылась, я услышал громкий и радостный крик: «Сестра!». Улыбка так и появилась на моём лице. В таком приподнятом настроении я и покинул больницу.

***

Да музыкального конкурса в Сочи осталось совсем немного времени. Нужно было усердно репетировать. Ведь это один из важнейших концертных конкурсов. Там будут одни из сильнейших музыкантов страны. Конкурс будет идти несколько дней. Я очень долго размышлял о двух композициях, которые исполню. Несколько ночей пробовал десятки произведений. В итоге остановился на этих: 1) Сергей Рахманинов – соната для пианино №2 in B flat minor, Op 36; 2) Роберт Шуман – соната для пианино №2 in G minor, Op 22-1. Даже не могу точно сказать по какой причине, но именно они запали мне в душу. Играть дома я по-прежнему не мог, по-

этому приходилось делать это в школе. Лена всё также приходила (хоть и не каждый раз) на мои репетиции. Я стал более собранным, но она всё равно меня отчитывала. Что-то в ней изменилось, но вот что, я понять не мог. Она стала и разговаривать, и вести себя не так, как раньше. После репетиций мы часто гуляли по парку. Сотни жёлтых листьев падали нам на голову и под ноги. Красивое зрелище. Мы непринуждённо общались, но, иногда, я чувствовал, что между нами словно стена. Понять причину не мог.

Турнир по футболу продолжался. Я всё также чувствовал себя не в своей тарелке каждую игру. Женя и другие ребята меня подбадривали, хоть и не все. Я видел отца и пока ничего не мог с этим поделать. Вторая игра прошла плохо для всей команды. Не только я допускал ошибки. То, что мы смогли зацепиться за ничью благодаря Женькиным голам, это чудо. Третья игра была уже лучше. Плохо играл только я, но мы выиграли. Каждый раз, когда мне становилось плохо, представлял Юлю. На последнюю игру перед поездкой в Сочи на трибуны пришёл Виталий Михайлович. Как я потом узнал, он пришёл только чтобы посмотреть на мою игру. Не знаю почему, но сегодня очень многое получалось. Я сам был себе поражён. Пропустил один гол, но тот был не берущимся. Несколько раз вытащил «мёртвые» мячи. Даже Жека удивился. Может я просто был в приподнятом настроении от того, что Юлю завтра выписывают из больницы. Мы выиграли, а я стал лучшим игроком матча. Виталий Михайло-

вич остался очень доволен мной, пожелал удачи на конкурсе и сказал, что потом начнутся серьёзные тренировки уже к футбольным соревнованиям. Я был невероятно счастлив. За день до поездки мне удалось встретиться с Юлей. Как только она выписалась, то из дома не выходила. Видимо, мама боялась за её здоровье. Но тут, наконец, разрешила. Хоть на улице и было прохладно, мы хорошо провели время. Погуляли, попили кофе. Юля пожелала мне удачи и победы в конкурсе.

Вот в таком приподнятом настроении я отправился в Сочи.

Глава 19

Конец октября. Я всю свою жизнь провёл в Новосибирске и понимаю, что творится на улице в это время. Грязь, дождь, грязь, дождь. Иногда кажется, постапокалипсис уже наступил. Хоть мне и нравится осень, но лицо всё равно морщится от таких видов. Всё умирает. Умирает в ожидании снежного покрывала. Деревья уже стали голыми, придавая ещё большей депрессии глазам. Так охота включить неспешную меланхолическую музыку и идти вперёд, борясь с ледяным порывистым ветром.

Но сейчас я в Сочи. И тут совершенно другая картина. И самое важное, это погода. Тепло. Очень сильно тепло. Конечно, грязь и все осенние примочки есть везде, но тут это не ощущается. Море и его запах создают невероятную атмосферу. Я стал чувствовать себя художником, приехавшим за утерянными вдохновением. Кто бы что ни говорил, но прошед-

шая в начале года олимпиада украсила этот город. Мне нравилось гулять возле олимпийских объектов одному и слушать музыку. Хоть и предлагали сопровождение, я отказался. Не маленький уже. Да и сосредотачиваться намного проще. Никто не отвлекает. Огромное количество молодых и опытных музыкантов со всей страны съехались сюда. Выступали не только пианисты. Скрипачи, виолончелисты, духовые, барабанщики и многие другие. Музыкальный конкурс шёл пять дней. Я старался держаться особняком и ни с кем не контактировать. Выступления пианистов должны начаться на четвёртый день. Первые два дня я только и делал, что гулял по городу и слушал музыку. Больше ничего не хотелось. На третий день в концертном зале было вывешено время выступления всех участников. Я был не первым и не последним, что радовало. Рядом со стендом стоял ещё один парень и рассматривал его.

– Уфф, хоть нормальный номер дали, – он повернулся ко мне. – Ты тоже играть будешь?

Парень где-то моего возраста. Рыжий, огненно-рыжий, куча веснушек на лице, кудрявые волосы. Роста чуть ниже моего. На плече висела чёрная спортивная сумка. Одет просто. Не знаю, почему, но мне сразу перед глазами стал видиться Женя. Я прямо чувствовал, что по характеру он такой же.

– Ну да. Тоже буду играть. Я Рома.

Мы пожали друг другу руки. Правда, он чуть задержал

свою, глядя мне в глаза.

– Мы не знакомы? Ты давно играешь?

– Ну, я когда-то раньше играл.

Тут он резко повернул голову к стенду, потом на меня, потом снова к стенду.

– Да ну на! Да не может быть! Да ладно! – стал внимательно меня осматривать.

– Может мы раньше встречались, когда играли в детстве.

– Да, само собой. Рома Кижич. Я тебя помню. Я тебя знаю.

Меня то ты не знаешь, верно?

– Извини, нет, – я хоть и пытался вспомнить, но никак не мог. Я вообще никогда не следил за другими музыкантами, с которыми соревновался и выступал.

– Ну, ещё бы. Куда тебе до простых смертных. А я всегда с тобой участвовал, везде. Антон Барышев меня зовут. Находился за твоей спиной, а ты даже и не замечал. Ну конечно. Ты ведь звезда. Никогда не замечал своих соперников.

– Послушай...я.

– Всегда ходил тут со своей матерью. Как робот играл любую музыку. Без единой ошибки. Только первый. Идеальный музыкант. Как я тебе завидовал. И как хотел стать таким как ты. Достичь вершин. Твоих вершин.

– Я...

– А потом. Что случилось? Ты пропал. Исчез. Бросил музыку. Знаешь, какой это был для меня удар. Моя цель, моя мечта рухнула в одну секунду. Я потерял всё, даже так усерд-

но заниматься перестал. Разве я не прав, Таня?

Я обернулся и увидел девушку. Ту самую блондинку, которую встретил после прошлого выступления. В руках она держала скрипку. Только в этот момент я вспомнил этих двух людей. Мы всегда в детстве встречались на различных конкурсах. Антон был одним из главных моих соперников. Он часто занимал вторые и третьи места. Бойкий нрав и задиристый характер. Я помнил лишь то, что он часто что-то мне кричал вслед, когда мы с мамой уходили. А Таня – скрипачка. Очень хорошая. Она дружила с Антоном. Всегда приходила на мои выступления. Но я не мог их помнить. Я ведь был роботом. Бесчувственным. Безликим.

– Ну, вот мы и встретились снова, Рома, – с улыбкой сказала Таня. – Не обращай на Антона внимания, он вспыльчив.

– Вы что уже встречались? Когда? Он играл? – Антон был взвинчен.

Я даже ничего не мог сказать и просто смотрел на них. Таня подошла к Антону, взяла его за руку и повела от меня к выходу.

– Увидимся на выступлениях. Надеюсь, ты и наши посмотришь.

Антон что-то кричал мне вслед, но разобрать я не мог. «Неужели есть люди, которые помнят меня и мою игру? Да ещё так. И почему я не замечал их? Насколько моя жизнь была бы другой».

С улыбкой на лице я вышел из здания.

***

Сила музыки. Она невероятна. Когда ты проникаешься ей, то ничего другое уже тебя совершенно не заботит. Это как наркотик, только безболезненный и невероятно приятный. Ты не можешь им надыхаться, наслушаться, насладиться. Закрываешь глаза и утопаешь в музыке. Она обволакивает тебя со всех сторон, проникая в самые удалённые части души и тела.

Вот именно такое чувство я испытывал, придя послушать выступление скрипачей. «И почему я раньше так никогда не делал? Эта так прекрасно». Закрывая глаза, пытался ещё сильнее прочувствовать всю прелесть исполнения. Раньше мама приводила меня на концерт или конкурс, я играл, а потом уводила. Всё. Я как робот не воспринимал ничего. Просто без эмоционально жил в этом чудесном музыкальном мире. И вот теперь, только теперь, стал понимать, как много упустил. Подошла очередь выступать Тане. Возможно, когда-то я и слышал, как она играет, но это совершенно вылетело из головы. За время её выступления у меня случился настоящий музыкальный оргазм. Ничего подобного ранее я не слышал. Каждое движение смычка отдавалось в голове распускающимся цветком. Это было прекрасно. Не знаю почему, но по окончании я решил остаться и подождать её. Антон тоже был здесь, поэтому мне пришлось стоять так, чтобы он меня не заметил. Как я и предполагал, Таня заняла первое место. Заслуженно. Её выступление было безупречным.

В фойе она вышла с огромным букетом роз, вся светящаяся от счастья. Большое число людей окружало со всех сторон. А я просто стоял и ждал. Через какое-то время она заметила меня и, что-то сказав остальным, отправилась в мою сторону.

– Вот так неожиданность. Думала не придёшь. Ты был в зале?

– Да, был. Ты великолепно играешь. Поздравляю с победой.

– Спасибо. Я завтра приду послушать вас с Антоном. Ладно, я пойду.

Таня развернулась и, сделав пару шагов, снова посмотрела на меня.

– Я надеюсь, что завтра я снова услышу того неуклюжего и нерешительного восьмилетнего мальчика, – и с улыбкой отправилась дальше.

«Неужели она видела ещё самое первое моё выступление? Неужели оно было таким хорошим, что все его помнят?» С этими раздумьями я и ушёл к себе в комнату в специальном общежитии для участников конкурса. Больше готовиться к завтрашнему выступлению не стал.

***

Желудок урчал весь день. Есть не хотелось совершенно. Не знаю почему, но чувствовал я себя отвратительно. Страх не было (во время выступления он появится, это точно знал), чему я был рад. До моего выступления было ещё много вре-

мени. Сейчас я уже жалел, что выступаю не среди первых участников. Но поделаться ничего не мог. Было несколько вариантов, где ждать своей очереди. Основным была большая комната, где находилось большинство участников. Мне эта идея сразу не понравилась. Я не любил, когда много людей вокруг меня, да и Антон тоже там был. Точно только и делал бы, что сверлил глазами. Выступал он уже после меня. Можно было сидеть в зале (для участников оставили несколько свободных мест). Но, почему-то слушать музыку именно сегодня не хотелось.

Я вышел из зала на воздух. Дышать стало легче. Словно один из камней упал с души. Но всё равно чего-то не хватало. Возможно, музыка могла бы помочь, но впервые ничего слушать не хотелось. Совсем. Я сел на лавочку и просто смотрел на небо. Потом погулял по округе. Напряжение особо не спадало. В таком состоянии я и провёл всё оставшееся время до выступления. Как только я зашёл внутрь, мне сказали быть готовым. Итак, мой выход начинался.

Уже когда мою фамилию объявили, я услышал отчётливый шёпот и волнение в зале. «Меня до сих пор помнят». Состояние опять оставляло желать лучшего. Я поднялся на сцену. Тишина. Полный зал. И он. Шикарный чёрный рояль. Ком встал в горле. Вокруг всё стало будто в тумане, и я блуждаю уже очень давно, а выход всё не могу найти. Наконец, поклонился и сел за рояль. Весь груз разом упал на меня. Первым я должен был играть Рахманинова. Но уже понял,

что не могу. Снова это ужасное чувство. Я коснулся пальцами клавиш. И не почувствовал их. Совершенно. Словно передо мной воздух. И музыка. Я не слышал её. Лишь тишина. Пот пошёл по лицу. Я повернулся к залу и там, в самом конце, увидел их. Вдвоём, отец и мама. Смотрели на меня. Тьма стала сгущаться вокруг, а я сам превратился в того маленького мальчика, за спиной которого с указкой стояла его мама. (в зале шло шептание, ведь люди видели, что я играл плохо и не понимали, почему) Закрыв глаза. «Нужно подумать о хорошем, абстрагироваться, что-то изменить, услышать музыку». Я понимал, что выступление уже провалено, но всё равно. «Юля. Подумать о ней. Увидеть её лицо. Почувствовать... Почему я боюсь? Столько лет и всё равно боюсь». Я повернулся к родителям. Мама опять что-то шептала. Так и хотелось закричать на них. Но не мог. Я просто смотрел на них. Впервые так долго глядел. И тут на секунду промелькнуло её лицо. Юля. Она была со мной. В эту минуту. Ей хватило буквально секунды, чтобы изменить всё. Темнота стала отступать. И тут я услышал голос.

– «Прости».

Это была моя мама. Когда я повернулся к ним, то не поверил своим глазам. Они изменились. Стали теми, кого я совсем забыл. Теми из моего далёкого детства. Светлыми, добрыми, любимыми.

– «Сынок, прости нас. Мы виноваты, что превратили тебя в такого. Мы не замечали, во что превратились сами. Довели

тебя, стали чудовищами».

Из моих глаз потекли слёзы. А музыка... Я снова её услышал. Тихую, еле заметную.

– «Мы слишком поздно поняли, что натворили. Слишком поздно. И поплатились за это. Я пойму, если ты никогда нас не простишь. Мы это заслужили».

Слёзы лились ручьём. Я не искал оправдания ни себе, ни им, но тут понял, что они любили меня. И пусть стали монстрами и сотворили из меня бесчувственного робота. Всё равно. Нужно сказать...

– «Прощаю», – шёпотом ответил я.

Мама и папа заулыбались. Мои самые добрые и любимые родители. Я тоже заулыбался, а слёзы всё шли. И тут, рядом с ними появился маленький мальчик. Весёлый, он подбежал к ним и обнял. Я. Это был я. И вот они втроём, обнявшись, смотрели на меня и махали руками.

– «Прости нас, сынок. Ты всё сможешь. Ты наше золото».

Я заливался слезами, а они начали исчезать, растворяться. Вокруг словно всё расцвело. Тепло окутало зал. И музыка. Она заиграла в моей голове. Я снова её услышал. Почувствовал клавиши. Я заиграл. Как никогда. Мои руки словно плыли в счастье. Я закрыл глаза. Поле. Солнце. Ромашки. Дети бегут и радуются лету. Они живут. И я живу. В зале стояла полная тишина. Многие с открытыми ртами следили за моим выступлением. Даже члены жюри. У всех были улыбки на лице полные блаженства. А я продолжал играть, буд-

то на крыльях. Крыльях счастья и любви. Повернув голову в зал, я не увидел своих родителей. И был уверен, что больше не увижу. Там стояла Юля и улыбалась мне. «Всё хорошо, всё хорошо. Нужно просто жить в музыке и наслаждаться ею». Когда закончил играть и встал, была полнейшая тишина. Я понимал, что абсолютно запарол начало произведения, и оценки уже будут низкие. Но тут последовал град аплодисментов. Все встали, хлопали, кричали: «Браво». Я не мог поверить увиденному. «Неужели у меня получилось?» Но радоваться не было времени. Нужно сразу же начинать вторую композицию. Теперь звучал Шуман.

Преисполненный счастьем, я начал играть. Как тогда, в самый первый раз. Вот он. Тот самый мальчик, неуклюже сидящий за роялем, трепещущий перед его величием, жаждущий просто играть. Я полностью, без остатка, отдался музыке. Никогда ещё не было такого воодушевления. Мне казалось, что вокруг творится какая-то непонятная магия, а я в её центре. Улыбка так и не сходила с моего лица до самого окончания выступления. Когда я закончил и поднялся со своего места, то даже и не думал о том, что поставит жюри. Мне было плевать. Я, наконец, влюбился в музыку по-настоящему, всей душой. А затем в мою голову ворвались аплодисменты. Зал рукоплескал. Я смотрел на них, а они и не хотели останавливаться. Раскланявшись, ушёл со сцены, а люди продолжали хлопать. Эмоции переполняли. Мне хотелось прыгать, кричать, бежать. Но я всё-таки пересилил се-

бя и отправился в зал, чтобы досмотреть выступление. Мне хотелось увидеть игру Антона.

Многие выступления были хороши и даже очень. Но когда заиграл Барышев, я забыл обо всём. Это было по-настоящему живое выступление. Он словно завладевал тобой, заставлял впадать в транс и жить по его правилам. Чайковский и Шопен. Они звучали совсем не так, как это бывает всегда. В каждом моменте произведения слышалось нечто иное. Сначала кажется, что игра неправильная, так нельзя, но потом...потом понимаешь. Всё идеально. Так и должно быть. «Неужели он играл так всегда? А я это никогда не слышал. Столько всего упустил». Мелодия завораживала от начала до конца. Антон умело плавал между обязательной техникой и своим видением. Сочетание несочетаемого. Когда его выступление закончилось, я был раздосадован, что оно прошло так быстро.

Все участники собрались в большом зале и ждали, когда жюри выберут победителей. Я был совершенно спокоен, так как знал, что уже ничего не выиграю. Многие взгляды других музыкантов сверлили меня, люди перешёптывались. А мне всё равно. Я просто ждал окончания. Теперь мне было ясно одно: я изменился, полностью преодолел все барьеры, снова полюбил музыку.

– Я всё-таки услышала то, о чём давно мечтала, – я обернулся и увидел улыбающуюся Таню.

– Запорол начало. Выступление было ужасным.

– Но ты ведь не бросил играть. Зато потом с тобой случилось нечто. Все в зале сидели с открытыми ртами. А я будто впала в детство. Стала снова маленькой девочкой на том, самом первом, твоём выступлении. Это было божественно. Я очень предвзято отношусь к музыке. Мне не часто нравится игра Антона. Да и твоя. Никогда не нравилась кроме самого первого и вот этих двух последних работ. Она настоящая была. Ты теперь вернулся в музыку?

– Думаю, да. Я...

– Кижич! Кижииич!

Я аж испугался. Антон быстрыми шагами направлялся через весь зал и кричал. Почти все замолкли и глядели на нас. Он подошёл ко мне.

– Это что было? Что за выступление?

– Моё выступление, – с усмешкой сказал я.

– Я не этого ждал. Столько лет, столько лет. И вот, мой главный противник появляется, и что я слышу?

– Что же? – мне от его гримас злости становилось смешно.

– Сначала передо мной выступал ребёнок, первый раз севший играть. Я не мог поверить своим ушам. А потом... потом...

– Что же потом?

– Я не могу это объяснить. Музыка без правил. Без нот. Одна импровизация.

– Ну, разве это плохо? Чувствовать музыку как считаешь ты сам.

– Нужно знать меру во всём. Где тот музыкант, уничтоживший всех своим безупречным исполнением? Где тот, перед которым даже взрослые немели? Где та маленькая звезда классической музыки?

– Нет. Этого человека больше нет. Здесь только я. Не решительный, не техничный, живой человек. Со своими недостатками.

– Ну уж нет! И как мне теперь жить? С кем бороться? Мой идеал исчез, – у Антона уже заканчивались силы кричать.

– Борись с самим собой. Твой главный противник – ты сам, никто больше.

Таня, понимая, что это может продолжаться вечно, схватила Антона и начала уводить от меня.

– Нет, так просто не сдамся! – он продолжал кричать. – Ты знаешь, теперь я живу в Новосибирске тоже. Понял. Мы ещё встретимся. Я хочу равный поединок. Понял.

– Ты очень классно играешь. Лучше всех! – крикнул я ему вслед.

На эти слова Антон снова начал что-то кричать, но я уже не услышал. Таня увела его. Моё настроение поднялось. «Всё-таки, Антон классный музыкант и человек». В этот момент ко мне подошёл один из организаторов конкурса.

– Роман, там один мальчик хотел бы получить твой автограф. Он и его мама уже уходят. Не мог бы ты обрадовать своего поклонника?

– Конечно, – я был очень удивлён, что кто-то так полюбил

мою игру.

– Ты английский знаешь?

– Очень плохо, а что?

– Просто он иностранец... Ладно, я тебе переведу.

Мы отправились в фойе здания. Там стояли маленький мальчик и его мама. Ребёнок, как только увидел меня, расплылся в улыбке и прямо засиял. В руках он держал маленький буклетик. Его красавица мама пожала мне руку.

– «Вы извините нас, но моему сыну настолько понравилась ваша игра, что он хотел бы получить ваш автограф».

Я наклонился и протянул мальчику свою руку. Тот ещё больше засиял и дал мне свой буклет. Он не отрывал взгляда от меня.

– «Робин очень любит музыку, особенно классическую. Когда вы начали играть, он буквально застыл от вашего исполнения. Вы великолепный музыкант».

– Спасибо большое, но я только учусь, – выговаривал я, залившись краской. Никогда я не воспринимал такое, что у меня могут быть поклонники и любители моей игры. – А вы специально на концерт пришли... эээ... извините, не знаю вашего имени.

– «Ой, простите, не представилась. Меня зовут Элиза», – сказала эта женщина, нет, девушка. Покорила меня буквально за пару минут. Невероятно красивая, добрая, уверенная в себе и красноречивая. – «Если честно, мы с Роббином попали сюда случайно. Мой муж, Джек приехал сюда из Лондона по

рабочим делам, ну и мы тоже с ним отправились. Свободного времени много, вот и решили сходить. Жалко, что мужу не удалось попасть, но надеюсь, мы побываем ещё на вашем концерте».

Я уже совсем раскраснелся от её слов. Дописав послание на буклете, отдал Робину и взъерошил ему волосы. Мальчик был счастлив. Я тоже. Мы попрощались, и Элиза с Робинотом отправились к выходу. Мальчик махал мне рукой, я ему тоже.

– Ну вот, у вас уже и поклонники за рубежом есть. Растёте.

– Сам в шоке.

Я был до сих пор поражён этому. Раньше не замечал. Возможно, в детстве многие также любили мою музыку. Но мне было не до этого. А тут, как гром среди ясного неба. В приподнятом настроении я вернулся в зал ожидания.

И вот, наконец, были оглашены результаты. Первое место, заслуженно, получил Антон. Это было справедливо. Хотя он сам был не рад. И косился на меня. Из-за моей оплошности в начале, шансов не было никаких. За такое обычно могут и вообще не дать никаких баллов. Но к моему удивлению я получил приз. Приз «зрительских симпатий». Обескураженный и под гром аплодисментов я поднялся на сцену. «Зрителям так понравилось моё выступление?» По словам ведущего именно я полюбился всем в зале. Его слова пролетали мимо моих ушей. Таких аплодисментов не было даже у Антона. Я посмотрел на него и увидел улыбку.

Шокированным я вышел из здания. Помимо маленького золотого пианино, мне дали и денежный приз. Конечно, меньше, но всё-таки. Я уже знал, что отдам все деньги для Юли. «Нужно поучаствовать ещё в нескольких конкурсах, чтобы заработать». После награждения ко мне подходили многие известные люди из мира музыки. Музыканты, преподаватели в консерваториях, продюсеры. Кто-то восхищался мной, кто-то вспоминал мои былые выступления, кто-то предлагал свои услуги в продвижении. Как мухи облепили меня. С огромным трудом я смог скрыться от них на улице. Тут получилось задышать полной грудью. Неожиданно зазвонил мобильник. Так как конкурс транслировался по одному из каналов, то могли кто-то из знакомых звонить, поздравить. Ну, я так думал.

– Роман Кижич?

– Да...это я.

– Скажите, Нихонова Тамара Николаевна кем вам приходится?

– Это моя бабушка...Что-то случилось? – моё сердце бешено забилося, а в горле встал ком.

– Примите глубокие соболезнования. Сегодня утром с ней случился приступ. Она умерла.

Глава 20

Первый снег. Неуклюжий, нерешительный. Падающий неспешно, с толикой сомнения. Впервые небесные слёзы замёрзли. Это как идти уже очень и очень долго по безлюдно-

му миру. Ничего вокруг давно не меняется. И вдруг, неожиданно, падает снег. Ведь, по сути, всё осталось на своих местах, всё, как всегда. Просто пошёл снег. Но что-то меняется. Внутри тебя. Грусть и меланхолия врываются в сердце, глядя на медленно падающие крохотные снежинки. И нет тут никакой радости от того, что выпал первый снег. У меня всегда такое чувство, что только что произошёл конец света, и вот ты, опустошённый, глядишь на разрушенный мир. А души тихо падают на мёртвую землю. И пустота.

На свежую землю падали первые снежинки. Мне, почему то, очень хотелось, чтобы снег пошёл сильнее и укрыл могилу белым одеялом. Но он был слабым. Ветер совсем не дул, что придавало ещё большей таинственности. Я стоял один. Людей в принципе на похороны пришло немного, но они уже все отправились поминать. Всё это организовала моя двоюродная тётя. Мы нечасто виделись, но она меня очень любила. А я был без сил. С того самого звонка. У меня в принципе не много родственников, но и те не все приехали. Лена не смогла прийти, и я её понимал. Она всегда боялась смерти, и ей становилось плохо на похоронах. Жека был. Сейчас он стоял поодаль и ждал меня. А я тупо смотрел на могилу. Человек, который не бросил меня, когда умерли родители. Человек, который терпел меня и принимал таким, какой я есть. Она всегда верила. Верила. Даже если я её подводил. А теперь её нет. Последние слова, которые она мне сказала перед моим отъездом: «Они бы гордились тобой. И я тобой»

горжусь». Я стоял и не мог сдвинуться с места. Слез уже не было. Я плакал только когда мне позвонили. Разрыдался. Но больше не плакал. Ходил как привидение. Даже сейчас. Я закрыл глаза и тяжело вздохнул, подняв глаза к небу. Оно было серым, и по-прежнему падал снег.

Уже несколько дней я был сам не свой. Нет. Даже никакой. Не чувствовал ничего. Стал привидением. Всё, что я делал эти дни, так это лежал на полу дома или бродил по городу. В школе мне разрешили какое-то время не ходить на занятия. Хотя, я и так бы не пошёл. Погода было точно под моё настроение. Серое небо и снегопад. Удручающее зрелище. Лена и Женя заходили ко мне, но взбодрить меня у них не получалось. Юлия каким-то образом узнала о смерти бабушки. Писала мне, но я особо не отвечал. Она с Настей узнали мой адрес и пришли навестить. Я не хотел никого видеть.

Ты не ценишь по достоинству человека, и только после его смерти понимаешь, насколько он тебе дорог. Почему мы так поздно это делаем? Это же настолько очевидные вещи. Я не мог понять.

Родственники предлагали помощь, но я от всего отказался. С деньгами проблем не было. Всё, что бабушка унаследовала от моих родителей, перешло ко мне. Да и свои сбережения она завещала мне.

В доме стало совсем пусто. Я почти всё время сидел в темноте. Даже на собственный день рождения был дома, как меня и не уговаривали Женя и Лена. У них ничего не получи-

лось. Праздничного настроения не было. Хотя мне и исполнилось 18 лет. Я стоял и смотрел на себя в зеркало. Мешки под глазами, грязные взъерошенные волосы, мятая одежда, исхудавший вид. Слонявшись по дому, я остановился у той самой комнаты с пианино. Страх не было. Лишь безразличие. Я сел и коснулся клавиш. Музыка с невероятной силой ударила мне в голову. Ни одного видения, силуэта, тени. Только я один. Играть хотелось только грустную музыку. «Серое небо» группы «Агата Кристи». Я даже пел. Каждый раз, играя её снова и снова, казалось, что тем самым я от чего-то очищаюсь. Становилось легче. После нескольких часов игры я почувствовал свободу и окрыление. Впервые за много дней я улыбался. А к вечеру мне пришло сообщение от Юли. Она поздравляла меня с днём рождения. В этот момент я понял, что нужно возвращаться в строй. Жить дальше.

***

Снег обволакивал город всё сильнее и сильнее. Словно кто-то уронил целую тонну муки с неба на нас. При этом холода особого не было. Я снова чувствовал радость жизни. У нас начались тренировки в манеже. Мы готовились к турниру, который должен быть весной. Тренер включил меня в основную заявку, так как я действительно стал показывать хорошие результаты. Все были мной довольны, а Жека так вообще счастлив. Теперь я стал получать истинное удовольствие от каждой секунды игры. Тоже самое касалось и музыки. Я стал ещё усерднее оттачивать своё мастерство. По-

сле Нового года в городе будет проходить крупный конкурс пианистов. Я обязан был участвовать. Главный приз – крупная сумма денег. Когда я пошёл отдавать заявку на участие, меня ждал сюрприз. На выходе из здания пересёкся с Антоном. Мы практически столкнулись лбами. За руку с ним шла маленькая девочка. От неожиданности встречи он резко отскочил.

– Оп-па, вот так встреча. А я же сказал, что мы ещё увидимся, – тыкая в меня пальцем, затараторил он. К нему вернулась былая дерзость и истерия. Меня это всегда забавляло.

– Рад нашей встрече, – я протянул ему руку. Он с опаской, но пожал её.

– Тоже решил участвовать? Знаешь, это здорово. Уж тут мы с тобой схлестнёмся по-настоящему. Понял меня?!

Я только смеялся, глядя на него. Маленькая девочка хихикала.

– А кто это с тобой?

– Я, Аня, – девочка протянула мне руку.

– Это моя младшая сестра. Увязалась вот за мной.

– Он просто без меня ничего не может, – заулыбалась она.

– А я и вижу, кто у вас главный, – сказал я, а Аня засмеялась. Антона это разозлило. – Ладно, я пойду, а то ещё чего наговорю.

Он ещё долго что-то кричал мне вслед, а его сестра хохотала. Моё настроение поднялось от этой встречи. На обратном пути я решил подыскать хорошее кафе, куда можно бы-

ло бы сходить с Юлей. И вдруг, в окне одного из них увидел Женю. Он был не один. Напротив него сидела Катя, и они о чём-то беседовали. Я не мог поверить своим глазам. Заходить к ним не решился, лучше всё узнать потом.

На следующий день я гулял с Юлей. Ей очень нравилась погода, когда идёт снег. Мы долго бродили по пустой набережной. Мне так и хотелось приобнять её, сказать что-нибудь приятное, но я не мог. Боялся сблизиться, боялся принять свои чувства. А о её чувствах спрашивать было страшно. Каждый раз, когда я случайно касался руки, Юля отдергивала её. А передо мной всплывал тот самый мальчик с улыбкой на лице издевавшийся над девочкой. Мальчик, который чуть не довёл её до самоубийства. Поэтому я не мог.

– «Ты знаешь, я видела твоё выступление в Сочи. Оно было прекрасное».

– «Но как его можешь называть таким, ведь ты не слышала его?»

– «Мне казалось, что я слышала его. Было такое чувство, что ты излучаешь тепло. Хоть и могла только видеть, но, кажется, что выступление было прекрасным».

– «Я испортил начало. Провалил».

– «Но в итоге всем понравилось».

– «Мне нет».

– «Это хорошо. Значит, в следующий раз выступишь ещё лучше. Ведь так?»

– «Конечно», – ответил я с улыбкой.

После прогулки мы посидели в кафе. Там было немногочисленно, и играла спокойная музыка. Усевшись у окна, можно наблюдать за красивой картиной снежного Новосибирска. Тем более уже стемнело, и загорелись фонари. Мы с Юлей пили кофе и «разговаривали» о музыке. Хотя она не слышала, но была словно рыба в воде. Иногда я просто забывался и как дурак смотрел на неё.

– «Рома, а после окончания школы, что ты собираешься делать?»

– «Я ещё об этом не думал. За последнее время столько всего произошло, что даже не знаю. Исходя из моих хобби, либо музыка, либо футбол. Наверное... скорее музыка. Особенно сейчас».

– «Это здорово. Из тебя выйдет шикарная мировая знаменитость. Я уверена».

– «Да ладно тебе... А ты? Чем хочешь заниматься?»

Юля взяла долгую паузу, смотря в тот момент в окно.

– «Не знаю. Думаю, сначала надо до весны ещё дожить, а там уже посмотрим», – она странно улыбнулась.

– «Ну да», – я тоже стал смотреть в окно. – «Ты права».

Через пару дней у Лены был день рождения. Праздновала она дома. Помимо меня и Жени было несколько одноклассников и пара подруг. Только здесь я узнал, что она ходит на врачебные курсы и на днях записалась на самбо. Мне Лена не говорила об этом. Вообще, за последнее время она отдалась от меня. Причём с Жекой общалась также. Я не мог

понять причину. При разговорах со мной отводила глаза, вела себя неестественно. Даже сегодня практически не общалась со мной.

– Слушай, Жек, что с Леной? – я подсел к нему на диван. Мы пили пиво.

– А что такое? По-моему, она такая же, как и всегда.

– Нет. Она изменилась (рассказал ему всё, что было). Вот и сегодня.

– Ах вот оно что, – Жека заулыбался.

– Что ты лыбишься? Ты знаешь что-то?

– Я...нет. Но догадываюсь, – он уже был немного пьян и говорил медленно.

– И, что же?

– Может она просто влюбилась?

– Влюбилась? И в кого же?

– Ну, как-бы логично, нет? Это ещё было в детстве понятно.

– Так в кого?

– Ты тупой что ли? В тебя, дурень.

Я очень сильно удивился его словам.

– Да ты гонишь. В твою пьяную голову что-то ударило. В меня? Не может быть такого.

– Почему?

– Ну...это ведь Лена...она...она.

Я посмотрел в её сторону. Она увидела мой взгляд и резко отвернулась. «Да не может быть такого. Чтобы Лена и влю-

билась. В меня».

Я никогда не воспринимал её ни в каком другом аспекте, кроме друга. И вдруг такое заявление Женьки поставило меня в ступор. Я ещё несколько минут размышлял над этим, но так и не пришёл к какому-то выводу.

– А кстати, ты что с Катей стал встречаться?

– Ты видел нас?

– Да, в кафе. Вы мило беседовали.

– Ну, ты же меня знаешь. Я своего добиваюсь. Уговорил на небольшое свидание.

– И как она тебе?

– Вот знаешь, все твои рассказы о ней – сплошное враньё.

Она классная. Я влюбился полностью, – Женя сиял.

– Ну, совет вам, да любовь тогда.

– Пока рано поздравлять. У неё есть ещё один ухажёр. Я буду биться за неё, если понадобится.

– Ты пьян.

– Нет, друган. Я влюблён.

Вечер прошёл неплохо. Я более-менее довольный пошёл домой. На следующий день узнал, что Юля снова попала в больницу.

Глава 21

– «Тебе не обязательно было приходиться. Наверное, есть дела и поважнее».

– «Зачем ты так говоришь? Как я мог не прийти».

Я сидел возле Юлиной кровати и с трудом пытался скрыть

нотки беспокойства. А она, всё такая же милая и невинная, улыбалась мне. На улице шёл сильный снег, что из окна виднелась лишь пелена. Создавалось впечатление, будто мы вдвоём остались совершенно одни во всём мире. И тут, в нашем маленьком убежище придётся ютиться всё оставшееся время. Я был бы и не против.

Юля сказала, что у неё случился обморок. Я этому не верил. Слишком часто она стала попадать в больницу, и списывать это на слабый организм было глупо. Тут что-то должно быть серьёзнее, но она говорила обратное. Мне хотелось верить в это, но... на душе было беспокойно. По словам Юли, так с ней случалось часто, и скоро всё пройдёт. Я ей рассказывал о том, что происходит в мире, она смеялась, правда беззвучно. По сути всё, что издавало звук в палате, так это вентилятор. Странная, но в тоже время приятная и интимная обстановка. Я сказал, что буду заходить каждый день, но Юля уговорила меня делать это пореже. Просидев у неё больше часа, я отправился домой. При выходе из больницы столкнулся с Юлиной мамой. Я так не хотел попадаться ей на глаза, и тут такое. При виде меня она рассвирепела.

– Опять ты! Что ты тут делал?!

– Я приходил к Юле, – набравшись уверенности, ответил я.

– Да как ты посмел!

Давать задний ход не хотелось, поэтому я пошёл на таран.

– Думайте там, что хотите, но навещать её буду. Я не со-

бираюсь делать ей что-то плохое. Вы можете расценивать это как угодно, ваше дело. Я не хочу получить прощение за то, что сделал. Наверное, такое нельзя простить. Я это заслужил. Но даже при этом, мне хочется находиться рядом с ней. Просто. Не прося ничего взамен.

Она стояла и молча смотрела на меня. Словно её парализовало.

– И вот ещё что, – я вытащил из кармана большую пачку денег и протянул ей. – Это для Юли.

– Зачем?

– Не думайте ничего такого. Я не хочу вас купить, ни в коем случае.

– Тогда зачем? Неужели ты знаешь...

– Это для операции. Чтобы Юля слышала. Это ведь возможно?

– Ах это, – женщина на минуту замолчала. – Операция на слух дорогая и не факт, что Юля будет слышать.

– Будут ещё. Она очень хочет слышать. Музыка. Мечтает об этом. Возьмите, пожалуйста.

Она взяла у меня деньги. Хотела ещё что-то мне сказать, но осеклась на полуслове. Я подумал спросить, болеет ли чем Юля, но почему-то не стал. Когда мы уже отошли на солидное расстояние, она повернулась ко мне и крикнула вслед.

– Это ничего не меняет, понял. Моё отношение к тебе такое же.

– Хорошо, – с улыбкой ответил я и пошёл дальше.

***

В городе наступила настоящая зима. Снег валил с утроенной силой. При этом декабрь был тёплым. В школе наступала пора контрольных и окончания полугодия. Хоть мои оценки и были средними, я особо не парился. Мне нужно было просто закончить школу. Со своими одноклассниками я по-прежнему особо не общался. Правда, стал замечать, что отношение ко мне немного сменилось, с негативного на более нейтральное. Пару раз даже со мной заговорили. На днях, в коридоре, остановила Катя.

– Так, слушай сюда. Передай своему другу, чтобы больше не лез ко мне. Понял?

– А сама ему сказать не можешь? – мне аж стало смешно от её взгляда.

– Он не понимает. Объясни ты ему, что между нами ничего нет, а тот раз лишь был тем разом и всё.

– У тебя есть парень?

– Это не твоё дело.

– Я, конечно, скажу ему о твоих словах, но делать из меня посредника не надо, хорошо.

Эти слова Кати не особо подействовали на Жеку. Только посмеялся. Похоже, он уже был сильно настроен на её счёт, и ничто не могло его остановить.

– Я ей тоже нравлюсь, это точно. Просто она скрывает. Это было видно по её глазам. Нужно лишь время.

Отговаривать Женю я не стал. В такие дела мы сразу да-

ли зарок не вмешиваться. Он сообщил мне, что на Новый год уедет к родственникам в Барнаул, поэтому наши планы о гулянке рухнули. Но он вернётся 4 числа, и там что-нибудь сообразим.

Юлю всё ещё не выписывали из больницы. По её виду и словам я ничего не мог сказать. Судя по всему, улучшения состояния здоровья не было, поэтому её и не выписывали. На Новый год Юле придётся остаться в больнице. Радости на её лице не было.

– «В таком случае 31 декабря я приду к тебе. Пусть мне не разрешат остаться тут на сам Новый год, но хотя бы немного я скрашу тебе вечер. Ты не против?»

Юля была в не себя от радости. Мы договорились, что я приду к ней часа в четыре.

На днях ко мне в гости зашла Лена. Я совершенно этого не ожидал. Мы иногда переписывались, но не виделись с её дня рождения. Весь вечер мы гуляли (перед этим посидели у меня, посмотрев фильм), благо погода была подходящая. Всё как в старые времена. Весело и здорово общались, смеялись, шутили. Играли в снежки. Словно вернулись в детство. Я и забыл об её странном поведении за последнее время. Вечер пролетел незаметно.

– Рома, а что ты делаешь на Новый год?

– Я? (пауза) Да вроде бы ничего такого. А что?

– Ну (Лена замялась). Может, погуляем по центру в Новогоднюю ночь? Тут будет много народу, всякие развлечения.

Что дома сидеть одному.

– Ты знаешь, я не против. Давай.

Лена была счастлива. Похоже, она не ожидала, что я так просто соглашусь. В 21-00 мы встречались на площади. О Юле я помнил. Сначала я побуду с ней, а уже потом отправлюсь к Лене. Так мой Новый год стал не бесполезным.

Глава 22

Новогоднее настроение. Странное название для состояния души в определённые дни. Да и что вообще это значит? Почему в другие праздники нет таких настроений? Неужели разноцветные огни города под покровом снега, новогодние песни, большой стол еды, ёлка и ожидание чуда дают это настроение? Ожидание чуда. Люди верят, что именно в Новый год оно произойдёт. И где-то в последние дня три с ними происходит трансформация. Новогодняя трансформация. Все радуются, веселятся, надеются. Я тоже был таким. Правда, очень давно. И знаете, что будет потом? 1 января. И ничего. Дни пойдут всё также, без изменений. Чуда не произошло. Наступает похмелье. Но не от алкоголя. А от надежд на чудо, которое, почему-то, не произошло. На самом деле это обычный день и не более. Но мы слепо надеемся, что яркая звезда на ёлке блеснёт, и желание исполнится. Как это глупо и наивно. Но рыба всё равно попадает на удочку. Из раза в раз.

Сегодня, на удивление, было тепло. Давно уже у нас не было такого тёплого Нового года. В наушниках играли «Ру-

ки Вверх», а я шёл с большим букетом ромашек (любимые Юлины цветы) к больнице. Сегодня даже снег не падал. Чудесная погода. А она сидит в четырёх стенах и не может выйти. Я пришёл чуть раньше, чем планировалось. Поэтому, войдя в палату, поразился. Она была украшена гирляндами и снежинками. Возле кровати Юли находился столик, уже лопившийся от количества на нём блюд. А сама девушка торопилась, пытаясь закончить все приготовления. Увидев меня вошедшего, она разозлилась, хотя это выглядело очень мило.

– «Ты почему пришёл так рано, я не успела всё закончить».

Я ничего не мог ответить ей, а просто смотрел на неё. Впервые за долгое время увидел Юлю не в больничной одежде, а в платье. Невероятно красивом красном платье.

– «А тебе разве можно вот так вставать, что-то делать?»

– «Сегодня можно, сегодня же праздник».

Я вручил ей ромашки. Юля поставила их в вазу на тумбочке. Девушка вся светилась от счастья.

– «Как тебе новый вид палаты? Я сама всё это придумала».

– «Просто чудесно. Да и сама ты великолепно выглядишь».

Юля засмушалась и покраснела. Затем она пригласила меня за стол. Я особо ещё ничего сегодня не ел, поэтому был голоден. В палату вошла медсестра и принесла шампанское, пожелав приятного вечера. Я был немного в шоке.

– «Это как понимать?»

– «Так и понимай. Сегодня можно. Я договорилась со своим лечащим врачом», – подмигнула она.

Мне стало даже немного стыдно, что я принёс одни цветы, а она столько тут всего сделала. Но, глядя на неё, всё мигом забывалось. Ещё никогда не видел Юлю такой счастливой. Мы выпили по бокалу шампанского, и я начал есть. Тут были салаты, бутерброды, горячее. Она же ничего не ела, а только смотрела на меня. Для идеального вечера не хватало только музыки, но и та нашлась. Из тумбочки Юля достала небольшой магнитофон. Заиграла релаксирующая мелодия. Мне было ужасно жалко, что она сама не могла её слышать. Правда сегодня она была со слуховыми аппаратами, но лишь шум и редкие звуки доносились до неё, не более. После второго бокала, мне показалось, что Юля уже опьянела. «А может это я опьянел от неё?» Вечер проходил великолепно. На улице уже стемнело. Слышались слабые взрывы. Видимо, где-то уже запускали фейерверк. Мне бы так хотелось встретить первые минуты Нового года с ней. Как бы хотелось обнимать её в эту минуту. Как бы хотелось.

Бутылка уже опустела. Похоже, что Юля действительно опьянела. Её быстрые жесты руками превращались в непонятное месиво, и я не мог понять фразы. Юле стало ужасно весело и хорошо.

– «Давно у меня не было такого праздника. Ты принёс радость. Я очень тебе благодарна».

– «Было бы хорошей традицией каждый год так праздновать».

вать вместе», – вдруг ответил я, совершенно не подумав. Засмутившись, отвёл глаза. Юля грустно улыбнулась, а я даже не обратил внимания на изменившийся взгляд.

– «Было бы...»

Тут её фраза оборвалась, так как вошла медсестра. Время посещения закончилось. Уже восемь вечера. Стали прощаться. Пожелали друг другу огромного счастья в новом году. Толи обстановка так подействовала, толи что, но, когда мы стояли очень близко, я захотел её поцеловать. И даже потянулся. Но Юля вдруг сделала шаг назад и пожелала мне всего самого лучшего. «Может, так и надо, что я не поцеловался с ней. Может...» Я вышел из её палаты.

***

К площади я бежал, опаздывая на двадцать минут. По дороге купил роз, надеясь, что Лена не будет сильно злиться. Хотя она могла бы меня побить как раз этим букетом. Лена уже стояла там. При моём виде она заулыбалась и засмушалась. Я извинился за опоздание, но её это совершенно не разозлило.

– Ничего страшного. Пошли гулять.

Я удивился. Раньше бы она поколотила меня за такое, а сейчас. Сейчас, мы словно влюблённая парочка, гуляли по главной площади города. Народу было очень много. Развлечений также огромное количество. Площадь пестрела огнями, а огромная ель так заставляла смотреть только на неё. Лена тащила меня ко всему, что тут находилось. Мы загля-

нули в каждый ларёк. Я купил сладостей, а также маленького плюшевого мишку. Лена никогда такое не любила, но тут радовалась пуще прежнего. Я был удивлён. Как маленькие дети мы катались на ледяных горках. Последние часы уходящего года пролетали незаметно. И вот, осталось несколько минут. Мы стояли недалеко от новогодней ёлки.

– Рома, я так рада, что с тобой встречаем тут Новый год.

– Ага. Необычно и интересно, словно в какой-то сказке.

Лена всё время переступала с ноги на ногу и смотрела вниз.

– Тебе холодно?

– Нет, нет. Я просто... Я хотела тебе что-то сказать.

Она смотрела мне в глаза. Мы стояли близко друг к другу.

– Мы...мы уже столько лет знакомы. И...знаешь, я всегда вела себя странно рядом с тобой. Колотила, когда хотела, бывало, даже издевалась. Мы всё время дурачились. А я... я думала, что так нормально. Так лучше. Но нет. Мне было больно. Уехав, подумала, пройдёт. Нет. Всё осталось. А Юля...она...она.

– Я... Подожди, скажи, вы с ней знакомы? При чём тут она?

– Какая разница, знакомы или нет. Сейчас уже никакой... Вокруг началось движение. Пошёл обратный отсчёт.

– Просто ещё с тех лет. С нашего знакомства. Рома. Я... я... я люблю тебя. Я всегда любила тебя.

Её глаза наполнились слезами. Лена не смогла сдержаться,

зарыдала и побежала прочь с площади.

– Лена! – только я и успел крикнуть ей вслед.

Площадь покрылась одним сплошным криком. Взорвался фейерверк. На мою руку упала снежинка. Наступил Новый год.

Глава 23

Прошло три дня. Три самых бесполезных дня в моей жизни. Я абсолютно ничего не делал. За это время ни разу не покинул собственного дома. Заперся, сидел и размышлял. После тех слов Лены моя жизнь окуталась туманом. Не получалось нормально соображать. Я до сих пор не мог поверить её словам. «А ведь Женя был прав. Лена любит меня. Уже давно. Столько лет. Как я этого не замечал?» Голова страшно гудела от мыслей. Теперь мне было совершенно непонятно, как вести себя, что делать. Я всегда её считал своим другом и всё. А тут такое признание. Она же близкий человек, как и Жека. Тем более я люблю другую. Правда, даже сказать не могу Юле об этом. А Лена? Нужно же будет в любом случае сказать ей. Но как? «Не смогу». В этот момент я почувствовал себя настолько жалким и слабым человеком, боящимся принять решение. Возможно, Лена и сама понимает, что её чувства не взаимны, но услышать эту правду от меня. Ведь сколько ей трудов стоило скрывать это, а теперь сказать. Я не знал, что делать. Сидел как затворник дома.

Четвёртого числа в город вернулся Жека. Придя ко мне, он понял, что что-то произошло. Я всё ему рассказал.

– А я ведь тебе говорил. Всегда верь словам старого мудреца Евгения.

– И что мне теперь делать?

– Ты что, маленький? Тебе уже, мать его, восемнадцать лет. Хватит нюни разводить. Встреться с ней и скажи всё.

– Сказать, что я её не люблю? Ты представляешь, какой это будет для Лены удар.

– А что, вот так сидеть и прятаться лучше вариант? Рано или поздно тебе придётся всё сказать. Лучше раньше. И вообще, я не только ради твоих страданий пришёл.

– Слушай, давай только не сейчас гулянку устраивать, хорошо?

– Да я не за этим. Мне помощь твоя нужна. У тебя ведь есть синтезатор?

– Ну, да, а зачем?

– Короче, бери его завтра. Вот (дал мне бумажку) по этому адресу подходи с ним во двор. Как раз и развеешься, – Женя ехидно улыбался.

– Но зачем?

– Завтра и узнаешь. Ещё и друг твой там будет.

– Друг?

***

Женя так мне ничего и не сказал. Но я взял синтезатор и направился по указанному адресу. Уже начинало темнеть. Хорошо, что на улице не было холодно. Во дворе рядом с нужным домом стояло два человека. Женя и Антон. Причём

второй был явно недоволен данным положением дел. В руках у него гитара.

– Ты то тут как оказался? – я был сильно удивлён.

– Будто я по своей воле. Этот тип меня выловил.

– После твоих рассказов про Антона, я решил его отыскать и вот, – Женя был явно доволен собой. – Навёл справки и нашёл.

– Я всё понимаю, вы друзья, но я каким боком тут вам нужен? – Антон хоть и злился, но Жеку побаивался.

– Нужен. Вы мне оба нужны.

– погоди (я посмотрел на музыкальные инструменты, на дом). Катя?

– Ага, в точку, – Жека расплылся в улыбке.

– Серьёзно? – Антон похоже тоже всё понял. – Мы тут серенаду будем исполнять?

– Ага. Это как-бы романтично. Она растает от такого.

– Ты петь собрался? – спросил я.

– Ну, да (я засмеялся). Да, знаю, что у меня с этим плохо, но почему бы и нет. Вы же мне поможете?

– Я на такое не подписывался, – Антон хотел уйти. – Мне что, делать больше нечего. Я тебя вообще не знаю.

– Да ладно ты. Может, после этого мы сдружимся. Я что зря столько про тебя узнавал?

– Струсил, – сказал я и замолчал.

Антон, который уже собирался уйти, остановился и посмотрел на меня.

– Струсил? Я? (стал доставать из чехла гитару) Да никогда в жизни.

– Ты умеешь играть на гитаре?

– Представь себе, я разносторонний музыкант, – с высоко поднятой головой сказал Антон.

– Ну, вот и славно, – Женя потирал руки от удовольствия. – Исполним парочку песен.

Оказывается, он притащил ещё колонку и микрофон. Дал нам ноты песен, которые хотел спеть, но на удивление, мы с Антоном знали их. Это были: «Серенада трубадура» из «Бременских музыкантов» и «Серенада» «Дискотеки Аварии». Мы встали напротив окон дома, где жила Катя. Это был третий этаж старой пятиэтажки. В окнах горел свет.

– А она хоть дома? – спросил я.

– Конечно. Ну что, начнём с Магомаева.

Я боялся, что в такую погоду у нас ничего не получится. Был неправ. Музыка полилась. Антон действительно играл очень хорошо. Наш с ним дуэт был даже неплох. А колонка разносила музыку на весь двор. Правда, Женя конечно тот ещё певец. Но он старался и действительно вкладывал все свои силы в песню.

Люди, что гуляли во дворе, останавливались и смотрели на нас. Из многих окон выглядывали головы. Всем было интересно на нас посмотреть. Вокруг стало собираться всё больше народу. И вот, наконец, появилась она. Окно открылось, и выглянула Катя. Глазами, полными удивления, смот-

рела на нас.

– Вам что, заняться нечем? Идите отсюда, не позорьтесь. А мы уже начали исполнять вторую песню.

– Я же сказала тебе, что между нами ничего не будет. У меня есть другой. Он скоро придёт сюда и начистит вам рожи. Всем (Катя посмотрела на меня).

Женя словно вошёл в кураж. Он смотрел лишь на неё и пел. Впервые я увидел его влюблённые глаза. Антон, видимо, тоже прочувствовал момент. Шевелил головой в такт музыки. Зрители нас подбадривали, хлопали.

– Пожалуйста, уходите. Он убьёт тебя.

Почему-то в словах Кати я услышал страх и надрыв на слёзы. Словно она боялась за Женю. Странно. Песня уже кончалась, как из толпы раздался крик. К нам шло пять крепких пацанов. У двоих были биты. Раздался крик Кати.

– Это кто тут за моей девкой приударить решил? – сказал один из них.

Я ещё ничего не успел сообразить, а Жека ударил главного из этой компании. Началась драка. Антон тоже ринулся в бой. Мужчины из толпы бросились в нашу сторону, чтобы уgomонить. Женщины с детьми закричали. Инструменты с колонкой были разбиты. Драка переросла в уже нечто крупное. Народу вокруг было очень много. Видимо, и тем парням кто-то ещё пришёл на помощь. Но и нас защищали. Я успел лишь пару раз ударить одного из обидчиков, а после ничего. Лишь громкий Катин крик. Кто-то огрел меня битой

по голове.

Глава 24

Туман. Именно туман предстал перед моими глазами, когда я очнулся. Голова ужасно раскалывалась, взгляд не мог сфокусироваться ни на чём. Словно чем-то накачали, а пробуждение было преждевременным. Около минут десяти потребовалось, чтобы полностью прийти в себя. Как и догадывался, я был в больнице. Не любил их. Этот мерзкий цвет стен только раздражал. Всё тело сильно болело. Голова была покрыта огромной белой шапкой из бинтов. «Всё-таки зарядили мне и хорошо». Я хотел приподняться, но не получилось. Сил не было совершенно. В этот момент вошла медсестра.

– Вы очнулись? Хорошо. Как себя чувствуете?

– Голова раскалывается, и тело всё болит.

Она дала мне стакан воды и сказала, что сходит за врачом. Через минут двадцать появился и он. Я узнал, что нахожусь в больнице уже двое суток. От удара битой получил сотрясение. Серьёзных осложнений не было. Врач сказал, что нужно будет побыть тут, обследоваться, пропить лекарства, так как в отключке был долгое время, слишком для такого. После, как он ушёл, я сразу же уснул. Сил не было никаких. В голове всплывали самые странные сюрреалистичные сны. Становилось легче.

Через несколько часов ко мне в палату вошёл Женя. Он был рад, что со мной всё в порядке. Ни он, ни Антон серьёзно

не пострадали в драке. После моей потери сознания бой и закончился. Приехала скорая, меня забрали. Жека и Антон поехали тоже.

– Ты представляешь, что? Оказывается, Катя этого типа совсем не любит. Он отморозок просто, угрожал ей, – Женя буквально сиял.

– И что? Ты теперь будешь с ней?

– Она разорвала с ним отношения, а я этому поспособствовал. Короче, теперь мой путь к её сердцу свободен. Вот видишь, серенада – это то, что надо.

– Просто совпадение. Ну, я рад за тебя.

Мне до сих пор было удивительно, что Женя настолько влюбился в Катю. Я никогда не видел её хороших сторон. Не хотелось бы, чтобы мой друг потом страдал.

– Кстати, Лена приходила к тебе.

Я в этот момент пил воду и чуть не поперхнулся.

– Она...она была здесь?

– Ну, когда ты ещё в отключке был. Сидела тут, рядом с тобой. Грустная, грустная. Я ей всё рассказал.

– Она что-нибудь говорила? Спрашивала тебя?

– Нет. Да и зачем. Думаю, ты сам с ней и поговоришь, когда выйдешь отсюда.

А мне так не хотелось даже приближаться к этой теме. Боялся увидеть её. Боялся сказать. Страшно боялся.

Женя всегда словно читал мои мысли. Зная, что я буду (скорей всего, по его мнению) беспокоиться на счёт Юли,

сходил к ней. Тем более на мои сообщения она не отвечала. Как оказалось, её перевели в другое отделение. Состояние здоровья ухудшилось. Скоро должны были отправить, возможно, в другую больницу. В чём причина, ему, конечно, никто не сказал. Я и сам не знал. А Юля, мне кажется, не сказала бы. Но теперь было понятно, у неё очень серьёзные проблемы со здоровьем. Но какие?

***

Прошло два дня. Моё состояние стало практически идеальным. Врач сказал, что я смогу уже завтра выписаться. Я был рад, потому что уже осточертело лежать в этих стенах, словно из меня высасывали всё то хорошее, что ещё оставалось.

Вечером, когда я направлялся в свою палату, заметил очень сильное движение среди медперсонала. Решив узнать, что случилось, направился на нижний этаж. По коридору везли несколько людей в сторону операционной. Все они были в крови. Последней завозили девочку. Её лицо показалось мне знакомым. Меня оттолкнул один из санитаров, чтобы не мешал и шёл к себе в палату. Тут я вспомнил, кто это. Аня. Младшая сестра Антона. Когда двери операционной закрылись, спросил у рядом находившейся медсестры, что случилось. Оказалось, автобус, на котором ехала Аня, попал в ДТП. Авария была страшной. Людей в самом тяжёлом состоянии доставили сюда. Я не на шутку испугался. «А Антон знает, что случилось? Похоже всё плохо».

Из операционной вышел хирург.

– Проблемы, состояние тяжёлое. Нужно много крови.

– Ну, так у нас ведь есть, сейчас всё будет, – сказала молодая врач.

– Там у девочки 4-я отрицательная. Где мы такой найдём в нужном количестве. А у неё очень серьёзные травмы и большая потеря крови.

Я этот разговор слушал рядом с ними, а потом поднял руку.

– У меня такая группа крови. Я могу помочь.

Врач посмотрел на меня.

– Ты же сам тут больной.

– Меня уже выписывают завтра. Поговорите с моим лечащим врачом.

Он ещё какое-то время смотрел мне в глаза.

– Так, ладно. Пойдём к нему, решим. Вариантов всё равно нет.

***

Такое чувство, что из меня выкачали всю кровь. Я не мог не то что пошевелить какой-нибудь частью тела, но даже нормально моргнуть. Голова гудела. Никогда ещё мне не приходилось отдавать столько крови. Когда это было первый и последний раз, чувства были совершенно другие. Но расстройства не было никакого, ведь я помог человеку. «Теперь с Аней будет всё хорошо». От усталости хотелось спать. Глаза сами собой закрылись.

Первое, что было, когда я проснулся, так это улыбающийся Антон со слезами на глазах и его крепкие объятия. Сейчас вся его семья находилась в больнице. Родители были рядом с дочерью, а он отправился ко мне.

– Слушай, я ещё слишком слаб для таких объятий. Убьёшь ненароком.

– Ой, извини. Просто... понимаешь... я в таком шоке, – ему было тяжело говорить. – Как только нам сообщили о случившемся, помчались сюда. А потом я узнал, что ты согласился на переливание крови.

– Да, он большой молодец, – сказал, появившийся в палате, мой лечащий врач. – Нормально себя чувствуешь?

– Хорошо, спасибо.

– После такого ещё придётся пару дней полежать, понял?

– Да.

– Так ты же после травмы был, зачем так рисковал? – сказал Антон, когда врач ушёл.

– Не, ну как я мог. Группа крови ведь редкая.

– Мои родители тоже к тебе зайдут позже. Мама, наверное, расплачется. Она очень чувствительная.

– Да ладно, нормально всё.

– Подожди... а как... ведь через пять дней конкурс. Ты успеешь? – Антон явно беспокоился.

– Прорвусь. Композиции я уже знаю, какие буду играть. Давно выбрал. Так что проблем быть не должно, – я заулыбался. – Не бойся, я тебя порву на конкурсе.

– Ха, это мы ещё посмотрим, – сразу вернулся «старый» Антон. – Ладно, я к Ане пойду. Давай поправляйся.

– И тебе не хворать.

***

Через два дня меня выписали. За это время ко мне разок заглянул Женя. Да не один. Вместе с ним была Катя. Рядом с ним она казалась совершенно другой. Вся светилась, излучала добро. Когда Жека вышел в туалет, и мы остались вдвоём, я просто не поверил своим глазам. Катя встала на колени и начала просить у меня прощения. За всё. За Юлю, за себя, за издевательства. Призналась, что именно она предложила начать травлю против меня. Её глаза наполнились слезами. Я как мог пытался успокоить.

– Я уже не держу на тебя и остальных зла. Это прошлое. Что было, то было.

– Мы...мы можем снова стать друзьями или, хотя бы, товарищами?

– Конечно можем, – я улыбнулся, и Катя улыбнулась в ответ.

Мы пожали друг другу руки. В этот момент мне показалось, что у Кати словно камень с плеч упал. Будто она очень давно хотела всё высказать. Я уже действительно не держал ни на неё, ни на других, обид. Мне было всё равно. Жизнь ведь продолжается. Но, после её слов, стало лучше. Возможно, я просто глубоко спрятал свой камень, и теперь он тоже упал. Как мои последние оковы. Так и захотелось крикнуть:

«Я свободен».

Как только я вышел из больницы, то решил направиться к Юле. Она мне так ничего и не написала, поэтому беспокойство моё росло. Хотелось, как можно скорее её увидеть. Когда я уже подходил к дверям больницы, оттуда вышла Лена.

– Лена, ты? – я был удивлён.

– Тебя выписали? Всё хорошо? – она же не была особо удивлена моему тут появлению.

– Да, я теперь здоров... Ты что, ходила...

– К Юле, да. А что, нельзя?

– Нет, просто...

Лена выглядела очень грустной и даже как-то не особо хотела со мной говорить.

– Послушай, на счёт нашей последней встречи...

Она посмотрела мне в глаза.

– Ну, ты же к ней идёшь. Иди. Я думаю, сейчас не лучшее время и место для разговоров. Тем более у тебя же конкурс через три дня.

– Да.

– Вот, тебе готовиться нужно. Скажешь мне свой ответ после него, ладно?

– Ну... хорошо.

– Я обязательно приду послушать тебя, – она, наконец, улыбнулась. – Пока, Ром.

Я даже ничего не смог ей ответить, а просто проводил взглядом. Ещё ни разу такой не видел.

К Юле со вчерашнего дня были разрешены посещения, поэтому меня спокойно пропустили. Когда я вошёл к ней в палату и взглянул на неё, то не поверил своим глазам. Передо мной была не Юля. Словно другой человек заменил её. Увядавший цветок лежал на кровати. Она сильно похудела, вид совершенно неухоженный, мешки под глазами, сильный кашель. Даже руки ей было тяжело поднять. А какие они были холодные.

– «Рома, привет. Как ты? Я слышала, что ты лежал в больнице».

– «Да, это тут вообще не причём. Что с тобой? Ты очень плохо выглядишь».

– «Это временно, ничего страшного, скоро всё пройдёт».

– «Ты это уже несколько месяцев говоришь. Почему болеешь, что с тобой?»

– «Всё хорошо. У меня последнее время сердечко бараклит, вот и выгляжу не на 100%», – она мило улыбнулась, и на секунду я увидел ту Юлю.

– «Я как-то могу тебе помочь? Что угодно», – взял её за руку и пристально посмотрел в глаза.

– «Поправлюсь. Это временно. Тебе не стоит так переживать».

– «Давай я буду каждый день к тебе приходиться?»

У Юли устали руки, и она взяла небольшую паузу.

– «Зачем, не надо. Тем более, ты же выступаешь скоро».

– «Одно другому не мешает».

– «Мешает. Не нужно каждый день (пауза). Эх, я бы хотела сходить на твоё выступление».

– «Ты ещё сходишь на мои выступления. И услышишь их. Обещаю».

Юля снова заулыбалась. Я стал ей рассказывать о наших приключениях с Жекой и Антоном. Про Аню и Катю тоже упомянул. Ей от этих историй стало немного лучше. Даже вид чуть преобразился. Словно увядший бутон начал распускаться. Мне хотелось спросить у неё про Лену, но, почему то, я не смог. Может оно и к лучшему. За те пару часов, что я пробыл у неё, старался всё время смешить и веселить. И это действительно благотворно подействовало. Юле стало лучше. Перед уходом я пообещал, что за день до конкурса зайду.

Своё обещание я, конечно, сдержал. Прошло всего два дня с нашей последней встречи, а изменения произошли серьёзные. Юля снова была прежней. Она гуляла по палате, прыгала, веселилась. На лице не было и толики того, что я видел. Лишь худоба осталась.

– «Вот видишь. Я же говорила, что это временное. Вот иду на поправку».

– «Серьёзно? Я так рад. Уже было заподозрил неладное».

Такие её преобразования действительно поставили меня в тупик. Юля сказала, что, может быть, через неделю её выпишут. Были сомнения, но видя её сейчас, в это можно было поверить. Юля была такой же, как и всегда. Я чувствовал

снова себя счастливым рядом с ней. Словно Юля заряжала меня своим позитивом, своей улыбкой.

– «Я надеюсь, что ты лучше всех сыграешь завтра».

– «Обещаю. Потом сразу же к тебе приду с главным призом».

– «Хорошо».

Несколько раз я её держал за руку. Мне так сильно хотелось сказать о своих чувствах, но что-то всё время останавливало. Перед уходом, стоя в дверях, я обернулся и уже открыл рот, чтобы произнести: «Я люблю тебя, Юля». И, словно невзначай, она тихонько качала головой, будто говоря: «Нет, не надо». И я не стал ничего говорить, кроме того, что обязательно приду завтра.

– «Я приду. Жди меня».

Юля улыбнулась в ответ.

Глава 25

Выбор музыки – самое главное для музыканта. Ты, будто, вырываешь часть себя и преподносишь на блюде слушателю. Очень важно понять, как их, так и своё, настроение. Если не найдёшь нужное русло, то и не прочувствуешь. Музыка уйдёт мимо, словно её и не было. Моё настроение за последнее время было совсем не ахти, поэтому я выбрал более мрачные композиции. Первым делом решил сыграть Бетховена. «Соната №17 «Буря», 3 часть Allegretto». Играя её, я представлял самого себя, бегущего от бури. От бури проблем, бед и горя. Но она всё равно настигает меня, как бы быстро не

бежал. И в конце, так и чувствовал, она проглатывает и продолжает двигаться дальше, как ни в чём не бывало. Второй композицией стала «Ballade №1 in G minor, Op.23» Шопена. Её я хотел сыграть уже очень давно, но всегда что-то отталкивало в последний момент. А тут, словно снизошло. Хотя причина, на самом деле, была ясна. Юля. Это её композиция. Её жизни, её улыбки, её боли. Играя, я сразу же видел только эту девушку, грустно смотрящую на меня. И танцующую.

Сегодня было пасмурно. Я глядел в окно на падающий снег. В концертный зал шли люди. Женя пришёл вместе с Леной. Я был удивлён, что не с Катей, но он сказал, она будет позже. Оба пожелали мне удачи и лучшей игры. Лена старалась вести себя непринуждённо, но я чувствовал напряжение внутри неё. Катя пришла чуть позже, да не одна. Она привела моих одноклассников. Когда они все подошли ко мне, я потерял дар речи. Стас и Вова протянули мне руки для рукопожатия и извинялись за всё. Каждый пришедший извинился. Просил прощения за издевательства. Стас даже спросил, сможем ли мы когда-нибудь стать друзьями. Я не мог ничего толком сказать, а лишь улыбался как дурак. Катя стояла в стороне и тоже улыбалась. Когда мы встретились глазами, я прочёл по её губам: «Прости нас. Это мы во всём виноваты». Особая атмосфера витала между всеми нами в тот момент.

Начались выступления. По жребию я должен был выступать последним, а Антон как раз передо мной. Хотя, мне казалось, что организаторы так специально всё задумали.

Для сегодняшнего выступления я специально прикупил смокинг, правда, носить не слишком любил такую одежду. Кто-то хлопнул меня по спине.

– Ну как, волнуешься? – это был Антон.

– Есть немного, как сам?

– Я сама скала, меня ничем не пробьёшь.

– Ну-ну.

– Я тебе говорю, – сказал он, засмеявшись. – Покажем сегодня наше лучшее выступление.

– Давай.

Мы пожали друг другу руки и отправились в комнату ожидания.

***

Наступила моя очередь. Впервые за долгое время я вышел на сцену совершенно спокойным, даже серьёзным. Ничего не боялся. Только хотел играть. Играть, как никогда раньше не играл. Я поклонился залу, мне захлопали. И вот, началась «Буря». Мне хотелось окунуться в эту бурю без остатка, почувствовать всю её силу. Я закрыл глаза и стал раскачиваться в такт музыки. Мне было плевать, правильно ли я технически исполняю Бетховена. Я играл в своём стиле. Со своей бурей. Той бурей, что так долго сидела во мне. И вот, наконец, она освободилась. Правда, теперь ей хотелось уничтожить меня, захватить в свои смертельные объятия. Буря клочечет, кричит, преследует. А я бегу. Сил уже больше нет. И вот, конец. Она догнала меня. Поглотила. И ничего. Ничего

не изменилось. Буря всё также двигается вперёд. Мир стоит на месте. Моего исчезновения никто не заметил. Увы.

Я закончил играть, встал, поклонился. Раздался шквал аплодисментов. Показалось, что хлопать будут бесконечно. А мне было всё равно. Впервые не чувствовал ничего. Просто сел за рояль и начал играть вторую композицию. Как только пальцы коснулись клавиш, вокруг наступила тишина. А я снова закрыл глаза. Передо мной появилась Юля. Эту мелодию я ассоциировал только с ней. Неровная, взрывная, спокойная. Она танцевала в красном платье с грустной улыбкой на лице. А я играл для неё. И Юля слышала. Она слышала мою мелодию. Волны, одна за другой, окатывали меня. Ветер бил мне по лицу. Маленькие яркие огоньки поднимались из земли и кружили вокруг меня. Тепло. Правда, это какое-то беспокойное тепло. Словно оно борется с чем-то. А она танцует. Всё также красиво. Я взглянул в зал. Там не было никого. Мы были лишь вдвоём. Я играл только для Юли.

Началась кульминация композиции. Сейчас будет самый эмоциональный отрывок. И тут моего плеча кто-то коснулся. Я повернул голову.

– Рома, – Юля стояла всё в том же платье и улыбалась мне. «Она сказала. Без жестов». Я смотрел на неё. И вдруг, свечение начало увеличиваться, а она словно отдаляться. Её глаза наполнились слезами. Мелодия становилась громче. И вот, в самом апогее, Юля начала исчезать.

– Прощай.

Она начала растворяться, превращаясь в те самые огоньки. «Почему? Когда я играл раньше, такого не было. Что случилось?» Юля исчезала, а я уже не мог сдержать слёз. Я ревел, играл и глядел на исчезающую девушку в красном. Мелодия закончилась. Юля исчезла.

Под гром аплодисментов, весь в слезах, покинул сцену. Голова кружилась, ноги еле держали. Я сел в коридоре на пол и закрыл лицо руками. Ко мне подбежал Антон и стал что-то говорить. Я совершенно его не слушал. Он говорил о моём выступлении. Но у меня в голове было только видение. Почему-то я боялся его. Антон дёргал за плечи.

– Эй, да что с тобой. Пошли, сейчас объявят результаты.

И вот, мы уже все стояли на сцене, но я не чувствовал ничего вокруг. Ведущий что-то говорит о конкурсе, участниках, атмосфере. Все его слова проходят мимо моих ушей. В этот момент завибрировал телефон. Пришло сообщение. Я достал его из кармана.

– Второе место – Антон Барышев, – сказал ведущий.

Оно было от Юли. Моё сердце забилося. Прямо на сцене я начал читать его. «Рома, это Настя. Юля умирает».

– И первое место нашего конкурса – Кижич Роман.

Глава 26

Я бежал со всех ног. Наверное, ещё никогда так не бежал. Несколько раз поскользнулся и упал, но это нисколько не изменило моей дальнейшей скорости. До больницы было далеко от концертного зала, но у меня и в мыслях не было са-

диться в транспорт. Я бежал. Что есть силы. «Почему? Я же сказал, что приду. Чтобы она ждала меня. Я ведь так и не сказал ей. Не сказал. Почему?» От слёз плохо было видно дорогу и прохожих. Кто-то выругался, когда я с ним столкнулся. Мне было плевать. На всё, что происходило с этим миром. Я бежал к ней. Я думал о ней.

Возле больницы я заметил Настю. Она сидела на холодной заснеженной лавочке и смотрела себе под ноги. Только, когда я остановился, понял, что уже не чувствую собственных ног. Они горели, болели, ныли. С трудом, но я дошёл до неё. Настя подняла на меня голову. Всё её лицо опухло от слёз.

– Врачи...сказали...что ей осталось немного. Буквально...часы...может...день.

Я стоял и не мог поверить её словам.

– Как, почему? Она...она ведь...вчера всё было хорошо.

– Сердце. Её сердце. Оно всегда болело. Всю...жизнь. И сейчас оно останавливается.

– Почему...почему она не говорила? – я смотрел непонятно куда, схватившись за голову.

– Не знаю...видимо...Юля не хотела тебе говорить. И мне сказала молчать. Она давно знала, что этот день...настанет, – Настя снова зарыдала.

– Я могу...

– Тебя не пустят. Никого не пускают к ней сейчас. Она под сильным наркозом и подключена к аппарату искусственного дыхания. Там мама с врачом. Она в истерике.

Я просто стоял как истукан, не мог сдвинуться с места, сказать хоть слово. Внутри стало пусто. Всё рухнуло. Теперь прошлые проблемы стали такой мелочью. Ничтожными. Я не знал, что делать.

– Рома.

Я повернулся к Насте. Она протягивала мне бумагу. Нет. Письмо.

– Это от Юли. Тебе. Правда... она сказала отдать уже после того как... ум... умрёт. Да какая теперь разница. Она ведь не расстроится от этого (снова зарыдала). Я не могу больше.

Она отдала мне письмо и побежала обратно в больницу. А я по-прежнему стоял не шевелясь. Сердце бешено стучало, в голове пульсировало. Я взглянул на письмо. Там Юлиным почерком было написано «Роме». Руки дрожали. Со второй попытки удалось его вскрыть. Я стал читать.

«Рома, привет.

Я вот решила тебе написать. Я не могла не написать. Тем более это ты прочтёшь, когда меня уже не будет. Вот так вот. Я пишу сейчас, а у тебя через несколько часов выступление. Знаешь, как хочется побегать к тебе, послушать твою игру. Хоть раз.

А я ведь тебя очень давно знаю. Это было ещё в третьем классе. Мы пришли с родителями на концерт. Я и Лена. Да. Лена была моей лучшей подругой. А ты. Ты нас поссорил. Представляешь. Я не слышала с рождения, но всегда хотела побывать на концерте. Просидев пару часов, поня-

ла, что без музыки это бессмысленно. И тут вышел неуклюжий мальчик нашего возраста. Который чуть не упал. В этот момент я почувствовала музыку. Не услышала, но почувствовала. Словно невероятное тепло окутывает меня. Улыбка сама появилась на моём лице. Мы с Леной не отрывали от тебя взгляда. Тогда-то я и влюбилась. Безумно. В тебя. И как, наверное, понимаешь, Лена тоже. После того концерта мы и поссорились навечно. Тем более, вскоре, она подружилась с тобой. А я. Что я? Кто будет дружить с глухой девочкой? Но я верила, что ты добрый... Потом я переехала в твой класс. Какое же было счастье видеть тебя. Правда, к тому моменту ты стал другом. Я знала почему.

Никогда. Запомни, никогда. Я не скажу о тебе ничего плохого про тот период. Я...я пыталась сблизиться с тобой, подружиться. Хотела, чтобы ты снова играл. Но, нет. Каждый день говорила сама себе, что все издевательства – это моя вина. Может я вела себя неправильно? Что-то делала не так? Ведь ты не плохой человек. Просто...Я не знаю, как это описать. А на счёт того, что я чуть не прыгнула с крыши. Депрессия. Я ведь так хотела быть с тобой, но ничего не получилось. И вот, снова одна. Одна в тишине. Со временем я нашла таких же «людей в тишине». Жизнь изменилась.

И вот, через столько лет, мы встретились. Ты появился так неожиданно в моей судьбе, держа в руках ту самую тетрадку. Я правда испугалась. Очень сильно. Видя те-

бя, перед глазами всплывал тот мальчик, издевавшийся. Но, нет. Ты изменился. Стал другим. И я снова в тебя влюбилась. Ещё сильнее. Блин, я так ждала каждой нашей встречи. Ночами не спала. Как хотела увидеть твою игру на пианино. Как хотела поцеловать тебя.

Прости, что так и не сказала о своей болезни. Не хотела, чтобы ты знал и переживал. Ещё в раннем детстве я перенесла операцию на сердце. Это никак не было связано с глухотой. Меня регулярно лечили амбулаторно. А затем я начала терять сознание, стала более слабой. Мама всю жизнь воспитывала меня одна. У нас никогда не было особо денег. Правда, даже если бы были, это не помогло. Мне сообщили, что я долго не проживу, и сердце остановится. Найти другое практически невозможно, так как у меня редкая группа крови, да и совместимость с моим организмом тоже сложно получить. Поэтому я решила не думать об этом и жить. Просто жить.

И этот последний год был самым лучшим. В этом помог ты. Рома. Подарил столько добрых, весёлых дней. Исполнил мои мечты. Но я не хотела, чтобы ты сильно ко мне приближался. Привязывался. Потом ведь будет больно. Я чувствовала, что ты хочешь сказать что-то важное, и всё время останавливала тебя. Ты всегда просил прощения, а я тебя останавливала. Это я. Эгоистка такая. Во всём. Виновата.

Передавай Жене большой от меня привет. И Лена. Мы

встречались недавно. Пусть она на меня не обижается. На ту, что проходила мимо.

Интересно, я смогла поселиться в твоём сердце? Может, ты запомнишь меня? Хоть ненадолго. Пожалуйста. Не забывай меня. Обещай.

Рома...Я тебя люблю! Люблю, люблю, люблю! Прости, что так и не сказала тебе это. Прости меня, за всё. И. Спасибо тебе...

P.s. знаешь, этой ночью мне приснился сон. Очень странный сон. Во сне мы совсем маленькие. Вокруг огромная равнина, вся покрытая снегом. Далёкие огни домов расплываются и тонут во тьме. Мы идём по ковру свежесвыпавшего снега, не оставляя следов. Идём и думаем, что однажды мы снова будем любоваться весенним цветением деревьев вместе. Ни ты, ни я не сомневаемся в том, что всё будет именно так».

Бумага вся намочла. Но не от снега. Он не падал. Падали мои слёзы. Я ещё никогда так не плакал. Дочитав, по-прежнему смотрел на письмо. Казалось, пока я читал, прошла целая жизнь. Новая, доселе не виданная, жизнь. Жизнь, в которой хотел быть, но уже не мог. Никогда.

Я стоял так ещё несколько минут. В голове шёл целый мыслительный процесс. Мысли то сбивались в кучу, то снова расходились. Я посмотрел на небо. Оно было ясным. Как и моё решение. Взяв телефон, набрал Жене.

– Алло, Жека.

– Ты куда, мать твою, свалил? Ни слова не сказал, ничего. Мы тут с Антохой твой приз и деньги взяли. Что случилось? Что-то с Юлей?

– Жека, слушай, передашь Виталию Михайловичу, что я извиняюсь перед ним. Он рассчитывал на меня, а я не смогу поехать на соревнования.

– В смысле? Ты что бухой что ли? Что за глупости несешь. Что с тобой? Что случилось?

– Прости, Женёк...

– Алло, Ром...

Я отключил телефон.

***

Я побывал в больнице, где сделал кучу анализов. Вероятность того, что этот путь может быть бесполезен, конечно оставалась высокой, но уже всё решил. Я ведь не смогу без неё жить. О способе собственной смерти размышлять мне ещё никогда не приходилось. Но, всё что нужно сделать и каким образом, я успел прочитать. Мне удалось выкрасть из больницы препарат, большая доза которого убьёт организм. «Зато моё сердце спасёт ей жизнь».

Что удивительно, выкрасть получилось очень легко. Мне невероятно везло. Дверь в нужный кабинет с сильнодействующими препаратами осталась открытой. Оттуда вышел странный мужчина в чёрном плаще и с шляпой. Будь я в другом положении, очень бы удивился такому человеку, но сейчас мне было всё равно. Проходя мимо, он улыбнулся, а

дверь даже не закрыл за собой. Медсестёр и врачей поблизости не было, и мне удалось спокойно улизнуть домой с препаратом.

Я написал большую записку, где просил отдать своё сердце Юле, и что это добровольное решение. После позвонил в полицию, заявив, что собираюсь покончить с собой. Шприц уже был готов вонзиться в мою плоть.

Солнце ярко светило из окна, погода сегодня радовала. Я совершенно забыл о всех своих друзьях и близких. Я думал только о Юле. Человеке, которого я бы очень хотел ещё раз увидеть. Из приёмника, стоявшего у окна зазвучала песня «Би-2».

– Блин, даже как-то приятно умирать под такую красивую музыку.

Играла песня «Её глаза». Нужная доза уже была во мне. Я улыбался.

– А ведь действительно, её глаза на звёзды не похожи. Там нечто большее, невероятное.

Мне вспомнился летний вечер, когда мы вдвоём сидели у воды. «Кажется, это было так давно. Какое чудесное время. Я не ценил ни одной минуты, ничего».

– Интересно, будет ли она слушать мои выступления? Нет. Главное, что она будет слышать.

Я весь выигрыш от конкурса и часть собственных денег, что были на моём счету, отдавал Юле. Для Жени и Лены тоже оставил. По сути, я всё разделил между ними тремя. В

завещании так и указал, которое лежало рядом с запиской.

Я вспомнил тот день, когда мы встретились через много лет. «Как же тогда испугал её. Она меня боялась. И правильно делала. Интересно, как бы всё сложилось, если бы я не обижал Юлю, а подружился. Какой же дурак был».

– Я люблю тебя, Юля.

Песня закончилась. Мои глаза закрылись.

Улыбка

Сегодня день обещал быть жарким. Солнце нещадно палило уже несколько часов. Мало кто хотел задерживаться на улице и стремился спрятаться в тень, вытереть пот, льющийся по телу ручьями. После недели проливных дождей такая резкая смена погоды отнюдь не казалась облегчением.

Я снова не пошёл на последние занятия в университете и теперь торопился домой, чтобы решить все дела с предстоящими выходными. Обычно я возвращаюсь на своём автомобиле, но вот уже неделю как приходится ходить пешком. Полицейский – сволочь, лишил меня прав. Ну, ведь никто же умер в той аварии, бывает. Пьяный человек за рулём после гулянки, что ещё можно ожидать. Меня просто отвлекла девка на соседнем сидении. Как там её звали? Джулия? Не важно. Ну, выехал на встречную и столкнулся. Бывает ведь. А меня прав лишили. Даже имя отца не помогло, хотя тот тоже, скотина, посчитал, что мне полезно без авто побыть. Спасибо, что до суда дело не дошло, но можно было и вообще всё замять. Я имею полное право на маленькие радости, я же его сын. А он ещё и дом мне покупать не хочет. Скотина настоящая. Всё время ругаюсь с ним. Он не понимает меня. Говорит, что я не ценю деньги и эту жизнь. А что поделать, если он живёт старыми понятиями. Сейчас другое время. Другие нравы. К моему старшему брату так ведь не

относится. Хотя, какие были планы на него у отца, а тот просто ответил ему «нет». И ушёл. Заниматься своим любимым делом. Не прося ни капли денег. Такое чувство, что теперь отец, ругая меня, словно говорит все те слова, которые хотел сказать Брайану.

Идти в такую жару просто невыносимо. Ещё и эти людишки ходят вокруг. Ненавижу людей. Одеты, чёрт знает во что, на вид все неприятные. Ну как так можно жить. Хотя, я даже друзей своих недолюбливаю, но эти уж совсем ужасны. Сложно назвать мне хоть одного человека, который будет приятен. В попытках укрыться от всего этого безобразия, да и от погоды, я пошёл в сторону Центрального парка. Не люблю такие места, но сейчас нужно выбирать из всех зол наименьшее. Большинство жителей Нью-Йорка заняты своими делами, поэтому народу не должно быть много.

В той части парка, где я оказался, царила тишина, лишь птицы показывали, что кто-то всё-таки есть. Я был очень рад, не видя никого поблизости, и можно теперь, спокойно, пару минут отдохнуть, а потом уже отправиться дальше. Сел на первую попавшуюся лавку, находившуюся под деревом. Тень давала долгожданную прохладу. Я достал из кармана пачку сигарет. Огляделся по сторонам. Курить здесь было запрещено, но меня это только подстёгивало.

– Блин, последние две. Надо бы не забыть купить.

Курение всегда успокаивало. Последнюю сигарету вместе с пачкой я положил на лавочку и стал спокойно наслаждаться-

ся прохладой. Так, успокоившись, даже и не заметил, что рядом со мной кто-то был. Маленькая белка уже пару минут с любопытством смотрела в мою сторону. Её заинтересовала пачка. Неслышными движениями она забралась на лавку, ещё раз посмотрела на меня и уже после этого вытащила сигарету. В этот момент я только смог её услышать.

– Ах, ты, сволочь!

Она уже с сигаретой в зубах бежала в сторону кустов. Само собой, я ринулся за ней.

– Поймаю тебя, точно убью.

Но догнать это существо – это та ещё проблема. Хвост мелькал где-то впереди между деревьями, но достать, никак не получалось. В итоге, потеряв её из виду, я выбежал на небольшую полянку. Часть её была заполнена красивыми ярко-синими цветами, а по периметру красовались странной формы фигуры из камня. Похожие то на людей, то на сооружения, они создавали, своего рода, экспозицию на этой поляне. Различные переходы и тоннели превращали место в игровое поле, например, для детей. Мне никогда не доводилось видеть это раньше, поэтому было небольшое удивление. А белки, всё-таки, след простыл, поэтому я с мрачным видом начал покидать поляну. Вдруг за одной из стен неожиданно раздался голос: «Эй, ты чего такой грустный? Погода хорошая, улыбнись».

Маленькая девочка с игрушкой в руках стояла возле одной из фигур и смотрела в мою сторону. Большие голубые

глаза, большой белый бант на золотистых волосах, сама она в майке и шортах, правда, уже изрядно запачканная. Плюшевого мишку она посадила на землю и снова стала смотреть на меня.

– Что ты тут делаешь? Это ты гонялся за белкой?

– А тебе какое дело, малявка? Сама то, что тут шастаешь?

– А меня Мэгги зовут. А это мой друг, – показала на медведя.

Игрушка была видимо очень старой, так как вид её совсем потрёпанный. Я уже понял, что белку мне не поймать и придётся идти обратно без сигареты. Собрался уходить, как эта мелкая снова пристала ко мне, подбежав и перегородив путь.

– Подожди, ты уже уходишь? Давай поиграем вместе с нами. Сюда, ко мне никто в гости никогда не заходит.

– Слушай, мелкая, мне не до тебя. Нашла место, где играть, спрятавшись в этом парке. Ищи себе по возрасту друзей. Сколько вот тебе, лет 8 наверно?

– Десять будет скоро.

– Ну вот. А ко мне не лезь, а то врежу тебе, мало не покажется. Видишь, я не в настроении.

– А ты улыбнись, лучше будет.

Я скорчил перед ней страшную рожу, а она только рассмеялась своим звонким голоском. Вдруг резко сорвалась с места, спряталась за небольшой каменной стеной и стала наблюдать за мной через щель. Я уже было решил, что разговор окончен, и начал двигаться в обратном направлении. В

этот момент что-то попало мне в голову, и раздался смех. На земле лежал маленький мячик-попрыгунчик.

– Ты чего вытворяешь, а? Убить ведь можно.

Но из-за стены слышался лишь заливной смех. В этот момент в мою сторону полетел ещё один. Я увернулся и собрался надавать этой мелкой, сделал пару шагов к стене, но град мячей полетел на меня. Пришлось укрыться за соседней фигурой, прихватив один из них. «А ведь у меня тоже такой в детстве был попрыгунчик, любил с ним играть».

Задумавшись об этом, я и не заметил, что моя голова у неё на виду. Мяч достиг цели, попав мне в лицо. И снова этот смех. Тут уже я не выдержал, схватил ещё один и спрятался.

– Ах ты, паршивка. Хочешь войны, ты её получишь.

Но как только выглянул всего на пару секунд, чтобы определить, где она, точный бросок угодил мне по лбу. Тут я действительно завёлся, появился задор. «Да я в неё не попаду ни разу. Надо на чём-нибудь потренироваться». Мишенью выбрал медведя и стал целиться в него. Со второй попытки попал.

– Эй! Как ты мог обидеть его.

Целый град попрыгунчиков полетел в мою сторону.

– У тебя там их сколько? Это ведь нечестно.

Как партизан начал глядеть через щели и, наконец, заметил её. Чёткий бросок в дырку был мной совершён.

– Ха, получила, малявка!

Я так был поражён своей точностью, что аж загордился,

но вдруг услышал крики боли. «Блин, наверно я попал ей в лицо. Я же не хотел, ещё попадёт от её родителей. Вдруг что серьёзное». Быстро выбравшись из убежища, поспешил к ней.

– Эй, с тобой всё хорошо?

И тут, будучи абсолютно беспомощным, на меня обрушился очередной град из мячей. Я даже упал на землю от неожиданности. А Мэгги всё кидала и смеялась. Похоже, она меня обманула.

– Ну, ты обманщица конечно. Всё, всё, сдаюсь.

Я поднял руки вверх, и она успокоилась. Хоть и тяжело дышала, но на её лице было столько радости и счастья. Я встал и отряхнулся от грязи.

– Ладно, всё, хватит. Я пойду. Надо знать меру веселья. И так тут, как дурак, с тобой игрался. Чтобы никому не говорила об этом, а то убью.

– Хорошо.

– А ты это, ну давай тут одна не гуляй, а то всякие могут ходить типы, вроде меня.

Пора было возвращаться в нормальный мир, минутка слабости закончилась. Я уходил с поляны.

– А ты ещё придёшь сюда? Приходи завтра. Мы с мишкой будем тебя ждать.

– Не, спасибо. Мне что, заняться, думаешь, нечем. Специально я сюда не попрусь. Ищи себе друзей по возрасту, поняла.

– А как тебя зовут?

– Вот не всё ли равно. Противная какая. Джо меня зовут. Думаю, тебе это не понадобится, ведь мы больше не увидимся. Всё, давай.

– Джо. Я запомнила. Я всё равно буду ждать.

***

Прошло два дня. Жара в городе до сих пор не спала. Все, кто находился на улице больше двух часов, страдали и мучились под палящими лучами солнца. Я по-прежнему возвращался из университета пешком. После вчерашнего дебоша в клубе, думаю, отец ещё очень долго будет на меня злиться, а попытки попросить вернуть права не будут иметь смысла. Да и плевать. Этот старый хрен уже меня достал. Конечно, Робби мог подвезти, но после того, как я ему врезал в клубе, теперь и он не будет со мной разговаривать. Не, ну сам пацан виноват. Я за той девкой приударил, а он полез, куда не следует. Ещё и в университете проблем куча. Частые прогулы и плохие оценки дали повод для звонков отцу. А это ещё больше его взбесило. Понятно, что меня не отчислят, но у нас и так напряжённые отношения, а теперь ещё хуже становится ситуация. После смерти матери уже никто не может нас успокоить двоих. Я пытался дозвониться Брайану, поговорить, попросить совета, но тот, как обычно не брал трубку. А раньше он часто мне помогал, хоть мы и совсем разные. После того, как уехал две недели назад в Европу, от него ни слуху, ни духу. Интересно, у него хоть какая-то работа по-

явилась, а то последнее время был совсем на мели. Работа частного детектива, это занятие такое себе. А он ещё и самоучка, всего достиг сам, заимел какую-никакую известность. Хоть в своём деле Брайан был и неплох, но часто сидел без денег. Отец не любил его род занятий, но ничего поделывать не мог. Вот так мы и жили.

Мои грустные размышления снова привели к парку. Я решил пройтись через него. Если честно, то про ту малявку я бы и не вспомнил, если бы снова не увидел белку. Чисто из интереса направился вглубь парка на ту поляну. Белка бежала рядом со мной, будто она меня и звала к тому месту. Деревья расступились, и я снова оказался там. В её центре сидела девчонка со своим медведем, рядом резвились две белки. Она собирала на земле камушки и пыталась из них что-то соорудить. Увидев меня, на лице появилась улыбка, она встала и начала радостно кричать.

– Ура! Джо снова пришёл!

– Эй, эй. Ты чего так орёшь то? Совсем того?

– Ура! Ты пришёл. Я так долго тебя ждала, и ты пришёл.

Девочка просто вся сияла от радости.

– Ты что, все эти дни тут была? Э-э-э, как тебя там? Мэри?

– Мэгги. Я Мэгги. Я сюда каждый день прихожу.

Я почесал свой лоб. «Да, странная, однако, эта Мэгги. Ей что, заняться больше нечем?»

– И ты тут вот так одна гуляешь каждый день?

– Почему? Ты же вот пришёл снова. Я теперь не одна.

«Мда. Реально странная девка». Я всё равно никуда не торопился, поэтому решил присесть рядом с ней на полянке и отдохнуть чутка.

– Так, а родители где твои? А то увидят нас, подумают, что я маньяк. Мне и так проблем с полицией хватает в последнее время.

– Родители? Они...они вечером придут только.

– Ясно. И вот ты не боишься здесь одна сидеть?

– Я не одна. Тут ещё мой медведь.

– А, ну да, как я мог забыть. Вам вдвоём не страшно тут сидеть?

– Не. Сюда никто не приходит, никто не замечает такое место. А чего можно бояться? Если всего бояться, то будет неинтересно.

«Ну, логика у неё железная прямо».

– Но, разве тебе не скучно вот так сидеть одной с твоим медведем? Столько детей в округе, шла бы с ними играть.

– Я тут люблю быть. Смотри, как здорово вокруг. А они все скучные, одинаковые.

В этих словах я прямо себя почувствовал. Взглянув на землю, заметил, что Мэгги пыталась из камней изобразить жирафа.

– Ну, разве это жираф, а? Совсем не похож.

– Почему? Вот ноги, туловище, вот шея.

– А хобот где?

– Нет у жирафа хобота. Я не маленькая, знаю такие вещи.

– Как нет, вот, смотри.

Я доделал из камней жирафу хобот, а потом сам, корча рожицы, показывал ей животное. Улыбка Мэгги стала ещё шире, и она залилась громким смехом. При виде этой картины я и сам неожиданно начал улыбаться. «Блин, я что, совсем уже? Сижу с какой-то мелкой девкой и страдаю ерундой».

– Ты это, только не подумай. Нет у них хоботов.

– Да знаю я. Я не глупая, это ты глупый.

– Э, я же пошутил просто. А за такие слова и получить можно.

– Ударишь ребёнка?

– Всё может быть.

Я специально прищурил глаза перед ней, но Мэгги только продолжала веселиться. Я начал ей помогать создавать других животных, при этом рассказывая про них что-нибудь интересное. Сам не ожидал от себя такого, что так включусь в процесс. До этого мне как-то не доводилось вот так общаться с детьми. Да что с детьми, я вообще ни с кем так живо не общался. Но при виде этой жизнерадостной девчонки, мне самому захотелось веселиться и улыбаться. Каждое моё слово она слушала с особым вниманием.

– Джо, а ты далеко живёшь?

– За пару кварталов отсюда. Ты то, поди, рядом, а то думаю, что родители не пустили бы одну далеко от дома.

– (закивала быстро) Тут рядом дом. У меня из окна видна часть парка. Я всегда тут люблю гулять. Белочки весёлые, с

ними весело играть. На поляну никто не приходил, я с ними и моим медведем гуляла. Здесь хорошо, красиво. И вот ты пришёл. Это так здорово.

– А что ты тут целыми днями делаешь?

– Всегда можно что-нибудь придумать. Я ведь умная (сделала важное лицо).

– Но, думаю, тебе всё равно надо со сверстниками играть. Всё время быть одной тут нехорошо.

– Но ты ведь ещё придёшь?

Она так посмотрела на меня. Мне впервые с кем-то захотелось снова пообщаться.

– Ладно. Может быть, завтра и приду.

– Ура, ура.

От радости она подошла ко мне и крепко обняла. Я был просто ошеломлён, но при этом впервые не захотел отшвырнуть от себя человека.

– Ладно, это, уже начинает темнеть. Пора и по домам. Когда за тобой придут?

– Скоро уже.

– Может с тобой подождать твоих родителей?

– Нет, нет, не надо. Ты иди, я и сама могу подождать. Главное, приходи ещё.

Мне, наверное, впервые, было хорошо на душе. Вот что может сделать простой разговор с человеком. Я никогда так сильно не улыбался.

– Хорошо. Постараюсь завтра прийти.

Мэгги сияла.

***

Со мной никогда ничего подобного не случилось. Я никого не любил, ни с кем не дружил, ничего не хотел. И тут появилась маленькая девочка, благодаря которой я стал улыбаться по-настоящему, интересоваться чем-то. Мне впервые захотелось вновь прийти на ту поляну, сесть рядом с ней, поговорить, поиграть. Для меня день становился полноценным, только если это место удавалось посетить. Вчера даже Робби (с которым мы вроде как помирились) был ошарашен, что я такой улыбочивый. Еще большее удивление вызвал отказ от поездки на пляж после пар. Мне так хотелось в парк, поэтому было решено отложить этот отдых, он подождёт. Каждая новая встреча с Мэгги становилось новым интересным приключением к моему сердцу. Словно она стучала в него, заставляя разбиваться льду, окружавшему его толстым слоем. Неужели что-то во мне менялось?

***

– А ты в университете учишься?

– Ага. Ты то сама в школе?

– Я...да. Учусь. Но сейчас же лето, каникулы, я ведь права?

– Это да, а мне всё равно приходится ходить на пары. У нас и в июне есть занятия.

Я принёс Мэгги книгу сказок. Она очень любит фантазировать, да и читать тоже. Но страх был, что скажет, будто уже

не маленькая для каких-то там сказок. Зря волновался. Её восторгу не было предела, и я сильно обрадовался. Она не стала сразу её рассматривать, заявив, что хочет погрузиться в своей комнате в чудесный мир добра. Кстати, я узнал, что у Мэгги нет ничего определённо любимого. Она любит всё подряд. Это кажется немного странным, но, это здорово. Человек не выделяет отдельные вещи, а находит в каждой из них что-то хорошее и светлое.

Я же просто лежал на траве, а она в этот момент рисовала картинку фломастерами. Не помню, когда я последний раз смотрел на небо. А там такая красота. И почему я раньше этого не замечал? Наверное, я пропустил столько всего прекрасного? Почему я был так глуп во многих вещах? Вёл себя как дурак. Как эгоист. А рядом со мной маленькая девочка, которая мне полная противоположность. Она радуется всему, живёт каждой минутой, никогда не унывает. Маленькое солнышко в этом сером мире.

– Джо, а ты изменился.

– С чего ты так решила?

– Не знаю, но стал очень часто улыбаться. Первый раз ты был грустным, злым и невоспитанным.

– (я усмехнулся) Всё возможно. Думаю, я должен тебе сказать «спасибо». Ты новое внесла в меня. Твои родители гордятся тобой, я уверен.

– Не знаю, может быть. Я просто живу и радуюсь, разве ещё надо что-то делать.

Я снова стал всматриваться в небо. Вокруг пели птицы. Даже белки перестали меня бояться и спокойно сидели рядом. Место полного умиротворения. Мэгги нарисовала что-то похожее на нашу полянку. Я не могу назвать это шедевром, но было сделано очень хорошо. Она подарила рисунок мне, и я, конечно, принял с радостью.

Больше всего меня стало удивлять то, что я слушал своего собеседника. Всегда было абсолютно плевать на слова, которые мне говорили. Тут же я с упоением заслушивался историями Мэгги. Неважно, о чём она говорила, важно, что она просто говорила. Каких-то четыре встречи с человеком смогли меня изменить.

В очередной раз я попрощался с ней и пообещал прийти завтра.

***

Раз за разом, каждый день, как заканчивались пары, я спешил в парк. И Мэгги всегда там сидела. Я уже и перестал спрашивать, как на это реагируют её родители, что она гуляет вот так одна. Хотя, нет, вру. В четверг прошёл сильный дождь, и я не смог прийти в парк. Да и Мэгги, как она сама сказала, не пустили. Значит, родители о ней всё-таки беспокоятся.

Мой отец заметил изменения. Я стал более покладистым, спокойным, добрым. Один раз, когда сказал «спасибо», он чуть не поперхнулся сэндвичем. Отец даже решил вернуть мне права и машину. Я его таким уже многие годы не ви-

дел. Хоть между нами и была ещё стена, она начала давать небольшую трещину.

Мэгги стала единственным человеком, с которым я мог разговаривать обо всём подряд. Я учил её многим вещам, рассказывал познавательные истории, при этом просвещаясь сам, чтобы не казаться дурачком перед маленькой девочкой. Мы играли в разные игры. Иногда, просто лежали на поляне и смотрели на небо. Хотя я и предлагал ей гулять не только здесь, поиграть с другими ребятами, она всегда отказывалась. В последние дни Мэгги стала выглядеть похуже, чихала и кашляла.

– Я приболела немного. Чай с мёдом попою и выздоровею.

– Ты смотри только, сильнее не заболеет. Может тебе пару дней отлежаться дома?

– Тогда мы не поиграем. Я поправлюсь быстро.

Хоть в городе стояла жара, но периодами случались дождливые дни. Наверное, тогда и простудилась Мэгги. Но даже в таком состоянии она была жизнерадостной и активной. А это самое главное.

***

Наконец-таки, за долгое время установилась идеальная погода. И не жарко и не холодно. К тому же закончилась учёба. Сегодня я сдал последний свой экзамен. Чудесное чувство свободы. Ещё большую свободу удалось получить, после того, как я бросил курить. Решиться на это было тяжело, но теперь внутри стало присутствовать одно лишь удо-

влетворение. Словно задышал по-другому.

Так получилось, что в парке я не был уже три дня. Всё-таки экзамены – страшная вещь, забирает все соки. Но сегодня я был полон сил и настроения, тем более погода так и шептала.

Ещё издалека мне показалось, что поляна выглядит не так, как всегда. И действительно, выйдя из-за деревьев, я не смог скрыть своего изумления увиденному. Все ближайšie деревья были украшены ленточками и разноцветными шариками, которые немного сверкали. Что-то вроде конфетти было разбросано на траве. В центре поляны на земле находился небольшой торт и пара тарелок. Но ещё большее внимание оставляла Мэгги. Невероятно красивое белое платье, милый бантик на голове. Казалось, будто перед глазами маленькая хрупкая куколка, которую нельзя трогать, а можно лишь смотреть издалека. Я стоял как истукан и смотрел.

– Красивая, да?

Мэгги смотрела и мило улыбалась.

– Очень даже. Ты чего так всё соорудила, оделась? Ты всё это сама сделала?

– Ага. С утра тут украшала. А вечером шарики будут красиво мерцать, и будет чудесно.

– Так, что за повод?

– У меня сегодня день рождения.

И Мэгги ещё больше засияла.

– Серьёзно? Блин. А ведь я и не знал. Почему не сказала

мне? Я бы подарок купил тебе. Ну, поздравляю.

– Не надо мне подарка. Ты пришёл, и хорошо.

– Всё равно мне не неудобно. Ты тут так старалась, а я просто пришёл на готовенькое. Это раньше бы был доволен таким раскладом, а сейчас.

– Ты давай садись. Торт будем есть.

Так как я с утра ничего не ел, в животе урчало, то уговаривать не пришлось. Эта маленькая куколка была счастлива. Правда, её лицо было слегка бледновато.

– Ты ещё не выздоровела?

– Немного ещё болею, но думаю, будет всё нормально.

– Пока меня не было, надеюсь, ты хоть тут не торчала?

– Я тут каждый день, если нет дождя. А вдруг бы пришёл.

– И всё-таки ты такая противная. Эх, Мэгги. Не бережёшь совсем себя, а ещё говоришь, что взрослая. Тебе нужно завести новых друзей, чтобы вот так на празднике не сидеть в компании лишь меня.

– Но мне и так хорошо. Давай торт есть.

Больше не решился затрагивать эту тему, всё-таки сегодня у неё день рождения, а я тут со своими нотациями. Ведь не мама же её, хотя переживаю, как за младшую сестрёнку. Надо было менять тему. В следующий раз выскажу свои недовольства.

У меня просыпалось счастье и умиление, глядя на неё. Сидит вот и уплетает за обе щёки торт. Я хоть и не являюсь поклонником сладкого, но он оказался очень вкусным. Мы

сидели и болтали. Я рассказывал истории о том, как праздновал свои дни рождения. Было немного неловко говорить о тех гулянках и пиршествах. Мэгги же сказала, что у неё всегда всё было скромно, зато сегодня это лучший в жизни.

Откуда не возьмись, появилась собака. Морда её выглядела доброй и приветливой. Мэгги сразу же побежала с ней играть, а та словно этого и ждала. Любит она животных. Я же сидел на траве и лицезрел эту картину. Скоро кто-то со стороны дорожек и скамеек позвал собачку, и та, хоть и нехотя, убежала.

Время прошло незаметно. Солнце начало опускаться.

– Давай включим музыку?

– А она откуда у тебя?

Мэгги убежала к кустам, а оттуда вынесла магнитофон.

– Ого. Вот это раритет. Я таких никогда в живую не видел.

Ты что, танцевать хочешь?

Она начала мяться на месте и очень неуверенно кивнула.

– Не, ну как можно имениннице отказать в её день.

Я включил музыку. Заиграла красивая медленная мелодия.

– Миледи, хотел бы пригласить вас на танец.

Я протянул ей руку. Восторгу Мэгги не было предела. Она подала мне свою руку, и я стал с ней танцевать что-то похожее на вальс. Из меня танцор никакой, а уж про неё я молчу. Но девочке было всё равно, она светилась от счастья, и это лишь являлось важным.

Когда солнце начало заходить за горизонт, мы стали закругляться с празднованием.

– Наверное, стоит прибраться тут. А то насвинячили хорошо так. В этом парке нельзя так делать. Могут и в тюрьму посадить.

– Нет, не надо. Завтра приберутся, я посуду заберу только.

– Родители помогут.

Она кивнула.

– Ну, ладно тогда. Наверное, стоит сказать «спасибо за приглашение». Было здорово. Я никогда ни к кому не ходил на день рождения. Только свои праздновал. Похоже, я очень многое потерял в своей жизни.

– Тебе спасибо, Джо. Это был лучший праздник у меня.

На секунду мне показалось, что у неё пошли слёзы. Наверное, показалось. Она опять закашляла.

– Давай лечись. Чтобы я больше твой кашель не слышал. За тобой придут, а то уже темно?

– Не бойся, я же не боюсь темноты.

– Я постараюсь завтра прийти. Ты же, как всегда будешь здесь?

– Я (замялась). Конечно, я тоже приду сюда.

Она снова улыбнулась. Я подошёл и обнял её, а потом долго махал ей вслед.

Какой же классный был денёк.

***

На следующий день я решил прийти раньше обычного.

Так сказать, захотел сделать сюрприз. Но когда оказался на нашем месте, никого не встретил. «Видимо, слишком рано». Ничего из вчерашнего уже не находилось вокруг. Похоже, прибрались здесь, как Мэгги и говорила. Рядом как всегда бегали белки. Я прилёг на траву и сам не заметил, как уснул. Открыв глаза, понял, что проспал почти два часа. Но её так и не было.

«Неужели она смогла прислушаться к моим словам и решила полечиться? Вот я молодец какой, убедил. Ладно, думаю, сегодня её уже не будет».

И со спокойной душой направился домой. Но ни завтра, ни послезавтра она так и не появилась. Тут у меня появилось небольшое беспокойство. Можно было бы навестить её, но я не знал адреса. Она ни разу не говорила. Единственной информацией было то, что окна её комнаты выходят на парк, значит квартира недалеко. Но домов в округе целая куча, искать бессмысленно. Парк ведь невероятно огромный. Это словно искать иголку в стоге сена. Бессмысленно. Но это не отменяло моего беспокойства.

«Ладно, подожду до завтра. Может, действительно, разболелась. А я ведь сколько раз говорил ей, а она не слушала, засранка».

***

Погода в очередной раз радовала глаз. Солнце, высоко поднявшееся в небо, било по глазам, но при этом не было невыносимой жары. Я шёл по улице, в наушниках играли

бодрящие мелодии рока. Даже люди, встречающиеся мне на пути, не вызывали никакого отвращения. Настроение было просто великолепным. Отец всё-таки вернул мне машину. Мне удалось полностью наладить с ним контакт. Мы стали немного понимать друг друга. Теперь я был более чем уверен, что больше у меня права не заберут. Нет, конечно, пить я совсем не бросил, но буду знать, когда можно, а когда нельзя. С друзьями мы договорились, что вечером поедем отдыхать на море (мой отец всё организовал). Общение, можно сказать, с ними я начал с чистого листа. Поэтому я очень надеялся, что увижу Мэгги и сообщу о своём отъезде из города на неделю.

Природа в парке радовалась, как и я, такому прекрасному дню. Сегодня на поляне кто-то был. Я уже обрадовался, но там была совсем не Мэгги. Женщина лет так тридцати, приблизительно, стояла около одной из фигур и пыталась посадить игрушечного медведя в проём. Это был тот самый, с которым всегда ходила Мэгги.

– Извините.

Женщина обернулась в мою сторону.

– Здравствуйте. Вы, наверное, Джо?

– А откуда вы знаете?

– Мэгги говорила, что сюда никто не приходил кроме одного человека. Поэтому, вариантов немного. А место ведь очень красивое (она окинула взглядом окрестности). Вроде бы парк исследован уже вдоль и поперёк, но всегда найдётся

место в нём, где ты словно в другом мире. Дети могли бы приходить сюда и играть, а не слоняться, где попало.

– А вы, наверное, её мама? Не подумайте, что такой взрослый парень, как я, общался с ней, я не маньяк и не извращенец.

Она даже немного усмехнулась.

– Нет, нет. Я ничего такого не подумала. Зная характер Мэгги, я даже не удивлена (замолчала). Я не её мама. Меня зовут Дженнифер, я в детском доме работаю. Он как раз возле парка с восточной стороны находится.

У меня ком встал в горле. «Неужели...»

– У Мэгги нет родителей. Точнее матери, про её отца я ничего не знаю. Она всегда жила в детском доме, сколько я её помню. Хорошая девочка (смотря на медведя, задумалась). Вся в себе, в своих фантазиях. Вы, наверное, её единственный, по-настоящему, друг. Мэгги всегда сложно было завести друзей. Зато она так сильно любила это место. Всегда говорила, что только тут она свободна от всего. Почти каждый день сбегала на эту полянку.

Я не знал, что даже сказать по этому поводу. Не ожидал просто такой информации. Вот почему она всё время не договаривала.

– Блин, этот медведь ни как тут не держится.

– А почему он у вас? И когда Мэгги снова появится? Её уже четвёртый день нет. Она так сильно заболела?

Долгая пауза от женщины заставила меня ещё сильнее за-

волноваться. Не оборачиваясь ко мне, она заговорила.

– Она умерла. На следующий день после своего дня рождения.

Мир просто упал.

(Я думаю, почти каждый человек, хоть раз за свою жизнь испытывает подобное. Кажется, что внутри тебя что-то оторвалось, ты опустел. Не понимаешь происходящего, и тебе даже сложно отреагировать на такие слова. Вот, что я почувствовал в тот момент).

– К...как? Почему? Ч...что случилось?

– Она всегда была слабой (очередная пауза). Я даже все её заболевания не помню. Проблемы с головой, частые потери памяти, ещё и рак лёгких. Врачи понимали, что Мэгги нельзя спасти, к сожалению.

Мои глаза стали мокрыми. Я перешёл на крик.

– За что?! Почему именно она? Неужели, ничего нельзя было сделать? Я её только в последние дни видел больной. Она всегда была счастлива и весела.

– Может это место волшебное для неё. Не зря же Мэгги всегда сюда убегала (снова окинула всё взглядом). Ей тут становилось лучше. Это помогало держаться и не думать о плохом. А ещё она повстречалась с тобой. Ты скрасил её последние дни, сделал более счастливой.

Крупные капли стали медленно падать на землю. Я больше не мог сдержать слёз. Я даже отвернулся, чтобы она не видела это. Мне было так больно.

– Врачи ничего не смогли бы сделать. Всё было понятно уже давно. Даже сама Мэгги попросила рассказать ей правду. Она очень сильная девочка, держалась, несмотря ни на что.

Опять наступило молчание.

– Перед смертью она попросила меня принести сюда этого медведя, её любимую игрушку. До сих пор помню, как она нашла его в куче хлама и забрала себе. Любила она такие вот старые вещицы. Мэгги сказала, что медведь для её лучшего друга, чтобы он всё также улыбался, даже если на душе тяжело.

В этот момент я повернулся, и наши взгляды пересеклись. Мы оба плакали. Дженнифер отдала мне игрушку, похлопала по плечу и начала уходить с поляны.

– Наверное, именно такие люди, как Мэгги, и делают этот мир чуточку лучше.

Она ушла, оставив меня одного.

***

Два следующих дня я провёл словно в затуманенном мире или даже коме. Мне не хотелось ничего. Я не слышал ничего. Ничего. Мозг будто не воспринимал информацию. Лишь на третий день я, наконец, немного собрался с силами и направился в детский дом. Мне хотелось хоть что-то узнать о Мэгги. О её семье. Но меня ждало разочарование. Кроме небольшой информации о матери, ничего. Женщина по имени Жаклин умерла перед входом в это здание. На её руках лежал маленький живой комочек. Это была Мэгги. Так девочка и ока-

залась там. После похорон женщины, в детский дом сообщили только об её имени, и всё.

***

Я стоял у могилы Мэгги и смотрел на небо. «А всего пару недель назад мы делали это вместе. Странное теперь чувство. Нет. Ужасное чувство». В руках я держал письмо моего брата. Я написал ему, попросил хоть что-то узнать о ней. И вот мне пришёл ответ от него.

«Здравствуй, Джо.

Извини, что не отвечал на звонки. Тут, в Европе, столько дел, заматался. Знаешь, я очень сильно удивился твоему письму. Ты никогда не писал, а тем более так не излагал свои мысли. Что-то явно с тобой произошло. В хорошую сторону. Надеюсь, что у тебя и отца всё хорошо. У меня вот дела, вроде бы, идут в гору. Работа есть. Поэтому пока и не знаю, когда вернусь в Нью-Йорк. Что касается твоей просьбы. Пришлось сильно потрудиться, чтобы найти хоть какую-то информацию по этой девочке. Сначала я этому удивился, но потом понял причину. Мать Мэгги зовут Жаклин Бросмут. Она беженка из Мексики. Хоть и не мексиканка. Точно так и не смог определить, но родом из Европы. Каким образом, и по какой причине, она оказалась в Нью-Йорке, не знаю. Вся информация была скрыта из-за одного человека. Отца Мэгги. Видимо, он не хотел, чтобы история о его связи с беженкой куда-то всплыла. О встрече с Жаклин тоже нигде не упоминается. Я, конечно, постара-

юсь что-нибудь ещё раскопать по этому делу, пока говорю то, что знаю. Отец Мэгги крупный рекламный агент, владеющий неплохим бизнесом. Имея свои связи, он замял эту историю. А Жаклин бросил, заделав ей ребёнка. Найти его уже невозможно, он умер пару лет назад. Этого человека звали Роберт Ленс. Поэтому фамилия девочки Ленс. Мэгги Ленс. Прости, что только это смог найти. Надеюсь, тебе эта информация будет полезна. Постараюсь почаще писать или звонить. Передавай отцу привет.

Твой брат, Брайн».

***

Знаете, всё-таки есть моменты в жизни, когда ты словно перерождаешься. Это происходит так неожиданно, что порой кажется, будто ты таким и был. Просто это спало внутри тебя, а кто-то должен был разбудить. И это удалось совершить маленькой девочке с невероятной улыбкой, в которой жил целый мир. И, приходя в парк, в это таинственное место, закрытое от глаз, ты погружаешься в мир чудес и сказок без остатка, зная, что теперь никогда не будешь прежним.

В одной из фигур я соорудил специальное местечко для медведя, чтобы не украли или не подпортила погода. Думаю, Мэгги очень бы хотела, чтобы он был именно здесь.

Конечно, сейчас я не посещаю то место каждый день. Времени не всегда хватает. Но забыть его невозможно. Раз в месяц, хоть на пару минут, я посещаю поляну в Центральном парке. Белки до сих пор меня приветствуют и бегают рядом.

Я всегда подхожу к медведю и улыбаюсь ему, как просила Мэгги. Но самое главное, что, даже через столько времени, я надеюсь услышать за своей спиной голос: «Эй, ты чего такой грустный? Погода хорошая, улыбнись».

Зверь

Брайн Даллас.

Дневник мыслей (Третья часть)

28 сентября.

За окном аэропорта поливает мерзкий осенний дождь. Его капли заполонили окно практически полностью. Я смотрю на эту серую погоду, попивая крепкий кофе. Самолёт только что приземлился, и мне не хотелось пока выходить наружу. Вот и решил немного пописать. Я всегда любил выводить собственные мысли на бумаге, но получалось не очень. Это уже третий дневник, за который берусь. Мне казалось, что для работы частным детективом будет полезно отмечать письменно как вещи, связанные с работой, так и обыденные мысли. А вдруг они помогут в будущем? Кто знает. Вот и пишу снова дневник. Правда прошлые две попытки как-то не задались.

Я уже две недели на мели. Работы совсем нет. И, если летом попадались дела, за которые можно было взяться, то сейчас ничего нет. Но я продолжаю скитаться по Европе в поисках чего-то. Работа детективом, она такая.

Солнце заходит за горизонт. Надо ехать в отель. Сейчас нахожусь в Калининграде. Хоть мой друг Маркус говорит, чтобы я называл его Кёнигсберг. Говорит, что многим местным так больше нравится. Спорить не буду. Большая ирония

в том, что на самом деле его зовут Максим, но он любит называть себя Маркусом. Вот парадокс. Это он пригласил меня сюда. Сказал, что есть дело, которое мне может понравиться. Поэтому я здесь.

Вечер

Вещи разложены, и я уже поужинал. Не самый шикарный отель, но, при моих финансах, выбирать не приходится. Стол завален различными газетными и журнальными вырезками с прошлых моих дел. Причём закрытых. Непонятно, зачем я их оставил. Иногда храню что-нибудь интересное. Например, карту, где помечены убийства маньяка, возомнившего себя новым Джеком-Потрошителем. Или аудиозапись, на которой убивают нескольких педофилов. Странное было дельце, конечно.

Решив выкинуть часть уже ненужных вещей, снова наткнулся на свою ахиллесову пяту. Моё единственное нераскрытое дело, от слова совсем. Дело Джека Ленса. А ведь уже год прошёл. И всё не даёт покоя. Ещё и младший брат о нём напомнил этим летом своей просьбой. Газетная вырезка, сообщающая об автомобильной аварии в августе 2015 года, была аккуратно сложена в портфель. Ну не хотел я расставаться с этой историей. Завтра рано вставать. Пора спать. Дневник пишется пока неплохо. Это радует.

29 сентября.

Утро встретило солнцем. Настолько резкая смена погоды удивляла. Даже настроение поднялось. Первую половину

дня решил провести в прогулках по городу. Я не первый раз тут, но после каждого посещения нахожу что-то новое. Обожаю архитектуру города. Мне в принципе нравятся старые города Восточной Европы со своим колоритом. Я, почему то, чувствую себя здесь настоящим детективом, прогуливаясь по старинным улицам.

Наша встреча с Маркусом была запланирована на вечер в ресторане «Дольче Витта». Я даже решил немного приодеться. Наконец, привёл в порядок копну чёрных волос на голове, надел пиджак и рубашку. Стал похожим на человека. Немного опоздал, буквально минут на десять. А вот Маркус наряжаться не стал. Джинсы и рубашка, недельная щетина и неопрятный вид. При этом, он в свои 38 выглядел лучше, чем я в 32. Вот парадокс.

Маркус Дэвен (он же Максим Девятов) мой хороший друг. Познакомились 7 лет назад. Я ещё только начинал свою детективную профессию. Тогда находился в Ванкувере и расследовал дело об измене мужа. Было странно, что ради такого расследования женщина попросила меня приехать из Нью-Йорка. Как и ожидал, дело было нечистым. Обычная история об измене закончилась перевозкой наркотиков и мафией. Я тогда впервые влип. Вот при таких обстоятельствах познакомился с Маркусом (тогда ещё Максимом). Он жил и работал в Австрии. Отдел по борьбе с наркотиками. По крайней мере тогда. Я даже через столько лет на сто процентов не уверен, что это его деятельность в полиции. Но это и

не важно. После того случая мы сдружились. Маркус часто подкидывал мне расследования, которые почти всегда были интересны. Он не гнушался помощи от мелкого частного детектива. Обычно мы общались по телефону, но иногда случалось пересечься, вот как сейчас.

Первые часа два мы с огромным интересом беседовали о жизни. Болтать ни о чём – это нам всегда удавалось. Хорошо поев и выпив, перешли к делу. Оказывается, полиция многих стран Европы уже долгое время не может поймать убийцу. Убийцу музыкантов. За два последних месяца умерло четверо молодых людей. Все они были успешными музыкантами в разных жанрах этого искусства, занимавшими призовые места на конкурсах. Три парня и девушка. Почерк убийцы на лицо. У всех жертв были изуродованы лица. Но не просто так. Он, словно, рисовал узоры ножом. Будто художник. Мотивы его не были ясны. Связи между жертвами не нашли. Разные музыканты из разных стран. И вот, на днях, случилось новое покушение. Правда, убийства не произошло. «Музыкальному художнику» (именно так его стали называть) помешали. На этот раз жертвой должна была стать молодая скрипачка из России. Тут, в Калининграде, проходил конкурс молодых талантов. Покушение состоялось в местном зоопарке. Преступник скрылся с места преступления. Но два трупа там, всё-таки оказались. Молодого человека и бурого медведя. Что было очень странно.

Меня история заинтересовала своей необычностью. Я со-

гласился поработать с этим делом. Мы решили завтра утром отправиться в офис Маркуса, а уже потом не место преступления. После этого продолжили говорить за жизнь и много пить.

30 сентября

Утро

Маркус всегда путешествует. Поэтому для него понятия «мой офис», как для нас, нет. Какое ему помещение дали, в таком он и накидывал своих вещей. Настоящий беспорядок. Я никогда не понимал, как там можно что-то найти.

Сначала Маркус дал материалы по прошлым убийствам. Я внимательно и долго изучал их. Убийца оказался очень расчётливым и умным. О нём, кроме самих убийств, по сути, ничего не было известно. До сих пор. Каждое своё преступление он продумывал до мелочей. Узнавал всё о жертве, выслеживал и убивал. Практически никаких свидетелей. А те, что были, всё время путались в показаниях и ничего конкретного сказать не могли. Даже фотороботы сильно отличались.

Мы закурили. У меня было две версии: либо убийца – псих, либо у него какие-то счёты с музыкантами. Пока больше ничего не шло в голову.

После всех прошлых убийств на музыкальный конкурс в Калининград отправилось несколько специальных отрядов. Один из них возглавлял Маркус. Следить приходилось за большим количеством людей. Но всё изменилось, когда в по-

лицию обратилась скрипачка Татьяна Легкова. Именно она считалась главным претендентом на победу. Девушка сказала, что за ней следят. Всё внимание переключилось на неё. Но, каким-то образом, в ночь, перед вылетом музыкантов из города, покушение состоялось. В зоопарке нашли кричащую Татьяну. В паре метров от неё лежало два трупа. Молодого человека с множеством ран от когтей и, средних размеров, бурого медведя. В его горле торчал кинжал. Как оказалось, он был из открытой клетки, возле которой и произошло событие. А вот самого убийцы рядом не находилось. Девушка была в полном шоке и всё время твердила лишь одно слово «Зверь».

История мне показалась ужасно странной. Я удивился, что никто не считал этого погибшего убийцей. Но Маркус заявил, что даже по тем скудным данным, имеющимся у них, «музыкальный художник» не сходился с убитым парнем. Ни один из пяти фотороботов не был на него похож ни капли. Да и девушка, с огромным трудом, сказала, что это не убийца. Но больше ничего она не говорила. Татьяна совершенно не шла на контакт. Она, словно, отстранилось. Хотя, Маркусу казалось, что она знает погибшего, а возможно даже и самого «музыкального художника». Но та молчала.

Ещё одна проблема была в том, что молодой человек, которого, скорей всего, убил медведь, оставался для всех загадкой. На него не было никаких данных. Ничего. Словно этого человека и не существовало. При том, что лицо не бы-

ло сильно уж изуродовано. У следствия, конечно, есть версии, что он беженец из другой страны или как-то связан с убийцей. Но у этих версий не было ни логического начала, ни конца. Ничего. Всё упиралось в потерпевшую, но та молчала.

Из всего того, что я прочитал и услышал, у меня в голове начал складываться некий пазл, который пока решил оставить при себе. Итак. Есть убийца. Четыре жертвы. Один почерк. Все убитые – музыканты. Молодые и талантливые. И вот, новое нападение. Правда, сразу встаёт вопрос: «Девушка узнала, что за ней следят. Каким образом?» Как она это поняла, толком следствию и не объяснила. И дело в том, что до этого убийства проходили без единой осечки, а тут вдруг его так сразу заметили. Странно. Я почти уверен, что Татьяна знакома с погибшим парнем. Более того, они находились в зоопарке ночью, когда тот был закрыт. Значит, гуляли там, пробравшись внутрь. Поэтому, она ничего о пареньке и не рассказывает. И скорей всего убийства не произошло именно из-за него. Погибший помешал совершиться преступлению. Но есть ещё одна проблема. Медведь. Возможно (даже, вероятно), его выпустил убитый парень из клетки, чтобы защитить девушку. Но именно он и пострадал от его когтей. Кто убил медведя тоже непонятно. По словам Маркуса, удар был нанесён точно в артерию, что сделать простому человеку практически невозможно. Ведь это бурый медведь.

Пока что в пазле не хватало многих деталей. Но, всё-таки,

эта история не казалась мне чем-то из ряда вон выходящим, чтобы звать меня. И при этом, что-то было странным. Дело шло совсем непродуктивно. Потерпевшую должны были отпустить в Москву уже через двое суток. А она ведь имеет главное отношение ко всему. И я почти уверен, что она всё знает.

Напоследок, Маркус дал мне фотографию, сделанную на месте преступления. После взгляда на неё, наступил полный шок. Я забыл совершенно обо всём. Просто не мог поверить своим глазам.

Вечер

Я в своём номере отеля. На кровати куча документов по делу о музыкантах. Я же до сих пор разглядываю фотографию, где запечатлены два трупа.

На вид это обычное фото. Для всех. Но не для меня. Ведь я такое уже видел, но с другими персонажами. На фотографии неизвестный парень и медведь лежали друг к другу головами на очень близком расстоянии. Две лужи крови, что шли от каждого, сливались в одну. Словно это единое целое. Страшная и, в чём-то, жутко красивая сцена. В моей голове сразу всплыла другая сцена. С Элизой Ленс. И снова я возвращался к своему единственному нераскрытому делу. Со всем забыв об этом убийце, стал искать в чемодане все данные, которые сохранил о своей главной ахиллесовой пяте. Я прокрутил всё то, что знал уже до мельчайших подробностей.

2 сентября 2015 года. Лондон. Автомобильная авария на окраине города. В тот день была отвратительная погода. Шёл сильный дождь. Трасса мокрая. Водитель, скорей всего, не справился с управлением. Возможно, было какое-то встречное движение. Допустимая скорость была сильно превышена. В итоге автомобиль врезался в дерево, превратившись в груды металлолома. Прибывшие полиция и скорая вытащили с пассажирского места тело мальчика. Он умер сразу же после удара. Больше никого в автомобиле не было. Причём, выбраться из него было невозможно, особенно с места водителя. Да и никаких следов крови не обнаружили. По найденным документам, эта машина принадлежала Джеку Ленсу. Мёртвый мальчик – это его сын, Робин Ленс. То, что Джек в тот вечер управлял автомобилем – неопровержимый факт. Есть свидетели. Но его тела не было. Никаких следов. Ближайший лес и дома проверены вдоль и поперёк. Ничего. Он словно сквозь землю провалился. Я тогда не верил ни во что необычное, и меня это дело невероятно интересовало. С Элизой Ленс (женой Джека) не удавалось связаться. Я узнал обо всех основных моментах жизни пропавшего без вести. Что они расстались, и теперь он редко виделся с сыном. Само собой, я не верил, что этот человек вдруг решил убить своё дитя. А через сутки после трагедии появилась информация об Элизе. Она гостила за городом у подруги. Поэтому Робин и был с отцом. Но когда полиция и я приехали, девушка уже была мертва. Её подруги не было в тот момент дома, она от-

лучилась в магазин. Я приехал буквально через полчаса после нахождения ею трупа. Эту сцену забыть невозможно. На лужайке лежала Элиза с пулей во лбу. В метре от неё лежало тело убитой лисицы. Лужа крови, образовавшаяся от них двоих, придавала этому ещё большей загадочности. Будто они, как и их кровь, слились.

(Тоже самое, один в один, было и с этим убийством. Потому я был так поражён. Идентичный почерк смерти).

Говоря о смерти Элизы Ленс, многие видели человека, который мог быть убийцей. Были лишь разговоры. Кто-то говорил о мужчине в чёрном плаще и в шляпе. Я показывал фотографию Джека, и многие, к моему удивлению, видели в нём убийцу. Но не были уверены точно. Я же не мог понять, почему рядом лежало тело лисы. Что это значило? Словно её специально принесли сюда. Следствие по этому поводу ничего не могло сказать. У них была лишь одна версия: Элизу и Робина убил сам Джек Ленс. Я не верил этому. Это было бессмысленно. Изучив досконально все, что можно, просто не мог этому верить. Джек очень сильно должен был их любить. Хорошо. Даже если это он, то почему именно так. По сути, такими действиями, он прямым текстом говорил, что совершил убийство. И покоя не давала лисица. Зачем? Почему? Их тела рядом. Для чего?

Это дело настолько меня поглотило, что я не мог ни о чём другом думать. А самого Джека так и не нашли. Никаких следов. Никаких улик. Вообще казалось, будто Ленса в принци-

пе и не было. Словно и не существовало. В итоге, я оказался в полном тупике. Так и не смог раскрыть это дело. Впервые в своей работе.

И вот, уже прошёл год с тех событий, как вдруг это дело начало о себе напоминать. Сначала, летом, мой брат дал мне повод поискать информацию о девочке. И как-бы итог ничем не помог в расследовании, но всё-таки. Я узнал, что у него есть сводная сестра, и что отец Джека был не совсем честным и чистым человеком. Словно это был знак. И вот теперь это фото. Оно точно такое же по композиции места преступления. Только вместо Элизы неизвестный парень, а вместо лисицы медведь. А так, всё то же самое. Совпадение, не думаю. Таких совпадений не бывает. Это точно что-то значило. И я должен узнать.

1 октября

Плохо спал. Голова раскалывается. Выпил с утра виски, чтобы лучше соображать. Не особо помогло. Всю ночь размышлял обо всех своих умозаключениях.

Погода здесь уж очень переменчивая. Опять поливало, как из ведра. Настроение от этого стало хуже некуда. Мы с Маркусом поехали на место преступления. Не знаю, зачем на это согласился. Я был точно уверен, что ничего полезного там не узнаю.

После того события, зоопарк до сих пор закрыт для посетителей, а животных развезли в другие места. Полиция уже давно тут ничего не искала. Тот самый охранник, первым

увидевший ту сцену, встретил нас. От него я не услышал ничего нового, что уже и сам знал. По его словам, третьего человека он не видел. Девушку и погибшего парня ранее никогда не встречал. Маркусу это было не особо интересно, и он прогуливался по зоопарку, пытаясь найти что-то незаметное ранее. Как только он отошёл подальше, охранник начал шептать мне. Он сказал, что вокруг творится какая-то чертовщина, и ему никто не верит. Словно что-то скрывают. Того медведя у них не было в зоопарке никогда, а открытая клетка почти год как пустовала. Причём, охранник сразу же говорил об этом, но его слова переврали. Всему виной директор зоопарка. Вроде как тот занимался какими-то махинациями, поэтому медведь должен был числиться там. В итоге ему сказали молчать.

«Полиция мне уже не поверит, а вы не из неё, как понимаю. Тем более, сегодня мой последний рабочий день здесь. Мне уже всё равно», – сказал охранник.

Вернулся Маркус. Я не стал ничего говорить ему. Мы сели в машину и отправились к Татьяне Легковой. История становилась всё более интересной. Ведь, если охранник не врал, то, фигурировавший в деле, медведь появился неизвестно откуда. Я уже и не знал, что думать.

По моей просьбе Маркус взял кучу бумаг по потерпевшей. Информация, фото и видео по ней, её семье и друзьях. Я решил заняться этим чуть позже.

Девушка жила в отеле. Её охраняла полиция до самого

отъезда из города. Она должна была улететь завтра утром. Маркус идти со мной не захотел. Он уже общался с ней дважды и безрезультатно. Меня предупредили, что она до сих пор находится в шоке. В комнате я встретил невероятно красивую девятнадцатилетнюю девушку. Вид у неё был испуганный, хотя прошло уже пять дней.

Наша беседа давалась очень тяжело. Я неплохо знал русский и сначала представился. Пытался даже не говорить о деле. Обсуждал её музыкальные таланты, но безрезультатно. Девушка сидела на кровати и смотрела на капли дождя, стекавшие по окну.

«Зверь. Вы всё время говорите про зверя. Что означает «зверь»? Человек или медведь? Или что-то... другое?» – вдруг спросил я, сам не понимая, почему.

Девушка, будто бывшая до этого в небытие, резко развернулась и посмотрела на меня. В её глазах я увидел столько боли. Она почти плакала. Я решил продвигать тему с животным.

«Откуда появился медведь?»

Таня долго смотрела мне в глаза.

«Зверь. Это ведь вы говорили не про него. Верно?»

Девушка кивнула. Это уже было прогрессом.

«Тот парень. Что погиб».

Она снова кивнула. Похоже, ей все вопросы задавали тупо в лоб. А нужно было всего лишь зайти с другого угла. Всем был интересен лишь тот убийца.

«Вы ведь были знакомы?»

Снова кивок головы.

«Вы просто гуляли, и тут появился «зверь»?»

И вот тут она отрицательно замотала головой. Я понял, что могут раскрыться сейчас какие-нибудь подробности.

«Нет. Он появился не сразу... Во всём виноват тот преследователь... Если бы не он...», – наконец заговорила Таня.

Я стал внимательно слушать и даже не шевелился, чтобы не спугнуть свой единственный шанс.

«Мы гуляли... в зоопарке... ночью. Ему нельзя быть на виду у людей. А тут... появился он... всё испортил».

Девушка зарыдала. У неё началась истерика. Остановиться она уже не могла. В комнату вбежали Маркус и её лечащий врач. Мой допрос, к сожалению, был окончен. Доктор заявил, что больше никаких посещений не будет, и завтра утром она улетит. Шанс был упущен. Почему-то я не захотел говорить ничего Маркусу обо всех её словах. Словно никто, кроме меня, не должен их знать.

Мы уже собрались поехать в морг, где всё ещё находились тела убитых парня и медведя (тело животного держали в отдельном месте), как Маркусу позвонили. Это как раз звонили из морга. Тела пропали. Они просто исчезли. Как такое могло случиться, непонятно.

***

Тела действительно пропали. Никаких следов, что они, в принципе, тут были. Ничего. Сам морг ночью был закрыт.

Да и в больнице находилась охрана. Невозможно незаметно пронести тело целого медведя. Маркус остался там. У него теперь была куча проблем. Я же пошёл со своими мыслями куда глаза глядят.

***

Вернулся в тот зоопарк, но он был закрыт. Даже охранника не было. Никого. Странно. Дождь по-прежнему поливал. Настроение было хуже некуда. Я уже понимал, что дело не раскроется никак. Доказательств нет. И я в тупике.

***

Весь вечер сидел над бумагами. Долго штудировал документы про Легкову, но ничего дельного найти не смог. Моё внимание, почему то, привлекла одна фотография с её выступления. Там она с двумя мальчиками, тоже музыкантами. Все они счастливые и улыбаются. С обратной стороны была надпись: «Мои лучшие музыкальные противники: Антон и Рома». Почему-то захотелось узнать что-то про них. Не знаю.

Долго думал, почему пропали тела. Как такое вообще возможно. Рассматривая фото из зоопарка, в голову пришла Элиза Ленс. А её тело не могло так исчезнуть? Правда, я был на похоронах. Но кто скажет с уверенностью, что тело сейчас в могиле. Вот я – нет.

Маркус не звонил. Похоже, дело зашло в тупик окончательно. Скомпоновав всё то, что я получил за это время, вышла такая картина:

«Татьяну Легкову стал преследовать маньяк, убивавший молодых музыкантов. Она сообщила об этом в полицию. Как она это поняла, не знаю. В ночь нападения девушка гуляла в зоопарке с молодым человеком. Тут маньяк и напал. Парень решил защитить девушку от убийцы. Силы были не равны. Тут и появился бурый медведь, а точнее «зверь». Он прогнал убийцу. Правда, его появление послужило смертью как себя, так и того парня. А девушка настолько была шокирована, что до сих пор не могла в себя прийти. Так их и нашли».

Ну что за бред я несу. Следуя моим словам, этот «зверь» появился из того парня. По сути, буквально. Будто его второе «я». Полная чепуха. Но как по-другому объяснить. Таня ведь именно его назвала «зверем». Она знала его секрет. И этот бред может быть логичен, ведь никаких данных о парне не существует. Истерзанное тело когтями – следствие появления медведя. Ещё более интересный вопрос в том, кто воткнул нож ему в шею. Сам парень? Значит, он не сразу умер. Сомневаюсь, что тот убийца или Легкова.

Моя идея была настолько бредовой, что я сам в неё не верил. Но подтвердить даже её не мог. Потерпевшая не смогла ничего сказать и завтра улетает. Тела убитых бесследно пропали. Того маньяка так и не поймали. Вот и всё. Тупик. Все ниточки были аккуратно обрезаны. Словно, кто-то так хорошо постарался. Говорить о своих идеях Маркусу казалось смешным. Я же никогда не верил ни во что сверхъестественное. А тут вдруг. Похоже, у меня появилось второе нерас-

крытое дело.

2 октября

Ночь

Мне позвонил Маркус, когда я спал. Они нашли тело в куче мусора в порту города. Тело принадлежало Даниэлю Ричи. Этот молодой человек в прошлом был музыкантом, но малоизвестным. Всё его тело было истерзано когтями животного. Экспертиза подтвердила, что он умер в тот самый день нападения на Татьяну. Правда было удивительно, что за столько дней тело так хорошо сохранилось и не начало разлагаться. Сомнения отпали полностью, когда сама девушка подтвердила, что это тот самый маньяк. Судя по всему, парень сильно завидовал всем тем музыкантам, которые, когда-то выступая вместе с ним, теперь занимали высокие места и стали знамениты, а он так ничего и не достиг. Вот и начал мстить. Что было удивительно, так это то, как он при таких ранах умудрился настолько далеко уйти от зоопарка.

Маркус был явно счастлив. Но я напомнил ему, что про тела того парня и медведя до сих пор ничего не известно. Но Дэвену было, похоже, плевать. Как и всем. Мальчика, как и животное, нет ни в одной базе данных. Их тела пропали. А сам убийца найден. Поэтому можно и забыть про них. Слова Маркуса приблизительно так и читались. И с ним были согласны другие. По сути, для большинства, дело стало закрытым. Оставались лишь формальности. Я был удивлён таким их решением. Но при нынешних обстоятельствах, это был

единственный вариант. Лучше так, чем ничего.

Утро

Мы с Маркусом прибыли в аэропорт, чтобы проводить Татьяну. Сегодня снова стояла прекрасная погода. Ярко светило солнце. Будто город хотел, чтобы у девушки остались хоть какие-то хорошие воспоминания об этом месте.

Таня действительно выглядела чуть лучше. Новость о том, что убийца мёртв, придала ей сил. Она даже пару раз улыбнулась. Летела девушка вместе с врачом, который будет с ней, пока та не окажется дома. Я стоял немного поодаль, чувствуя, что не имею особого отношения ко всему этому. Но ко мне она тоже подошла, в самую последнюю очередь. Мы пожали друг другу руки, и, вдруг, она резко подвинулась ко мне и прошептала на ухо: «Он ещё жив. Зверя нельзя убить просто так. Ему можно ещё помочь». После этого она резко развернулась и пошла садиться в самолёт. Я же стоял как вкопанный. Почему она сказала это именно мне? Почему?

***

Я уже купил себе билеты на самолёт на завтра. У меня было несколько писем для новых расследований. Мы с Маркусом сидели и пили кофе. Это дело действительно закрывали. Главная его часть была раскрыта, а вот побочную решили особо не трогать. Понятное дело, что кто-то ещё повозится с этой историей, но уже не с таким энтузиазмом. Убийца найден, а это самое главное. Маркус поблагодарил меня за помощь, хотя ведь я так ничем и не помог. Но он всегда

так делал. А я впервые чувствовал себя таким бесполезным и беспомощным. Полным нулём.

3 октября

Я сидел в зале ожидания аэропорта. Скоро должен был быть мой самолёт. Рядом лежал портфель, по-прежнему заполненный бумагами по прошлому делу. Не знаю, почему, но вчерашние слова девушки заставляли меня снова и снова углубляться в это расследование. Но ничего я там не находил. Это как с тем делом Джека Ленса. Тупик и всё.

Правда одна статья меня очень сильно заинтересовала. Про одного из тех мальчиков, где они были на фотографии с Татьяной. Роман Кижич. Мне его история показалась странной. В частности, его биография. Столько совпадений, тяжёлых моментов, ну и особенно конец его истории. «Неужели так бывает?» Почему-то мне казалось, что здесь тоже не всё чисто, хотя по фактам разложено логично. Смущала история. Не бывает таких совпадений всего. А ведь этот Рома был знаком с Таней, у которой тоже произошли странные события. Мистика прямо какая-то.

Я сидел и снова перечитывал это всё. Мне было очень интересно. Настолько увлёкшись, даже не заметил, что рядом со мной кто-то сел.

«Очень интересная история», – вдруг раздалось за моим ухом.

Я страшно перепугался. Рядом со мной сидел старик лет шестидесяти и тоже внимательно читал.

«Вас не учили, что так делать неприлично», – сказал я.

«Извините, не хотел вас испугать».

На вид обычный старик. Одет средне. Тёмно-синий пиджак и брюки. Правда, сильно потрёпанные. Но по-настоящему я удивился, взглянув ему в лицо. Его плохо уложенные седые волосы и густая борода не дали сразу разглядеть глаза. А точнее один глаз. Левый. Он был ненастоящий. Какой-то протез. Зрачок вращался совершенно хаотично, что даже становилось немного страшно. Что-то меня начало отпугивать от этого старика.

«Это сказку какую-то вы читаете?» – спросил он.

«Нет. Это реальная биография».

«Странная биография. Столько совпадений».

«Что вы хотите этим сказать?» – спросил я, недоумевая, что он говорит моими же словами.

«Ну, мне кажется, что тут не всё просто. Будто в этой истории присутствует ещё одна сторона. Слишком нереальная история. Подумайте над этим», – и, улыбнувшись, старик встал.

Я сидел в полном недоумении, не понимая, что сейчас произошло. Что за полоумный старикан с вращающимся глазом говорил мне сейчас?

«А вы что-то хотели, раз подсаживались ко мне?» – крикнул я ему вслед.

Старик обернулся и строго посмотрел на меня.

«Я ищу человека. Думал, это вы. Но, нет. Просто мне нуж-

но отдать этот чемодан. А я всё не могу его найти», – вздохнув, старик развернулся и пошёл дальше.

Только тогда я заметил, что тот несёт чемодан. Очень такой массивный. В форме вытянутого параллелепипеда. Скорей всего, даже стальной. Серебристого цвета. Он был таких размеров, что в нём могла поместиться человеческая голова... Почему я подумал именно об этом? О голове? Глядя на этот чемодан, первое, что пришло мне, это мысль о человеческой голове. Видимо, я совсем заработался. А старик ушёл. Я ещё долго глядел ему вслед.

Зеркало

15 декабря

Яркие лучи солнца слепили мне глаза. Но отворачиваться не хотелось, так как лицо обволакивала нежная теплота. Вокруг царила невероятная красота. Я сидел на небольшом холме, полностью покрытом снегом. Совершенно белым. А лучи солнца заставляли его сверкать. И я сидел в центре этой самой красоты. Голубое небо, и летающие в высоте птицы. Всего в нескольких десятках метров начинался крутой обрыв. Причём, из-за яркого снега его можно было не сразу заметить и угодить в бездну, из которой никто никогда не вернётся. Чуть разряженный воздух придавал дыханию какой-то притягательный оттенок. Удавалось прочувствовать по-настоящему всю жизнь на такой высоте. Я словно очищался от всего плохого, и как новорождённый сидел и смотрел на всю эту красоту. Невероятное чувство.

Больница святого Лоренцо находилась на высоте девяти-сот метров над уровнем моря. Альпы окружали это место со всех сторон. Красота неопишуемая. Сотни белоснежных шапок, словно сотни стражей, закрывали от людских глаз это место. Я впервые был в Швейцарии. И вот, сразу, в таком месте. Невозможно оторвать взгляд. Даже сама больница в её белоснежном виде великолепно вписывалась в здешний пейзаж. Основное трёхэтажное здание с тремя большими корпу-

сами впечатляли. Больнице уже было более шестидесяти лет. Для удобства людей, чтобы не выходить в такую погоду на улицу, соорудили стеклянные переходы между корпусами.

Я уже около двух недель ничего не писал сюда. И причина проста: работы не было совершенно. А тупо описывать свои путешествия по городам не хотелось. И тут, на днях, поступил звонок от мужчины. Он заявил о пропаже мальчика, его сына. И последний раз его видели именно в этой больнице. Казалось бы, обычная история. Ребёнок сбежал из семьи. Но всё оказалось не так просто.

Итак. Роберт Шекли – англичанин, проживающий в городе Берне в Швейцарии. У него есть сын Том, который пропал две недели назад. И вот ему сообщили о том, что видели паренька в больнице святого Лоренцо. До этого полиция безуспешно искала мальчика. Как тринадцатилетнему ребёнку удалось так легко скрываться, непонятно. Отец не понимал, почему тот убежал. У них были прекрасные отношения. Хотя (по его словам) Том стал себя вести странно, говорить всякие глупости. Мальчик всё время спрашивал про своего брата. Брата-близнеца. Но Роберт не понимал его, так как Том был единственным ребёнком в семье. Меня и заинтересовала этим история.

Позавтракав в трактирчике в небольшой деревне, находящийся чуть ниже больницы, я поднялся к нужному месту. И, засмотревшись на чудесную природу вокруг, уселся прямо на снег. Сам Роберт должен был приехать чуть позже, поэто-

му я и не торопился в больницу.

Каменистая дорога сюда была частично засыпана снегом. Последнее время не часто приезжали посетители. А из ответов жителей ближайшей деревушки я понял, что теперь, в принципе, редко заезжают. Привозят пациента и больше не появляются. Больница святого Лоренцо – место для душевнобольных и психически неуравновешенных людей, у которых практически нет шансов вернуться к нормальной жизни. Видимо поэтому родственники не посещают их.

Кажется странным, почему мальчика видели именно тут. Но, как оказалось, это не было случайностью. Здесь лежала его мать и жена Роберта. Эмма. Женщина стала странно себя вести после рождения Тома. Она говорила, что видит каких-то призраков и ей во снах кто-то является. Сначала такие случаи были редки, но через девять лет они стали ежедневными. Крики, срывы, драки с мужем. Роберт не понимал, что с его любимой. Том тоже стал пугаться мать. Врачи ничего не могли сделать, и в итоге решили отправить её в больницу святого Лоренцо. Со временем, там, Эмма стала более спокойной, но не здоровой. А через некоторое время она даже перестала узнавать своего сына, говоря, что это не он. Три месяца назад её нашли мёртвой в своей палате. Задушенной. Как это произошло – так и осталось загадкой. Ведь никого в палату не пускали. Проверка среди медперсонала не привела к успеху. А это стало ударом для Роберта и Тома. Вот поэтому я сидел на снегу и ждал, когда приедет мой

наниматель. Хотелось лучше его расспросить о жене и сыне. Я взглянул на ближайший западный корпус больницы. Он был единственным обветшалым. Слово за ним и не следили. Треснутая штукатурка, выцветшая краска. Может там и не живёт никто? Корпус находился прямо перед обрывом. Всего десяток метров и бездна. И тут я заметил странное. На последнем этаже со стороны обрыва не было большей части стены. Тряпками и досками была закрыта дыра. Со всех сторон от неё по стене шли чёрные полосы. Слово там произошёл какой-то взрыв. Нужно посетить это место. Определённо.

***

В холле главного корпуса меня встретил местный медбрат-швейцар. Он проводил до стойки регистрации и попросил подождать. Больница не выглядела как-то необычно. Всё чисто и бело. Кроме медсестры у стойки, вокруг никого не было. Даже криков или голосов не доносилось с разных сторон. Со слов медсестры, сейчас в главном корпусе мало проживающих, да и те совершенно спокойные. Многие врачи в отпусках, поэтому так и тихо. Вернулся швейцар и сообщил, что моя комната готова. На первом этаже одно крыло отдавалось под посетителей. Я и не сомневался, что буду тут один. Где-то, через полчаса зашла медсестра и сказала, что главный врач больницы может меня принять. В этот момент мне позвонили. Это был Роберт. Почему-то голос его дрожал. Я почувствовал неладное. Он сказал, что не сможет приехать

из-за срочных дел на работе. При этом надеется, что я смогу найти его сына или какие-то следы. Вот и всё. У меня совершенно не вязался этот звонок. У мужчины пропал сын, он просит его найти. И вдруг, не может приехать, говоря, что дела. Какого чёрта? У него пропал сын.

Я до сих пор не мог этого понять. Пришлось идти к главному врачу одному. Его кабинет находился также на первом этаже, но в другом крыле. На своём пути я практически никого не встретил. Палат не было. На первом этаже находились только крупные помещения, как столовая, процедурная, зона культурного отдыха. Мне не совсем нравилось это место.

Главного врача звали Валентино Рокки. Статный итальянец сорока лет. Его кабинет выглядел богато. Он сильно торопился, так как ему нужно было уезжать на какой-то семинар в Цюрих. Поэтому времени он мне выделил немного. Я сразу преступил к главным вопросам.

Мальчика действительно тут видели. Но сначала никто не придал этому значения. Думали, что посетитель. Он всё время спрашивал про своего брата. А когда действительно обратили на него внимание, он пропал. В последний раз его видели в западном корпусе. Полиция уже тут была, но никого не нашла. Один санитар говорил, что видел, как кто-то убегал в близлежащий лес. Но и там поиски ни к чему не привели. Я был удивлён такой безалаберности персонала. Но Валентино пояснил, что уже многие годы больница не имеет своей актуальности. Пациентов становится всё меньше, де-

нег тоже (хотя его кабинет дорогой). Вот никому особо и нет дела до какого-то мальчика. Это меня поражало, но я продолжил задавать вопросы.

Мать Тома действительно лежала в этой больнице. В том странном западном корпусе. Привезли её в плохом состоянии. Женщина ничего не соображала и ужасно бредила. После многих процедур и правильной системы отдыха она стала себя вести более адекватно. Но месяца четыре назад её старое состояние вернулось. Словно лечение было ширмой, а внутри ничего не изменилось. Эмма твердила, что её сын потерялся. А когда приехал Том с отцом, она не узнала его. Сказала, что у неё другой сын. После этого посещения прекратились. Врачи пытались что-то сделать, но безуспешно. При этом женщина всё время стремилась в одну палату на третьем этаже. Ту самую, разрушенную. По её словам, именно там находится сын вместе с человеком, являющимся во снах, либо в виде призрака. Как она умерла, никто не понимает. В палате никого не было кроме неё. До сих пор загадка, как женщина оказалась задушенной.

Меня очень заинтересовала та палата. Валентино сразу заявил, что она проклята. На полном серьёзе. В таком состоянии палата находится уже почти сорок лет. Никто в неё не заходит. Сам Валентино уже плохо помнит историю, но в семидесятых годах там содержали трёх опасных убийц. Их посчитали психами и отправили сюда. Через несколько дней произошёл взрыв, разнеся наружную часть стены. Причём

внутри палаты ничего не пострадало. Тех троих не нашли. Ни следа. Но, самое страшное случилось позже с персоналом и полицейскими. Все те, кто были в той палате, стали сходить с ума, а потом и совершали самоубийства. Они со страхом говорили о том, что там видели. В общей сложности умерло пятнадцать человек. И это не считая восьмерых, умерших в течение года в ближайшем лесу. Почему они там оказались, и кто их убил, неясно. Также погибали и животные. Неестественной смертью. Была ли тут связь, неясно. Правда, потом это резко прекратилось.

Валентино посоветовал мне поискать в архиве информацию (если её ещё не убрали за давностью лет) или поговорить с медсестрой Розеттой (она следила за архивом). Завтра её смена, и она единственная свидетельница тех событий. После этого Рокки попрощался со мной, торопясь на семинар. Пожелал мне удачи в расследовании.

Я был до сих пор удивлён, что два человека, которые должны быть больше всех заинтересованы в этом деле, не присутствуют в больнице. Странно.

Пока у меня ничего не было в плане зацепок. Свои расследования решил отложить до утра. Завтра уже посетить палату матери Тома, проклятую палату и поговорить с Розеттой. Всё завтра. А сейчас ужин.

***

Здесь, в горах, невероятная ночь. Она словно не из этого мира. Я впервые видел такое небо. Казалось, что этот небо-

свод увеличился в размерах и удалился от меня. При этом земля под ногами уменьшилась. Вот-вот, и небо упадёт на меня. Невероятно чёрное и с тысячами звёзд. Я сидел на заднем дворе главного корпуса, попивая виски. Сна не было. За забором шумел густой хвойный лес. В лёгкой курточке холода не чувствовалось, несмотря на зимнюю ночь.

Я не понимал, что тут делаю. Казалось, что только мне нужно найти мальчика. И никому больше. Даже собственно-му отцу. Снова просыпалось чувство, что это может быть новое, нераскрытое дело.

Мысли были прерваны шумом. Он доносился со стороны леса. Затем тишина. Я подумал, что это разыгралось воображение, но нет. Через минуту сильный треск, а затем донеслись крики. Женские крики. Откуда-то из глубины. Я поднялся на ноги, подошёл к забору. Ничего разглядеть не мог. Само собой, из больницы никто этого не услышал. Ни в одном из корпусов не горел свет. Снова крик. Я достал из-за пазухи нож и открыл дверь в заборе. Не знаю, зачем, но решил проверить. Сердце бешено стучало. В такую ночь лес виделся пугающим. Я включил маленький карманный фонарь и вошёл в его владения.

В лесу, на удивление, было мало снега. Местами проглядывала мёрзлая земля. Никаких звуков и криков больше не слышалось. Полная тишина. Лишь мои шаги разбавляли её. Я решил пройти немного вперёд, но не больше, боясь заблудиться. Всё время казалось, что за мной кто-то наблюдает.

Прошагав ещё пару минут и ничего не найдя, я хотел уже повернуть обратно, но вдруг заметил что-то на земле. Светящиеся. Это был большой осколок. Просто стекло. Не веря ни в какие суеверия, я поднял его и посмотрел. Ничего необычного. Так было моё отражение. Казалось бы. Но нет... Там я улыбался... А на самом деле нет. Страх огромными волнами прокатился с головы до пят. Такое же невозможно. Я не улыбался. От ужаса бросил осколок на землю. В этот момент что-то загудело. Гул стоял по всему лесу. И с каждой секундой увеличивался. У меня началась паника, и я побежал назад. Ни разу не обернулся. Только забежав за забор, посмотрел назад. Ничего не изменилось. Лес был таким же. Может это разыгралось моё воображение? Надо меньше пить? Чуть успокоившись, я пошёл к двери в здание. Заходя внутрь, мне послышалось, что со стороны леса кто-то тихо захихикал.

16 декабря

Спал долго. Проснулся ближе к обеду. Голова гудела. Мой завтрак давно уже стоял на столе. Только немного перекусив, я почувствовал небольшое облегчение. Вчерашний вечер был в моей голове словно дымка. Почему-то совсем не хотелось вспоминать о том, что произошло в лесу. Нужно было продолжать расследование. Первым делом я решил посетить западный корпус. На входе меня встретила милая медсестра, которая сегодня там дежурила. Она предложила мне всё показать.

Сейчас в этом здании меньше половины палат заняты па-

циентами. Мало кто любит посещать здесь своих родственников. Да и многие из персонала не хотят здесь находиться в принципе. Пока мы шли по коридорам больницы, медсестра не умолкала. Именно она последней видела мальчика. Он стоял напротив палаты, где раньше лежала его мать. Том спросил у неё про своего брата, и в какой палате он находится. Девушка попросила его подождать, а сама побежала на второй этаж к дежурному врачу. Вернувшись назад, мальчика не обнаружили. Он исчез. По лестнице спуск с третьего этажа только один. И медсестра стояла в коридоре так, что лестницу было видно. Никто не спускался. А значит, он был всё ещё там. Обыскали все палаты, но никого не нашли. Все. Кроме одной. Проклятой. В неё так никто и не решился заходить. Единственным вариантом было то, что мальчик зашёл именно туда. Даже приехавшие полицейские не рискнули. Я был поражён этим. Неужели история об этой палате настолько сильна, что в неё верят все? Невероятно.

На третьем этаже было ужасно тихо. Свет от ламп слабо мерцал. В данный момент тут никто не лежал. Угнетение. Дискомфорт. Спёртый воздух. Мне было тут не по себе. Я сразу увидел дверь в ту самую палату. Она сильно отличалась от других. Везде стояли пластиковые, и лишь эта была деревянной. Краска отошла. Девушка даже не взглянула на неё. Сначала я решил зайти в ту палату, где раньше держали Эмму. Ничего необычного там не было. Тем более, с того времени, как женщина умерла, здесь проводили уборку.

Медсестра по поводу той смерти ничего сказать не могла. Я обрыскал всю палату, но ничего не нашёл, кроме одного. За маленьким шкафчиком, на стене, была нацарапана надпись. Она отчётливо читалась. «Он сказал, что завтра придёт в последний раз. Моего сына не найти. Его память в другой реальности и в другом времени. Роджер, прошу, помоги». Почему эту запись не закрасили, медсестра не знала. Я записал на листке. Кто такой Роджер, не знал. По словам девушки, официально признали, что Эмму задушили, но убийцы не было. Следы на шее точно не её самой. Но в палату дверь была закрыта. По камерам, которые были в коридорах, также не смогли никого найти. Хотя, девушка сказала, что кто-то спрашивал про Эмму за день до смерти. Кто-то приходил навестить. Неизвестный. Но нужно смотреть по журналу. Она точно не помнила. Убедившись, что больше ничего тут не найду, я вышел. Теперь собирался войти в ту проклятую палату. Как не пыталась медсестра меня отговорить, ничего не получилось. Сама она точно туда не собиралась, да и вообще ей уже тут становилось дурно. Сказала, что будет ждать меня внизу у стойки регистрации и надеется на моё возвращение в целости. Я подошёл к палате. На двери не было даже номера. Холодок прошёлся по телу. Я дёрнул за ручку двери.

***

Деревянная дверь открылась с противным скрипом. В нос ударил запах сырости. Дышать очень тяжело. В палате света практически не было. Электричество давно отключили, а

там, где должны находиться два больших окна, теперь зияла огромная дыра, заколоченная досками и покрытая изрядно потрёпанной тканью. Слабые лучики солнца кое-как проникали внутрь. По этим тоненьким полоскам света бегали частички пыли, которой тут было невероятно много. В комнате не заходили уже, наверное, несколько десятков лет. При этом дверь ни разу не заперли. Что удивительно, не было никакой растительности, да и деревянный пол не прогнил. За такое-то количество времени должно было быть совсем плохое состояние. Но, словно по мановению волшебной палочки, время тут остановилось уже очень давно, не давая природе завладеть этим местом. Очень и очень странно. Глаза немного привыкли к такой обстановке. Это была трёхместная палата больших размеров. Три кровати стояли у дальней правой стены. Между ними находились маленькие тумбочки, на которых, до сих пор, лежала посуда. Большой стол со стульями были в другом углу, прямо перед входом в палату. Посередине комнаты стояло что-то (видимо, зеркало), закрытое тряпкой. Весь пол усыпан осколками стекла, бумажным мусором, странными колбами. Ходить нужно очень осторожно. Я достал карманный фонарик, чтобы лучше всё разглядеть. Состояние у меня, почему то, было паническое. Атмосфера помещения прямо так и давила. На полу были рисунки, но разглядеть под таким слоем пыли невозможно. Я осветил на дыру в стене. По её краям, со всех сторон, шли чёрные полосы и пятна. Он чего именно мог произойти та-

кой взрыв, понять не мог. При этом внутри палаты ведь ничего не пострадало. Тут я окинул своим взглядом противоположную стену. Вот здесь уже можно было всё разглядеть. Сотни рисунков, надписей. Сразу бросались в глаза шесть больших фигур, самых чётких. Шесть кругов, разбросанных по стене. Внутри них красовались различные узоры, а в центре каждого находился своего рода маленький круг или камень. Причём, именно они были окрашены цветными мелками. Два красных, два зелёных, два синих. Я стал водить по стене фонарём дальше. Было много каких-то непонятных формул, которые я никогда не видел. Рисунки с животными. Особенно часто с людьми вместе. Словно их скрещивали. У меня в голове сразу пронеслись два те странных дела. Много рисунков и слов ну, никак не связанных между собой. Посередине стены я заметил надпись: «Реальность может обмануть тебя, время может не вернуть тебя, память может забыть тебя». Почему-то эта фраза более других выделялась. Под ней, правда, менее заметно, была ещё одна: «К нам спустились осколки неба, теперь они хранятся у нас. Мы властелины неба. Мы владельцы всех миров». У самых ног, в левом углу стены я заметил ещё одну выделяющуюся фразу. Там были чьи-то имена. Я внимательно посветил. «Память – Мика Бровин, Реальность – Бранн Кёниг, Время – Роджер Бриг». Эти имена людей, мне ни о чём не говорили, но запомнить их нужно было. Скорей всего, это и есть пациенты этой палаты.

Шагая назад, я не заметил, что наступил на тряпку. Та спала с зеркала. В мощной деревянной раме оно выглядело солидно. Я, почему-то, боялся заглянуть в него. Что-то меня останавливало. Было страшно. Мне, в принципе, находиться здесь не по себе. Я заметил, что в самом низу зеркала не хватало кусочка. И тут вспомнил, что именно такой формы осколок был вчера мной найден в лесу. По всему телу побежал холодок. Теперь ещё больше не хотелось туда заглядывать. Но любопытство пересилило.

Я часто видел в фильмах, что человек от страха не может кричать. Правда, никогда не верил в это. И вот, я стоял с открытым ртом, а звука крика не было. Всё тело онемело. В зеркале отражался не я. А мальчик. Он улыбался мне, а я просто ничего не мог сделать.

«Привет», – он поднял руку и поздоровался.

Я слышал его голос, он отчётливо отдавался в моей голове. Ни с того, ни с сего моя рука поднялась на его приветствие. Всё тело трясло, а рот в страшной форме открыт от ужаса. Этот мальчик как две капли воды был похож на Тома.

«Ты Том?» – кое-как выдавил я. Слова отдались эхом, от этого стало ещё страшнее.

«Нет, я Билли. Брат Тома».

«Бил...Билли? Брат? У него есть брат?»

«Конечно. Я его брат-близнец. Правда, мы давно уже не виделись. Я...не могу выбраться отсюда».

В этот момент зеркало начало пошатываться. Изображе-

ние мальчика стало размываться. Появились чёрные помехи.

«Ну вот, опять...», – сказал Билли и исчез из зеркала.

Началось гудение по всей палате. Как в лесу. Моя голова стала раскалываться. Тело снова могло двигаться. Я, не раздумывая, побежал к выходу. Казалось, что в моей голове стали разговаривать чьи-то голоса. Как только я выбежал из палаты и закрыл дверь, всё прекратилось.

***

Медсестра страшно испугалась, увидев такое моё выражение лица, хотя она и была счастлива, что я жив. Меня до сих пор трясло. Она даже не пыталась расспросить о случившемся. Я и сам не горел желанием. Мы отправились вместе на обед. Всю дорогу девушка смотрела на меня, видимо, ожидая, что я начну сходить с ума. Мы пошли в главный корпус. Там находилось две столовых. Отдельная для персонала, отдельная для самых спокойных больных. Врачи считали такое хорошей терапией. Еда немного успокоила. Мандраж прошёл. Медсестра хотела спросить, что там видел, но я только помотал головой. Больше у неё попыток не было. Пообедав, я спросил, где находится архив. Девушка предложила проводить, но мне хотелось пройти одному. Нужно успокоиться. Мне было дико осознавать, что тут, вокруг, творится такая чертовщина, а люди вокруг работают, лечатся. И словно бы не замечают всего этого. Или я один такой всё вижу?

Восточный корпус был самым беспокойным. Персонал бежал туда-сюда, больные кричали на всех этажах. Ужасная су-

матоха. Разница с другими корпусами колоссальная. Было даже удивительно, что именно здесь находится архив, хоть он и был под землёй. В самом конце первого этажа лестница вела вниз. Спустившись, я даже удивился полной тишине. Стены защищали архив ото всех шумов, доносившихся сверху. Сотни длинных и высоких стеллажей окружали меня со всех сторон. Я заметил, как за столом, попивая чай, сидит милая старушка.

«Извините, вы Розетта?»

Оторвавшись от книжки и чая, она посмотрела на меня. Её улыбка словно осветила весь зал.

«Чем могу помочь вам, молодой человек?»

Документов о событиях в той проклятой палате в архиве уже не было. Я объяснил свою ситуацию. Старушка долго глядела на меня.

«Вряд ли вы уже сможете найти Тома».

«Почему?»

«Он теперь, как и Билли, проклят той палатой».

«Билли? Так у него действительно есть брат? Брат-близнец?»

«Конечно. Вы знаете, меня и так, после того случая, считают сумасшедшей. Все словно бы забыли про мальчика, а я одна помню. Даже родные отец и брат. Будто Билли и не существовало. Он и его мать, Эмма, вместе поступили в больницу. Я тогда совмещала работу в архиве и дежурной в западном корпусе. У мальчика было такое же заболевание, что

и у матери, правда, чуть слабее. Их поселили в одну палату, разделив на две части. Больше трёх лет шло лечение, а затем Билли пропал. Каким образом он исчез из закрытой комнаты, неясно. Ведь даже окна были с решётками. И после этого о нём все забыли. Абсолютно все. А Эмма помнила. Иногда путала Тома с ним. Мне же никто не верил».

Я бы, конечно, посмеялся над этой историей, но после всего того, что случилось за эти два дня, сомневаться не было причин.

«А почему только вы помните об этом? Это странно».

«Если честно, не знаю. Думаю, это как-то связано с проклятой палатой 313. Я была там один раз и не сошла с ума после этого».

«А что же с Томом произошло?»

«Скорей всего, он вспомнил про брата и решил его найти. Я не видела его здесь, только слышала от коллег. Возможно, он зашёл в ту палату и уже не вышел. Вам его не найти. Так же, как и Тома. Они связаны, не зря же братья».

«Но почему? Зачем? Какая связь между ними и той палатой?»

«Кто его знает. Насколько помню, их матери часто приходил в видениях некий Роджер. Человек с таким именем лежал в той палате. Возможно, это лишь мои бредни, но всё-таки. А мальчиков больше нет, по крайней мере, здесь. Может, они и живы».

Я пытался связать всё произошедшее, но ничего не выхо-

дило. Голова шла кругом. Опять непонятная мистика творилась вокруг.

«А что же их мать? Почему и как она умерла?» – мне казалось, что эта старушка знает всё.

«Подожди минутку», – та сорвалась с места и пошла что-то искать на стеллажах.

Вернулась с толстым потрёпанным журналом. Положила на стол и долго что-то там искала.

«Вот, запись посещения. За день до её смерти. К ней кто-то приходил, но фамилия хорошо зачёркнута. Кто это сделал, не знаю. И я видела в тот день высокого мужчину средних лет в длинном чёрном плаще и шляпе. Его холодный мёртвый взгляд никогда не забуду. Причём, точно помню, что этот человек приходил уже. Был много-много лет назад. Но я никогда не видела, чтобы он уходил из больницы. Как человек мог через несколько десятков лет в таком же виде и возрасте явиться снова сюда, для меня загадка. И я точно уверена, что это был один и тот же мужчина. Мне точно не померещилось».

«Вы считаете, что это он во всём виноват?»

«Не знаю. Но очень странно. Думаю, он как-то связан с той палатой».

«Можете мне всё рассказать, что знаете о тех событиях сорокалетней давности?»

(далее будет почти дословный рассказ Розетты о произошедшем; старался ничего не пропустить)

***

Это случилось в 1976 году. Тогда наша больница святого Лоренцо процветала. Мы были известны во всём мире. Всех самых сложных пациентов везли к нам. Я перевелась из Цюриха сюда. Пошла на, что называется, повышение. Именно тогда к нам привезли трёх серийных убийц. На их счету было около тридцати или сорока жертв. Суд всех признал психически неуравновешенными, хотя многие в это не верили. Ходили слухи, что кто-то смог добиться этого, чтобы их не посадили. Я была поражена, что таких опасных людей привезли сюда, а охрана состояла всего из двух человек. Один охранял вход в палату, другой патрулировал территорию вокруг больницы. На окна поставили решётки. Раньше сюда никогда не привозили таких пациентов. Совсем ещё молодые ребята. Всем где-то лет двадцать. Роджер Бриг, Бранн Кёниг, Мика Бровин. Никогда бы не подумала, что они убийцы. Главарь банды – Роджер. Половина убийств за ним. Невысокого роста, короткие чёрные волосы, худенький. Был приветлив и улыбался. Самый разговорчивый из них. Бранн более спокойный. Крепкий, высокий, с длинными волосами. Полная противоположность Роджеру. А Мика – красавица. Брюнетка с голубыми глазами. Прекрасная фигура, прекрасные манеры. Вели они себя очень спокойно. Но всё изменилось дня через три или четыре. К ним пришёл посетитель. Тот мужчина в плаще. В том же возрасте, что и сейчас. Я не видела, как он ушёл, но точно помню, что в журнале его фамилия

была, а потом стала перечёркнутой. Полиция вообще говорила, что никто преступников не посещал, а тот мужчина был их человеком. Их словам верилось с трудом. Этот странный тип тогда представился, но я уже забыла его имя. После этого стало твориться что-то невообразимое. В лесу несколько раз нашли тела мёртвых животных. Некоторые, умирая, подходили к больнице. Никто не понимал, по какой причине. Затем, в течение трёх дней пропало три человека. Два пациента и один из медперсонала. При том, что убийцы вообще не выходили из палаты, кроме туалета и душа, и то под охраной. Позже тела пропавших находили в лесу. Рядом с каждым обязательно лежало мёртвое тело животного. Палата 313 была осмотрена полностью, но там ничего не нашли. А затем этот человек пришёл снова. Я до сих пор помню его улыбку. Хотя, потом мы смотрели камеры наблюдения, но на них этого человека не было. Мистика, да и только. А на следующий день произошёл взрыв. Было страшно. Как они его организовали, не знаю. Все те надписи и рисунки появились за ночь. Но ещё более странное – зеркало. Там его никогда не было. А вокруг ни следа крови, ничего. Все трое испарились. Тела животных и людей находили ещё неделю. Поначалу с людьми, которые после взрыва посещали палату, было всё нормально. А затем они стали сходить с ума и бредить. Все твердили, что видели что-то страшное в зеркале и слышали голоса. В итоге, они совершили самоубийство. Пятнадцать человек умерло после нахождения в палате, восемь тел

нашли в лесу. Дыру в стене закрыли, а в 313 комнату никто больше не заходил. Так эта палата стала страшной легендой.

***

После всего услышанного я сидел в полном недоумении. Весь рассказ казался мне нелепой байкой, бредом старушки, но я верил.

«Я сегодня смотрел в это зеркало. Меня ждёт такая же участь?»

«Не думаю. Через несколько лет я решила войти в палату и посмотрела. Как видишь, до сих пор, жива».

«И вы единственная здесь, кто помнит о Билли Шекли. Это очень странно, не так ли. Словно всем стёрли память, а про вас забыли».

«Я понимаю, что кажется странным, но так всё и есть. У меня имеется одна версия. Тогда я смотрела в частично разбитое зеркало. У него снизу не хватало куска. Возможно, это как-то повлияло. Из-за этого моя память не изменилась в будущем, и я не сошла с ума. И ты тоже ведь смотрел в такое зеркало?»

«Да, так и есть. А что вы видели в отражении?»

«Вроде бы себя. Хотя...какой-то силуэт витал там, но словно пелена стояла в тот момент перед глазами».

«А не знаете, почему не хватает части зеркала, куда она могла деться?»

«Без понятия. Никто из персонала или больных не заходил больше в палату. Кому в принципе придёт в голову такое

делать. Да и так сломать зеркало, это надо уметь ещё».

Я, почему то, не стал говорить ей о своём походе в лесу. Не хотел делиться. Ещё несколько минут мы общались. Я спрашивал про больницу. Ничего более существенного не узнал. Допив чай, я попрощался. Розетта пожелала мне удачи во всём. У неё был очень грустный взгляд.

«Вы знаете, у меня такое чувство, что я специально тут находилась столько лет, чтобы в один прекрасный день рассказать всё это кому-то. И этим человеком оказались вы. И будто теперь мне ничего и не надо более».

«Ну что вы такое говорите, Розетта. Глупости. Всё будет хорошо».

В этот момент в архив спустились две медсестры, и я решил уйти. Отправился в свою комнату. Голова просто разрывалась. Я не мог понять, правда ли всё это или просто чья-то фантазия. За окном уже темнело. Зайдя внутрь, я почувствовал дикую усталость. Упав на кровать, сразу же уснул. Всю ночь мне снились кошмары.

17 декабря

Меня разбудил звонок телефона. Я сначала долго не мог сообразить, что это за женский голос со мной разговаривает. Оказалось, это была двоюродная сестра Роберта Шекли, Мера. Голос дрожал, чувствовалась, что сейчас заплачет. Она сообщила, что этой ночью её брат погиб в автокатастрофе. Я долго не мог поверить этим словам. Никаких подробностей она не уточнила, но сказала, что теперь моё дело закрывает-

ся. Мне будут выплачены все деньги, а расследование можно больше не проводить. Ей самой сейчас не до этого. Потом она положила трубку. Я сидел в полном ступоре. Казалось очень странным, что отец, вдруг, не смог приехать туда, где возможно, в последний раз видели его сына. А потом, через сутки, он погибает. А у меня очередное нераскрытое дело. Ещё его и остановили так неожиданно.

В полном замешательстве я вышел из комнаты. Только в этот момент понял, как вокруг всё шумит. Народ носился то тут, то там. Я заметил среди пробежавших медсестру из западного корпуса.

«Вы что, ещё не слышали. Розетта. Она умерла. Сердце остановилось», – ответила она на мой вопрос и побежала дальше.

Это был последний удар. Все вокруг суетились, а я, как полный debil, стоял. Стоял и не мог понять. Моей злобе не было предела.

«Да что за херня тут творится!!!» – что есть силы, закричал.

Все на секунду замерли и посмотрели на меня. Но лишь на секунду. Потом уже никто внимания не обращал. А я продолжал стоять.

***

Темнело. Я сидел в баре в деревушке чуть ниже больницы. Хотелось сильно напиться. Больше ничего не хотелось. Стало легче, как я покинул стены этого заведения. Си-

дя за столом один и попивая пиво, я всё ещё крутил в голове все произошедшие события. Исчезновение мальчика, страшный лес, проклятая палата. Клубок запутался до невероятных размеров. Дело Джека Ленса, его жены, из ниоткуда взявшаяся его сводная сестра, непонятная история со зверем и неизвестным парнем, странная смерть друга потерпевшей. И теперь вот это. А ещё из головы не выходил старик, тогда, в аэропорту. У меня нет сомнений. Это всё как-то связано. Но как? Может быть, те три убийцы и породили цепочку событий? Но почему? И зачем? А всех свидетелей убирают, убивают, меняют память. Хрен знает, что происходит. Кто-то определённо не хочет, чтобы всё это вскрылось.

После нескольких часов распития, я совсем опьянел. Нужно было подышать воздухом. Выйдя на улицу, я почувствовал приятное зимнее дыхание. В деревне стояла тишина. Я поднял глаза к небу. Тысячи звёзд создавали там нечто невероятное. Я не мог оторвать глаз от этой красоты. Невероятной красоты. Хоть что-то оставалось неизменным и по-настоящему прекрасным. Волшебно.

Важное решение

Брайн Даллас

Дневник мыслей (Пятая часть)

17 июля

Ломит спину. Я вообще не люблю промозглую погоду. Когда приходится очень долго ходить под дождём или просто в сырости, я чувствую себя стариком. Всё тело после этого болит. А ведь сейчас середина лета, а такое чувство, что осень уже захватила эту землю. А вот в Нью-Йорке сейчас +28 и ни облачка. Шикарно. И зачем я только согласился на очередные дела в Европе. Мне и дома неплохо сиделось. Да, дел там поменьше было за последний месяц, чем то, что накинули здесь, но. Там ведь тепло.

Я давно ничего не писал. Собственно, не о чем было. Дела раскрывались, но чего-то такого интересного, чтобы я мог занести сюда, не случилось. Да и сейчас я пишу лишь потому, что скучно. Сегодня у моего младшего брата день рождения. Позвонил, поздравил. Он стал намного серьёзней во многих аспектах. Я этому рад. Девушка появилась. Эх. А я вот всё бегаю по странам, словно фанатик, так и не могу начать бурную личную жизнь. Была за это время лишь небольшая интрижка, ещё в Бостоне, но не более. Я писал об этом деле совсем немного. Отравление нескольких балерин, приведшее меня к торговле элитными проститутками. Устраня-

ли девушек, которые оказали сопротивление и многое знали. Многие ночные клубы прикрывались своей афишей, а на самом деле многих танцовщиц и балерин накачивали наркотиками и продавали за рубеж. И у меня случилась, хоть и временная, влюблённость в стриптизёршу. Кто бы мог подумать. Может просто, потому что женщины долго у меня не было. Я даже после раскрытия дела и передачи данных в ФБР, пару раз назначил свидание. А она ведь действительно милая девушка. Но, нет. Это лишь порыв, не более.

Вообще, сейчас, летом, работы хватает. Весна была не урожайной, а вот теперь с деньгами проблем не имею, тем более дела раскрываются. Поступил заказ от богатого бизнесмена (была письменная договорённость, что имени его никому не раскрою). С его счетов было выведено незаконно много денег, потом обокрали несколько его особняков, похитили бывшую жену. Обратиться в полицию он не мог. Я не очень люблю людей, которые не совсем чисты на руку, поэтому обычно отказываю. Почему согласился в этот раз? Сам не знаю. Да и не в деньгах было дело, заплатили мне обычную сумму. Может, дело показалось интересным. Я так думал сначала. В итоге всё оказалось слишком банальным. Именно его бывшая жена всё и организовала. Посчитала, что он мало ей дал денег при разводе. Хотя всю аферу она провела здорово, что тот даже на неё не подумал. Мне пришлось изрядно покататься по Франции, Италии, Бельгии. Времени ушло много. И в целом, эта работа не особо окупилась. И

эта чёртова погода. Ну, серьёзно. Июль. И при этом дожди, дожди, дожди. Ну как так можно.

И вот я теперь в Бухаресте. Занесло, так занесло. Думал, хоть в восточной части Европы, с погодой будет лучше. Навивный. Сегодня весь день поливал дождь. Хоть сейчас он и прекратился, но тучи не разошлись, а ветер так и норовит остудить твои яркие порывы. Но я сижу в тёплом кафе и попиваю крепкий кофе. Глядя в широкое окно можно любоваться прекрасными видами столицы. Архитектура тут прекрасная.

Что же я тут делаю?

Письмо мне пришло от анонима. Причём не на электронную почту, а настоящее письмо. Что ещё больше удивило, то это случилось тогда, когда я находился в Лилле. Обычно такие письма должны приходить на мой адрес, а, следовательно, в Нью-Йорк. Почтальон заявил, что к ним в контору заявился человек и попросил передать его лично в руки мне. Даже заплатил денег. Лицо своё он скрывал. Но, как мне сказали, точно был не европеец. Похож на азиата. Значит ли это, что за мной следят? Скорей всего, да.

Адреса, откуда письмо, не было. Лишь имя, для кого оно написано. Моё. А также инициалы на японском языке. Я не особо в этом силён, но мне помогли перевести фразу. «Это ваш друг, Харуки». Первый раз слышал это имя. Я в принципе не был никогда в Японии, поэтому не имел представления о том, что понадобилось этому человеку и как ему удалось

узнать, где я. Страха преследования или просто недоброжелателя не было. Я всегда к такому относился очень поверхностно. Всё-таки работа, без этого никак. Поэтому принял письмо спокойно, и в отеле открыл его. Пишу сюда дословно весь текст. Написано на английском языке.

«Здравствуйте, Брайн. Хоть я и назвал вас другом на конверте, мы с вами не встречались. Даже больше, никак не взаимосвязаны друг с другом. Я японец, моё имя Харуки. Являюсь настоятелем небольшого храма. Почему я вам написал?»

Понимаете, я узнал о вас случайно. Если честно, мне бы не хотелось вовлекать вас во все события, которые могут произойти, но, если честно, вы уже вовлечены. Как именно узнал? Может быть, когда-нибудь, скажу, но сейчас вы мне не поверите. Главное, что я знаю о ваших расследованиях, и мне вы интересны, как личность и детектив.

Я не прошу вас раскрыть убийство, похищение и т.п. Нет. Я хочу вам помочь. Вы, само собой, можете спокойно отказаться. Потому что то, во что вы ввязаетесь, будет слишком опасным. Это стоит даже вашей жизни.

Сейчас такое время, когда обстановка в мире нестабильна. И я говорю совсем не о том, о чём может подумать практически каждый человек. Мир – понятие намного обширнее. И это не концентрируется лишь на нашей планете. И я говорю не о космосе. А о мире, мирах. Можно сказать, реальностях. Сейчас равновесие, в котором мы живём, наруша-

ется. И я хочу вам показать вещи, которые помогут понять всё это. Если же вы хотите этого. Я не настаиваю.

У вас же есть нераскрытые дела, которые странным образом переплетены друг с другом, хоть это и не явно на первый взгляд. Так вот. Я могу вам показать большее из тех историй. Поэтому, если вы заинтересовались моим предложением, то приезжайте по адресу, что написан на обратной стороне письма.

Спасибо, что прочитали. С уважением, Харуки».

Я долгое время переваривал эту информацию. После прочтения, сразу всплыли мысли тех самых странных расследований, которые так ни к чему и не привели. Хотя толком в письме ничего не говорилось, лишь тонкие намёки, но я не сомневался, что это не просто шутка человека. На обратной стороне листа был адрес небольшой гостиницы в столице Румынии. Поразмышляв целую ночь, всё-таки решил, что стоит съездить. Ведь ничего не теряю. А те расследования плотно запали мне в душу.

И вот, я сижу в небольшой кафешке в Бухаресте. На улице отвратительная погода. Сам себе твержу, что делаю какую-то глупость. Рванулся в другой конец Европы по непонятному письму от неизвестного человека. До нужной гостиницы было рукой подать.

Приблизительно в обед я зашёл внутрь. Внизу у стойки спросил, есть ли на моё имя что-то. И, к удивлению, было письмо. В том первом на обороте помимо адреса ещё име-

лась надпись, где говорилось, чтобы я спросил в этой гостинице о вещи, которая полагалась именно мне. Им же это письмо передал почтальон, не сказав ни слова.

Внутри была подробная карта близлежащей территории Бухареста и листок с адресом. Некий Харуки предлагал мне съездить в психиатрическую больницу, которая три года назад закрылась из-за прекращения финансирования. Находилась она за городом в сосновом лесу. Мне, если честно, хватило такой больницы еще в Швейцарии (та самая, «святого Лоренцо»). Закрались некоторые сомнения, тем более это заброшенное место. Что я там могу найти? Но раз уж приехал, довести нужно дело до конца.

Ехать решил уже на следующий день с самого утра. На свежую голову.

18 июля

Сегодня, по крайней мере, не было дождя, да и периодически выглядывало солнце. Перед тем, как ехать, решил поинтересоваться у местных об этой больнице. Кто-то говорил, что это просто заброшенное здание, где часто можно застать бездомных или наркоманов. А некоторые наоборот заявляли, что такое место нужно обходить стороной. Там всегда тишина, и никто не приближается к больнице. Администратор отеля заявил, что ходили слухи о пытках и экспериментах, проводимых незаконно на людях. Тем более, во время Второй Мировой это была военная база, а после тюрьма. И только в семидесятых из здания сделали психиатрическую боль-

ницу.

Все эти рассказы не внушали мне радостных позывов. Даже таксист высадил меня на повороте к этому месту. Немного заросшая каменная дорога через лес вела туда от основной магистрали. Кроме карты, телефона, фонарика и пистолета, я ничего не взял. Природа вокруг не казалась мне страшной. Сосны вызывали величие, десятки птиц напевали песни. Но чем дальше я шёл по дороге, тем тише становились звуки и мрачнее обстановка. Деревья тут уже закрывали небо, никаких животных слышно не было. Спустя какое-то время моим глазам открылось это здание. Мрачное, серое, четырёхэтажное здание. Кирпичное и без стёкол на окнах. Таких в своей жизни я видел сотни, поэтому особого страха не было. Но тишина. Почему здесь так тихо? Словно живность обходит стороной. Входных дверей не было, рядом валялись доски, стекло, металл. Нужно было двигаться осторожно. Включив фонарик и выставив вперёд пистолет, вошёл внутрь. В нос ударил запах сырости и лекарств. Хотя уже более трёх лет тут никого нет, а всё равно, кажется, что совсем недавно тут ещё лечили. По крайней мере, по запаху. Электричества, само собой не было. В свете фонаря я увидел полный хаос. В холле здания всё было раскурочено, разбросано, разбито. Тут явно кто-то орудовал.

И что я тут забыл? Что ищу? Я подошёл к огромному стенду, где были написаны фамилии всего медицинского персонала и кабинеты, где они принимали больных. Тут я и заме-

тил странное. Одна фамилия была хорошо перечёркнута напротив кабинета №9. Он находился в правом крыле первого этажа. Была не была. Я решил проверить это место, и если ничего не найду, то свалю отсюда. Хоть и не особо страшно, но немного было не по себе. Пока шёл, несколько раз споткнулся и только чудом не упал. На нужной двери не было никакой таблички, да и сама она вся была завалена мусором. Такое чувство, что кто-то хотел стереть из памяти всё то, что связано с этим врачом и местом его работы. Я начал медленно разбирать этот завал, пару раз порезал руку, хорошо неглубоко. Через минут пять мне удалось открыть дверь.

Ничего необычного внутри я не увидел. Обычный кабинет врача, только слишком загаженный. С двух больших стеллажей были сброшены на пол все книги и документы. От компьютера на столе осталась одна мышка. Я сразу подошёл к столу. Там лежала табличка с именем и фамилией. «Дин Легин». Я не мог вспомнить, но был уверен, что слышал уже о таком человеке. Решил порыться в ящиках стола. И в одном из них нашёл кассету. VHS-кассету. Она так аккуратно лежала в ящике, совсем не запылённая. Её кто-то сюда положил недавно. Подозрительно. Сверху к ней приклеена бумажка. «Проигрыватель есть в подвале». Вся эта ситуация вызвала у меня дикий смех. «Серьёзно? Нужно теперь идти в подвал, чтобы посмотреть её? Что за квест то такой? Кто-то играет со мной?» В этот момент мне послышалось, что в глубине больницы происходит какой-то шум. Вот тут стало

реально страшно. Недолго думая я выскочил в окно вместе с кассетой и побежал со всех ног по дороге. Только через несколько метров обернулся назад. Никто за мной не бежал, а здание всё также стояло на месте. Сердце билось неистово. Я вспомнил момент в лесу возле больницы святого Лоренцо. Тогда тоже бежал от чего-то. Может просто обман слуха? Но возвращаться точно уже не стал. Ведь кассету можно и в другом месте посмотреть. Идти ещё в какой-то подвал мне совершенно не хотелось.

Я вызвал такси и поехал в отель. Кассета лежала у меня в кармане. Было такое чувство, будто я что-то украл, что-то ценное, и теперь за мной будут охотиться. Пообедав в своём номере, стал обзванивать места, где мне удастся её посмотреть. Нашёлся один компьютерный старый клуб, где это было возможным. Я договорился на завтра. Решил сегодня отдохнуть. И хоть и понимал, что ничего не сделал, но всё время оглядывался. Не покидало чувство, что, не зайдя в тот подвал, я нарушил некую цепочку событий.

Перед сном чувствовал себя не очень. Погода ещё ухудшилась, и шёл сильный ливень. Всё время думал, что за мной следят. И зачем я только на это согласился? Неужели мне жизнь так не дорога? Сверил надписи на бумажке и письме. Почерки разные. Значит, кассету в тот кабинет принёс не этот Харуки. Может их много действует? Какая-то банда? Решил в голове перекрутить все свои последние дела за год. Может кто-то мне мстит? Сомнительно.

Спал плохо, всю ночь снились кошмары.

19 июля

Проснулся совершенно разбитым. Солнце ярко светило в окно. Ну, хоть погода хорошая. Решил проехаться до неплохого ресторанчика и успокоиться. Утром было несколько звонков от самых разных людей, предлагавших работу. Когда первый раз позвонили, я не на шутку испугался, и даже боялся отвечать. Записал все предложенные дела в специальную книжку и пообещал перезвонить завтра. Лишь еда и хорошее вино немного успокоили меня. До моего времени, на которое я записался, ещё оставалось несколько часов, поэтому решил прогуляться по городу. Я в Бухаресте был впервые всё-таки. После этой прогулки стало как-то полегче. Кассета всё время находилась в моей сумке. Вызвав такси, поехал в компьютерный клуб.

Мне выделили отдельную комнату, где можно просматривать на старых видеомэгнитофонах. Перед этим владелец клуба осмотрел кассету и сразу предупредил, что качество видео будет плохим, и часть плёнки, скорей всего, повреждена. И это, несмотря на то, что сама кассета выглядела практически как новенькая. Было немного страшно, когда я включал её. Надев наушники, я нажал «Play». Началось шипение и полосы на экране. Затем моему взору открылась большая комната, похожая на операционную в больнице. Кучи проводов, электрощитов, коек, стеллажей с бумагами. Затем к камере, откуда велась съёмка, подошёл мужчина в халате.

Лет сорока или пятидесяти с бородой и короткой стрижкой, в очках (сложно было понять по качеству видео). Он начал говорить на камеру. Все его слова, практически дословно, записываю в свой дневник.

«Экспериментальная запись №1.

Меня зовут профессор Дин Легин. Я врач психиатрической больницы №3 города Бухарест. Мы сейчас находимся в моём втором кабинете, где я провожу эксперименты. Это подвал больницы. Буквально вчера я представил свою новую работу на врачебной конференции. Мой доклад в Вене «по энергетическим и психическим возможностям людей» был хорошо принят. Я считаю, что каждый человек уникален и имеет свой энергетический баланс, который сокрыт в нём. Благодаря этому возможности людей с большим балансом значительно выше. На данный момент это всего лишь теория, которую я со временем хочу доказать практически. Я уверен, что это изменит всю концепцию психологии человека и его возможностей. А уже сегодня утром был звонок от одного мужчины, который хочет помочь в моих трудах, развивать их. Завтра у нас встреча. Я как никогда взволнован».

После этой записи пошли полосы и шипение. Часть плёнки была повреждена. Я понял, что это личные записи того самого доктора. Именно их мне и хотел показать Харуки. Я всё не мог вспомнить, откуда я знаю этого человека. Кассета снова начала показывать. Вид помещения изменился из-за

огромного количества новых приборов и ящиков вокруг.

«Экспериментальная запись №3.

Как вы видите, сейчас здесь небольшой беспорядок. Приехало много оборудования. Не успеваю ничего. Сегодня поругался с главой больницы, ему не понравилось всё то, что я собираюсь делать в этом подвале. Но, видимо, разговор с мистером Ленсом всё изменил. Да, именно Роберт Ленс тот самый человек, который заинтересовался моей работой. Он решил вложить в это приличную сумму. Мы даже сделаем это помещение звукоизоляционным, чтобы никто не слышал, чем я тут занимаюсь. Не могу уже начать свою работу на полную силу».

Затемнение, и картинка снова появилась.

«Экспериментальная запись №4.

Сегодня такая хорошая новость. Моя дочка выиграла конкурс скрипачей в Вене. Я так рад за неё. Последнее время мы плохо ладим, но я очень хочу улучшить наши отношения. На следующей неделе мы должны встретиться. Надеюсь, и мой сын тоже придет. Мы с ним очень давно не виделись. Они оба живут с матерью.

Глава больницы заявил, что их дела плохи, и скоро учреждение закроют. Меня это откровенно не радует».

Снова шипение и полосы на экране. Причём, очень долго. И тут я вспомнил, откуда знаю этого человека. Это было то самое странное дело об убийствах музыкантов. Отец Татьяны Легковой и был Дин Легин. Точно. До переезда в Румы-

нию его звали Дмитрий Легков. Профессор раньше работал в Санкт-Петербурге. Из-за его неоднозначных взглядов был уволен, поэтому решил переехать в Бухарест, где и стал работать. Но к тому моменту с тем делом, он уже умер. Кстати при загадочных обстоятельствах. Его тело так и не нашли. Но сын? Я не нашёл тогда никакой информации о втором его ребёнке. Странно.

И только тут до меня дошло, что в этих записях присутствует имя Роберта Ленса. Это отец Джека Ленса. Неужели эти события связаны?

Снова заработало видео.

«Экспериментальная запись №7

Сегодня произошла встреча с человеком, которому интересны мои эксперименты. С ним и работал Роберт Ленс. Мужчина представился мистером Ноксом. Серьёзный такой человек. Хотя сейчас на лице жара, а он всё время в длинном чёрном плаще и шляпе. Мы обсудили наши взгляды на энергетический потенциал людей. Я заявил, что если изменить часть воспоминаний или потребностей человека, то его энергия может возрасти, а, следовательно, он будет более полезен для общества. Благодаря таким людям мы сможем лучше изучить все тайны мозга, а возможно даже разрушить само понимание реальности. Именно над этим вопросом я сейчас и тружусь. Мистер Нокс подкинул мне идею о том, что изменение клеток человека может увеличить потенциал индивидуума. Он показал мне

старые результаты экспериментов, которые проводились в швейцарской больнице более сорока лет назад. Клетки людей скрещивали с клетками животных. Новые гибриды, если они выживали, обладали невероятной энергией. Мне это показалось немного диким. Я не собирался проводить такие страшные эксперименты. В некотором смысле этот мистер Нокс пугает меня. Он был явно для меня неприятнее, чем Роберт Ленс. Но мы решили сотрудничать».

«Экспериментальная запись №8.

Мы с Робертом съездили в место, где работал мистер Нокс. Мне завязали глаза, так как оно было секретным. Роберт заявил, что он работает на правительства нескольких стран Европы. Как только мы вошли в здание, мне плохо, голова закружилась. Я потерял сознание. Поэтому встречу отменили. Я очнулся уже в машине. Правда...было такое чувство, что на самом деле я долгое время провёл в том здании. Странное чувство».

Снова шипение и полосы.

«Экспериментальная запись №11.

Уже несколько месяцев я никого не вижу в больнице. Вообще никого. Словно её бросили. Словно она закрыта. Но я не помню, чтобы мне кто-то об этом говорил. Странно. А может, и не месяцы прошли, а намного больше? Роберта я очень давно не видел, лишь всякие грузчики приезжают и иногда мистер Нокс. Но теперь мне никто не мешает.

Мне привезли новое оборудование. «Прибор для извлечения

памяти». Пациента, подключенного кабелями к голове, завозили в специальную трубу, где и происходил процесс. Никто толком не объяснил мне, что именно там происходит. Главное получать данные от испытуемого человека. Перед самым входом в моё подвальное помещение, по указанию мистера Нюкса поставили небольшой железный шкаф. Ключей от него не дали и сказали не обращать на него внимания. Мне стали приводить людей. Они всегда были без сознания. К этому моменту я уже сильно продвинулся в понимании энергетической силы людей.

Итак: 1) Внедрение сильных воспоминаний в память людей, изменение их памяти. Если создавать очень сильные воспоминания, которые травмируют или же наоборот, вдохновляют, то энергия увеличивается вдвое, а то и больше.

2) Реальные моральные потрясения людей, сильная боль или любовь, которые всегда присутствуют в памяти человека.

3) Скрещивание людей и животных (мне, почему-то, стал этот вариант казаться нормальным)

4) Люди, с рождения, обладающие невероятной энергией. Они родились такими, но их очень мало. Найти такого человека будет счастьем. Иногда их энергетический баланс может быть в 50 раз сильнее нескольких десятков человек.

Вчера мне привозили двух пациентов. Для мальчика по имени Роман мы применили замену воспоминаний. Это обо-

рудование просто чудо, я не понимаю, как оно работает, но с помощью него мы изменили ему память. Мистер Нокс сказал, что такое можно проводить с огромным количеством людей на большой территории. Я просто в шоке. Затем была девушка. Диана Монтгомери. Она только умерла, а уже лежала у меня на столе. Говорят, что девушка была невероятно сильно влюблена в человека. Её энергетический баланс был высок. Мистер Нокс заявил, что скоро будет привозить людей и животных для экспериментов со скрещиванием».

Снова шипение и полосы.

Я сидел в полном шоке. Эксперименты на людях, да ещё для таких странных дел, как добыча какой-то непонятной энергии. Что за бред происходит? Если по первым записям понятно, что они происходили, когда больница функционировала, то потом прошло несколько лет видимо. Сам профессор изменился. Что-то произошло, когда он поехал к этому Мистеру Ноксу. Мистер Нокс? Его слова про Швейцарию напомнили мне о той самой больнице святого Лоренцо, где тоже происходили эксперименты по скрещиванию. Неужели это тот тайный мужчина, приходивший к нескольким пациентам (те три преступника (Роджер Бриг, Бранн Кёниг и Мика Бравур) и история с Томом и Биллом Шекли), которого никто не помнит, и записей о нём нет. Роман? Не тот ли самый Роман Кижич, что знаком с Татьяной Легковой. Те странные события в его биографии. Он ведь тоже умер.

Неужели это про него говорится. А Диана Монтгомери? Если я правильно помню... конечно же. В деле Джека Ленса фигурировало такое имя. Я тогда не придавал ему никакого значения. Девушка погибла раньше той истории с Джеком. Правда, как мне рассказывали её родители, она была сильно влюблена в него, но никакой связи с её смертью и самим Ленсом я не нашел. Её сбил грузовик. Роберта Ленса он давно не видел? Видимо, к тому моменту тот уже умер. И опять смерть.

Снова заработала запись. На экране половина помещения была разрушена, всё повалено и разбито. Сам профессор был в крови и вёл себя неадекватно.

«Просто запись...»

Что я наделал! Господи! Я не хотел этого. Не хотел. Что я сделал со своим сыном?! Вчера мы встретились и поругались. Я не помню, что было потом. А затем это. Я превратил его в чудовище. Как до этого дошло?! Почему?! Неужели я в порыве ярости притащил его сюда и провёл эксперимент? У меня ведь были другие испытуемые, зачем мне ещё один. Тем более эксперименты удавались. Мой сыночек. Серёжа. Я превратил его в чудовище. Скрещивание с медведем. Он сбегал. Сбегал из больницы. Я не знаю, что делать...

Почему до этого дошло? Только сейчас упала пелена с глаз. Словно меня раньше чем-то накачивали. Этот мистер Нокс. Я и не знал, что прошло уже столько лет. Роберт давно умер. Как так? Больница закрыта давно. Эксперимен-

*ты по исследованию и добыче энергии нужно прекратить. Похоже, теперь мне не жить... Я надеюсь, что эту запись кто-то прочтёт. Она будет спрятана в стенах больницы. Я ввязался во что-то опасное. Мой сынок, что же я наде-
лал...»*

После этого кассета закончилась. Я вытащил её из видеомагнитофона и встал. Шок. Какой же я испытывал шок. Выйдя на улицу, вдохнул свежего воздуха. Погода хоть стала радовать. В голове миллион мыслей. Я шёл по тротуару, не видя ничего перед собой. Пытался сложить воедино всю историю, которую уже знал.

Итак. Если я правильно понял, есть некий Мистер Нокс. В 1976 году он побывал в больнице святого Лоренцо в Швейцарии. У известных молодых преступников, убийц. После этого никто ту троицу никогда не видел, а палата, в которой они лежали, была разрушена взрывом. Тогда же происходили исчезновения людей. А затем находили в лесу странных мерзких существ похожих на гибрид человека и зверя. В той палате были различные надписи, и стояло зеркало. Второй раз этот человек появился в больнице, когда там лежала Эмма Шекли, которая сходила с ума. Она твердила, что её сын пропал. При этом она твердила не про Тома, а про другого мальчика, хотя у них один ребёнок. Позже она умерла в палате от удушья. Пропал и Том. Он тоже стал говорить отцу о своём брате, которого нет. Но старая медсестра сказала, что Билли (брат Тома) лежал вместе с матерью, но

неожиданно исчез. А потом я в зеркале видел этого Билли в той страшной палате. Мистер Нокс, судя по записям, был знаком с Робертом Ленсом. Подробности я пока не знаю. Этот Роберт, похоже, был не простым человеком. Тем более, на стороне, он завел ребёнка. Мэгги, которая уже умерла от болезни. Эта история пока не сильно вяжется. Так, что дальше? Профессор Дин Легин (Дмитрий Легков) работал над теорией об энергетическом потенциале людей и о том, как можно это выявлять и использовать. Через Роберта мистер Нокс вышел на него и предложил работу. Скорей всего с ним что-то сделали, для того, чтобы тот работал и не задавал вопросов. Он проводил эксперименты на людях. Роман Кижич, молодой музыкант, в биографии которого есть странные факты. Глухонемая девочка в его школе и смерть парня. Он отдал собственное сердце. В целом там всё логично, но почему-то мне кажется странным. С ним проводили какие-то эксперименты, изменили его память. Практически сойдя с ума, профессор провёл эксперимент по скрещиванию медведя и собственного сына. Полученный монстр сбежал. И логично предположить, что это именно он встретился с Татьяной Легковой в зоопарке в Калининграде, умея возвращать свой облик на человеческий. Но в итоге погиб, борясь с преступником и с самим собой. Вот почему девушка его не испугалась. К профессору вернулся разум, он понял, что сотворил. Но он уже умер какое-то время назад. И, наконец, дело Джека Ленса. Он пропал при неизвестных обстоя-

тельстввах, попав в аварию, где погиб его сын. Его жена также погибла, рядом с ней было тело лисы. Возможно, я ещё не уверен, с ней тоже провели эксперимент по скрещиванию. Джек ведь сын Роберта, значит, что-то это всё объединяет. И девушка Диана, которая была влюблена в Ленса, погибла. С ней также проводился какой-то эксперимент.

Прокручивая всё это в своей голове, я не мог поверить. Неужели все эти истории как-то взаимосвязаны? Неужели я действительно вляпался в какую-то огромную страшную историю?

Придя в отель, я сразу ушёл в номер. Голова так болела, что сразу упал на кровать и уснул. К удивлению, спал крепко, и кошмары не снились.

Проснулся уже поздно вечером. Пришёл швейцар и принёс письмо. Сказал, что пару часов назад появился почтальон. Увидев такие же инициалы, что и в прошлом письме, я сразу же схватил его. Оно снова было от этого Харуки. Внутри был написан лишь новый адрес и несколько слов.

«Если вам всё это стало интересно, то приезжайте по этому адресу, и мы поговорим. Если нет, то забудьте всё то, что знаете. Решать вам».

Я сидел и несколько раз перечитывал письмо. Потом подошёл к зеркалу и посмотрел на собственное отражение. Нужно ли мне всё это? Готов ли я разгадать очередную загадку? На лице появилась улыбка. Готов. Ведь я же детектив как-никак.